

гверб в пето

Р. Хайнлайн

ФАНТАСТИКА

гверб в пето

Р. Хайнпаин

Фантастический роман

Перевод с английского

Л. Абрамова

Саратов
Приволжское
книжное издательство
1990

84 (7США)
Х15

Книга издана за счет средств автора перевода

Robert A. Heinlein

The Door into Summer. New York, 1971.

New American Library.

© Fantasy House, Inc., 1956.

© Robert A. Heinlein, 1957.

Хайнлайн Р.

Х15 Дверь в лето: Фантастический роман / Пер. с англ. Л. Абрамова.— Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1990.— 240 с.

ISBN 5—7633—0408—Х .

Фантастический роман известного американского писателя Роберта Айсона Хайнлайна (1907—1988 гг.). В центре повествования — путешествие во времени, которое автор использует для того, чтобы дать возможность герою рассчитаться с обидчиками и соединить свою судьбу с судьбой любимого человека.

X **4703040100**
153(01)—90 без объявл.

84(7США)

ISBN 5—7633—0408—Х

- © Лев Маркович Абрамов,
перевод;
- © Евгений Алексеевич Савельев,
Олег Алексеевич Савельев,
оформление;
- © Роман Эмильевич Арбитман,
послесловие, 1990.

1

В ту зиму, незадолго до Шестинедельной войны, я со своим котом по имени Петроний жил на старой ферме в штате Коннектикут. Вряд ли она сохранилась до наших дней — она стояла как раз на краю зоны атомного поражения (это когда немножко промахнулись по Манхэттену), а эти старые хибарки горят, как бумажные салфетки. Да если бы даже она и уцелела, я бы её теперь не снял из-за повышенной радиации. Ну, а тогда нам с Питом там нравилось. Канализации, правда, не было, поэтому сдавали ферму по дешёвке. В комнате, что некогда называлась столовой, окна выходили на север, и свет для работы на чертежной доски был подходящий.

Дом имел один недостаток: в нем было одиннадцать дверей.

А если считать и дверь для Пита — то все двенадцать. Я всегда старался, чтобы у Пита была своя дверь. В данном случае дверью ему служила вставленная в окно незанятой спальни фанерка, в которой я выпилил отверстие такого размера, чтобы усы не застревали. Слишком уж много времени в своей жизни я потратил, открывая двери кошкам. Однажды я даже вычислил, что за всю историю цивилизации человечество убило на это дело сто семьдесят восемь человеко-веков. Могу показать расчеты.

Обычно Пит пользовался своей дверью, кроме тех случа-

ев, когда ему удавалось умягкать меня, чтобы я открыл ему человеческую дверь — их он любил больше. Однако он категорически отказывался пользоваться своей дверью, если на земле лежал снег.

Ещё котёнком Пит выработал очень простое правило: я отвечаю за жильё, питание и погоду; он — за всё остальное. Но в особенности, по его убеждению, я отвечал за погоду. Зима в Коннектикуте хороша только для рождественских открыток; а Пит в ту зиму регулярно подходил к «своей» двери, выглядывал наружу и — не дурак же он! — отказывался выходить на улицу из-за этой белой дряни под лапами. Потом он мучил и преследовал меня до тех пор, пока я не открывал ему «человечью» дверь.

Пит твёрдо верил, что хотя бы за одной из этих дверей его ждёт хорошая летняя погода. Поэтому каждый раз мне приходилось терпеливо обходить с ним все одиннадцать дверей, открывая каждую, чтобы он мог убедиться, что и там — зима. С каждым следующим разочарованием кот всё больше убеждался, что я со своими обязанностями неправляюсь.

Потом он сидел дома и терпел до тех пор, пока давление в мочевом пузыре буквально не выжимало его наружу. А когда он возвращался назад, кусочки льда между подушечками на его лапах цокали по дощатому полу, словно деревянные башмачки. Он сердито смотрел в мою сторону и отказывался мурлыкать до тех пор, пока не вылижет весь лёд на лапах, после чего всё же прощал меня — до следующего раза.

Но упорно продолжал искать Дверь в Лето.

3 декабря 1970 года я тоже искал её. Однако поиски мои были такими же безнадежными, как старания Пита в январском Коннектикуте.

Та малость снега, что выпала в южной Калифорнии, лежала на склонах гор, на радость лыжникам, а не в Лос-Анджелесе — вряд ли снежинки вообще сумели бы прорваться через густой смог. Но зима наступила в моём сердце.

Здоровье у меня было в порядке (если не брать в расчёт хронического похмелья); мне было чуть за тридцать; бедность мне не угрожала. Меня никто ни за что не разыскивал: ни полиция, ни судебные исполнители, ни чужие мужья. В общем, ничего катастрофического, что не поддавалось бы лечению с помощью сеансов лёгкого забвения. Но поселившаяся у меня в сердце зима гнала меня искать Дверь в Лето.

Если вам показалось, что мне было очень себя жалко, то вы правы. Наверняка на белом свете было добрых два миллиарда людей, дела у которых обстояли хуже моего. И тем не менее именно я искал Дверь в Лето.

Большая часть дверей, которые мне удалось осмотреть во время поисков, открывалась в обе стороны, вроде тех, перед которыми я сейчас стоял. На вывеске над дверями значилось: гриль-бар «САН-СУСИ». Я вошел внутрь, выбрал кабинку в середине зала, осторожно поставил сумку на диванчик, сам сел рядом и стал ждать официанта.

Сумка потребовала голосом Пита:

- Муррр?!
- Спокойно, Пит,— сказал я.
- Мя-а-а-у!

— Глупости, ты только что ходил по этому делу. Угомонись, официант идет.

Кот притих. Я поднял глаза на склонившегося над столиком официанта и сказал:

- Двойной виски, стакан воды и бутылочку имбирного пива.
- Пиво с виски, сэр? — официант увял.
- У вас есть пиво? Или нет?
- Есть, конечно. Но...
- Тогда неси. Я не буду *пить* это пиво. Я только буду *на него* глядеть и морщиться. И ещё принеси блюдечко.
- Как прикажете, сэр.— Он протер стол.— А как на-*чёт* бифштекса, сэр? И устрицы сегодня тоже очень хороши.

— Слушай, приятель, ты получишь свои чаевые и за устриц, если пообещаешь, что не будешь подавать их. Мне надо только то, что я заказал... и не забудь, пожалуйста, блюдечко.

Он заткнулся и ушёл. Я опять велел Питу сидеть тихо. Официант вернулся, уязвленный тем, что его заставили подавать имбирное на блюдечке. Я сказал ему, чтобы он откупорил бутылку, покуда я смешиваю виски с водой.

— Другой стакан, для имбирного, сэр?

— Я настоящий ковбой. Я пью из горлышка.

Он закрыл пасть и безропотно принял плату за выпивку и чаевые (в том числе и за устрицы). Когда он отошел, я налил имбирного пива в блюдечко и постучал по сумке:

— Пит! Кушать подано.

Сумка была не застегнута. Я никогда не застёгиваю ее, если внутри сидит кот. Он высунул голову, быстро огляделся и встал передними лапами на край стола. Я поднял стакан и посмотрел на кота; кот — на меня.

— Ну, за прекрасных дам, Пит. Чем больше их встречаешь, тем легче забываешь!

Он кивнул. Это вполне соответствовало его убеждениям. Изящно наклонившись, он начал лакать пиво. «Если, конечно, сумеешь забыть», — добавил я и глотнул из стакана. Пит не ответил. Для него забыть смазливую кошку труда не составляло: он был убеждённый холостяк.

За окном бара, на стене дома напротив, назойливо мигала реклама. Текст то и дело менялся: сперва светилось «РАБОТАЙТЕ ВО СНЕ!» Потом — «И СОН РЕШАЕТ ВСЕ ПРОБЛЕМЫ». И наконец, буквами вдвое большего размера: «МЬЮЧЕЛ ЭШШУРАНС КОМПАНИ!».

Я три раза механически прочёл мелькающие буквы, не думая об их смысле. О коммерческом анабиозе я знал не больше и не меньше остальных. Когда об этом деле объявили впервые, я прочел статью-другую в научно-популярном журнале. Пару раз в неделю вместе с газетами в почтовый ящик совали и рекламный листок. Я выкидывал эти листки

не читая: это касалось меня не больше, чем реклама губной помады.

Во-первых, до самого последнего времени я не смог бы себе этого позволить: Холодный Сон — штука дорогая. А во-вторых, если человеку нравится его работа, идут хорошие деньги (а в перспективе маячит еще больше), если этот человек влюблён и собирается жениться, так с чего бы вдруг ему совершать это полусамоубийство?

Вот если человек неизлечимо болен и ему всё равно помирать, но он надеется, что через полвека врачи смогут его вылечить, и если он в состоянии оплатить Холодный Сон до тех пор, пока наука не разберётся, что там у него не в порядке — что ж, тогда Холодный Сон — логичное решение. Или если он мечтает слетать на Марс и считает, что, вырезав лет пятьдесят из своего личного кино, он сумеет купить билет, это тоже логично. В газетах была заметка о каких-то двух чудиках, которые поженились и прямо из городской ратуши отправились в Хранилище Холодного Сна фирмы «Вестерн Уорлд Иншуранс Компани». Там они объявили, что просят их не беспокоить до тех пор, пока они не смогут провести медовый месяц на межпланетном лайнере. Хотя я лично подозреваю, что всё это — рекламный трюк страховой компанией, а те двое смылись через заднюю дверь: ну, не верю я, что кто-то согласится провести первую брачную ночь, лежа рядышком, как мороженая макрель.

Была в этом и привлекательность откровенно денежного свойства. Одна из страховых компаний даже выдала рекламный лозунг: «Работайте во сне». Просто лежи себе, а твои денежки пусть растут, превращаясь в состояние. Если вам пятьдесят пять, а пенсия у вас — двести в месяц, почему бы и не поспать лет двадцать? Проснёшься — тебе опять 55, а пенсия — уже по тысяче ежемесячно. Не говоря уже о том, что проснёшься-то в новом и прекрасном мире, где ты, возможно, проживёшь дольше и будешь здоровее, а тысяча в месяц принесёт тебе гораздо больше радости.

На эту мысль нажимали все компании, и каждая с неопровергими цифрами доказывала, что её акции позволяют делать больше денег, и делать быстрее, чем акции любой другой компании. «Делайте деньги во сне!»

Меня это не вдохновляло. До 55 мне было ещё далеко. На пенсию я не собирался. Да и в 1970-м я не видел ничего худого.

Точнее сказать, не видел до недавнего времени. Теперь же я, хочешь не хочешь, был вроде как на пенсии. Я, кстати, не хотел. Вместо свадебного путешествия я сидел во второразрядном баре и пил виски исключительно ради обезболивания души. Вместо жены у меня -- оболтанный кот, пристрастиившийся к имбирному пиву. Что же касается того, нравится ли мне мое время — я бы махнул его не глядя на ящик джина, да и то перебил бы все бутылки.

Но вот уж банкротом я не был.

Я сунул руку в карман, достал конверт. Открыл его. Там лежали две бумажки. Первая — чек на сумму, которой я ещё ни разу не держал в руках. Вторая -- акционерный сертификат фирмы «Золушка Инкорпорейтед». Обе немножко помялись: я ведь таскал конверт в кармане с тех пор, как мне его вручили.

Так почему бы и нет?

Почему бы не сбежать и не переспать мои печали? Приятнее, чем поступить в Иностранный Легион; не так противно, как самоубийство, и это будет для меня полный развод — с людьми и событиями, испортившими мне жизнь.

Возможность разбогатеть не слишком кружила мне голову. Ну, я, конечно, читал «Когда спящий проснётся» Г. Дж. Уэлса, когда это был ещё просто обычный роман — ещё до того, как страховые компании начали раздавать книгу бесплатно ради рекламы. Какие проценты могут набежать по смешанному вкладу, я представлял. Но я не был уверен, хватит ли у меня денег купить себе Долгий Сон и при этом положить в банк сумму, достаточно крупную, чтобы игра стоила свеч. Меня больше привлекало другое:

ложишься баю-бай и просыпаешься в другом мире. Этот мир может оказаться гораздо лучше (по крайней мере, страховые фирмы очень стараются убедить в этом своих клиентов), а может быть, и хуже. Но уж д р у г о й — на-верняка!

Об одном существенном отличии того, другого мира от нынешнего я определённо мог позаботиться: я смогу проплатить достаточно долго, чтобы проснуться в мире, где нет Беллы Даркин. И Майлса Джентри тоже. Но Беллы в особенности. Если её не будет на свете, то я смогу забыть её, забыть, что она сделала со мной, вычеркнуть её из памяти. Пока она жива, червячок воспоминаний будет постоянно точить моё сердце, напоминая о том, что она — всего в нескольких милях от меня.

Так-так, посмотрим, сколько же лет на это нужно? Белле двадцать три. Так, во всяком случае, она утверждает. (Правда, однажды она проговорилась, что помнит, как Рузвельт был президентом.) Ну, тридцати-то ей^и ещё нет, и если проплатить семьдесят лет, то я ещё смогу отыскать некролог. Семьдесят пять для верности.

Тут я вспомнил об успехах гериатрии. Поговаривают о ста двадцати годах как о «нормальной» продолжительности человеческой жизни. Наверное, надо проплатить сто лет. Только вряд ли найдется страховая компания, которая прёдлагает та к о й срок.

И тут, навеянная теплом от виски, мне в голову пришла злодейская мыслишка: вовсе не обязательно спать до тех пор, как Белла погибнет. Вполне достаточно (более чем достаточно!) — и это прекрасная месть женщине — быть молодым, когда она состарится. Скажем, лет на тридцать моложе. Этого хватит, чтобы достать её.

Я почувствовал прикосновение лёгкой, как пушинка, лапы к своей руке.

— Му-урр! — объявил Пит.

— Ты проглот, — сказал я, наливая ему ещё блюдечко пива. Он терпеливо подождал и начал лакать.

Но он нарушил стройную линию моих приятных размышлений. В самом деле, куда к чёрту я дену Пита?

Ведь кота нельзя отдать другим людям, как собаку: это против кошачьей натуры. Иногда кот привыкает к дому, но к Питу это не относится: с тех пор, как девять лет назад его забрали у мамы-кошки, единственной стабильной вещью в этом изменчивом мире стал для него я. Даже в армии я умудрился держать его при себе, а уж там-то ради этого пришлось покрутиться.

Он был в добром здравии и, вероятно, болеть не собирался, хотя и держался весь на одних шрамах и рубцах. Если бы он отучился чуть что лезть в драку, то, наверное, ещё лет пять исправно обеспечивал бы окрестных кошек котятами.

Я бы мог заплатить, чтобы его держали в конуре до конца его дней, что совершенно немыслимо, или сдать ветеринару, чтобы его усыпили, что тоже совершенно немыслимо, или просто бросить его. С кошками, в сущности, так: или ты несёшь крест свой до конца, или бросаешь бедную тварь, и она дикает и теряет веру в высшую справедливость. (Именно таким образом Белла поступила со мной.)

Так что, дружище, можешь забыть об этом деле. Жизнь твоя пошла вкривь и вкось, но это ни в коей мере не освобождает тебя от твоих обязательств перед этим насеквоздь испорченным котом.

Когда я достиг этих философских истин, Пит чихнул: это газ шибанул ему в нос.

— Будь здоров! — сказал я ему,— и не пей так быстро.

Но Пит этот совет проигнорировал. Он умел вести себя за столом лучше меня и знал это. Наш официант ошибался у кассы, болтая с кассиром. Время ленча уже кончилось, и немногочисленные посетители сидели у стойки бара. Когда я сказал «будь здоров!», официант взглянул в нашу сторону и что-то шепнул кассиру. Оба посмотрели на меня, потом кассир поднял крышку стойки и пошёл к нам.

Я тихо сказал:

— Полиция, Пит.

Подойдя к столику, кассир огляделся и вдруг потянулся к сумке, но я сдвинул её края плотнее.

— Извини, приятель,— сказал он без выражения,— но кота придётся отсюда убрать.

— Какого кота?

— Которого ты кормил из этого блюдца.

— Не вижу тут никакого кота.

Тут он нагнулся и заглянул под стол.

— Он у тебя в этом мешке.

— Кот в мешке? — удивлённо переспросил я.— Друг мой, это что — в переносном смысле?

— Чего?! Ты давай не умничай. У тебя в сумке кот. Ну-ка, открой!

— А ордер на обыск у тебя есть?

— Не болтай глупости. Ордер...

— Это ты болтаешь глупости: требуешь показать, что у меня в сумке, без ордера на обыск. Четвертая поправка к Конституции позволяет обыскивать без ордера только в военное время, а война уже давно кончилась. Теперь, если с этим всё ясно, скажи, пожалуйста, официанту, чтобы повторил все ещё по разу. Или сам принеси.

Лицо кассира приобрело страдальческое выражение.

— Дружище, я ничего не имею против тебя, но — я же беспокоюсь за свою лицензию. Видишь табличку вон там, на стене? Там же сказано: с собаками и кошками нельзя. Мы стараемся содержать наше заведение в отличном санитарном состоянии.

— Плохо стараетесь.— Я взял со стола свой стакан.— Видишь следы губной помады? Так что лучше следи за своей судомойкой, а не за клиентами.

— Не вижу я тут никакой помады!

— А я её стер... в основном. Ну, давай отвезём этот стакан в санитарную лабораторию, пусть там сосчитают бактерий.

Он вздохнул.

— А у тебя удостоверение при себе?

— Нет.

— Тогда квиты. Я не лезу в твою сумку, а ты не тащишь меня в санитарную службу. Так что, если хочешь выпить ешё, ступай к стойке и пей. За счёт заведения. Но не здесь, не за столиком.

— Мы, собственно, собирались уходить.

Когда, шагая к выходу, я поравнялся с кассой, он поднял голову.

— Ты не обиделся?

— Не-а. Просто я собирался на днях заглянуть сюда выпить со своей лошадью. Теперь не приду.

— Зря: в санитарных правилах про лошадей нет ни слова. Я вот хотел спросить тебя только об одном: твой кот правда пьет имбирное пиво?

— Ты про Четвертую поправку помнишь?

— Я же не прошу показать мне кота. Я просто хочу знать.

— Ну,— признался я,— он вообще-то предпочитает «ерша», но и чистое тоже пьет, когда приходится.

— Почки испортит. Глянь вон туда, друг.

— Куда?

— Откинься назад, чтобы твоя голова оказалась рядом с моей. Теперь посмотри на потолок над кабинками. Видишь зеркала среди украшений? Я знал, что там кот, потому что я видел его.

Я сделал, как он сказал, и взглянул. Потолок в забегаловке был весь разукрашен, в том числе и зеркалами. Теперь я увидел, что некоторые из них были наклонены под таким углом, что кассир мог смотреть в них, как в перископы, не покидая своего поста.

— Приходится,— сказал он извиняющимся тоном.— Видел бы ты, что в этих кабинках творится... то есть творилось бы, если бы мы за ними не приглядывали. Скверный это мир.

— Аминь, брат.

Я пошёл к двери. Снаружи я открыл сумку и понес её за одну ручку. Пит высунул голову наружу.

— Слышал, что сказал этот тип? «Это скверный мир».

Даже хуже, если два друга не могут спокойно выпить без того, чтобы за ними не шпионили. Так что решено.

— Мя-а-у? — спросил Пит.

— Как скажешь. Раз уж решили, чего тянуть?

— Мяу! — с энтузиазмом ответил Пит.

— Единогласно. Это как раз напротив.

Секретарша в приёмной «Мьючел Эшшуранс Компани» оказалась великолепным образцом функционального дизайна. Элегантно-обтекаемая, как гоночная машина, она тем не менее была оснащена этакой радарной установкой переднего базирования и всем остальным, необходимым для несения вахты. Я одёрнул себя, вспомнив, что она уже будет бабушкой, когда я проснусь, и сказал, что хотел бы побеседовать с продавцом.

— Присядьте, пожалуйста. Я сейчас узнаю, кто из наших агентов свободен.

Но прежде чем я успел сесть, она объявила:

— Вас примет наш мистер Пауэлл. Сюда, пожалуйста.

«Наш мистер Пауэлл» занимал кабинет, своими размерами внушавший посетителям, что дела у фирмы идут очень недурно. Он пожал мне руку (ладонь у него была потная), усадил в кресло, предложил сигарету и хотел было принять мою сумку, но я не выпустил её из рук.

— Ну-с, сэр, чем могу служить?

— Я хочу купить Долгий Сон.

Брови у него одобрительно поползли наверх, а манеры стали ещё обходительнее. Семидолларовой сделкой «Мьючел», похоже, тоже не побрезговала бы, но Долгий Сон — это шанс наложить лапу на всё состояние клиента.

— Очень мудрое решение, — произнес он почтительно. — Будь я свободен — сам бы поступил точно так же.

Но... семья, заботы, сами понимаете.— Он протянул руку и достал бланк.

— Клиенты-«сонники» обычно торопятся. Позвольте, я сэкономлю ваше время и заполню это сам... а медосмотр мы мигом организуем.

— Одну минуту.

— Да?

— Один вопрос. Вы можете организовать Холодный Сон и для моего кота?

Он удивился. Потом нахмурился.

— Вы шутите.

Я открыл сумку: Пит высунул голову.

— Вот, познакомьтесь — мой кореш; и ответьте, пожалуйста, на вопрос. Если нет, то я потопал в «Сентрал Вэли Лайабилити». Их контора ведь тоже в этом здании?

Теперь он выглядел напуганным.

— Мистер... э-э, извините, я не разобрал вашего имени?

— Дэн Дэвис.

— Мистер Дэвис, человек, вошедший в эту дверь, находится под благожелательным покровительством «Мьючел Эшшуранс». Я не могу отпустить вас в «Сентрал Вэли».

— И как же вы намерены меня не пустить? С помощью дзюдо?

— Ну зачем вы так! — Он расстроенно огляделся по сторонам.— В нашей фирме знают, что такое этика.

— Хотите сказать, что в «Сентрал Вэли» не знают?

— Я этого не говорил; это ваши слова. Мистер Дэвис, я не хочу на вас давить...

— И не надо. Не удастся.

— Но возьмите образцы контрактов из каждой компании. Сходите к адвокату, а ещё лучше — к юристу-текстологу. Разберитесь в том, что мы предлагаем — и выполняем! — и сравните с тем, что предлагает и якобы выполняет «Сентрал Вэли».— Он опять огляделся и подвинулся ко мне вплотную.— Мне бы не следовало этого говорить — и я надеюсь, вы не станете на меня ссылаться,— но они даже

не пользуются стандартными актуарными таблицами. Мы...

— Зато они, наверное, дают своим клиентам шанс?

— Что? Дорогой мистер Дэвис, мы распределяем между клиентами весь прирост прибыли. Это требование нашего устава. А вот «Сентрал Вэли» — акционерная компания.

— Тогда, может, мне стоит купить их ак... Слушайте, мистер Пауэлл, мы тратим время даром. Берёт «Мьючел» моего дружка в клиенты или нет? Если нет, то я и так уже, наверное, подзадержался у вас.

— Вы хотите сказать, что готовы заплатить за то, чтобы эту тварь сохранили для вас в состоянии гипотермии?

— Я хочу сказать, что хочу купить Долгий Сон для нас обоих. И не называйте его «этая тварь». Его зовут Петроний.

— Пардон. Я сформулирую вопрос по-другому. Вы готовы внести соответствующую плату за то, чтобы мы поместили вас обоих — вас и, э-э, Петрония — в наше Храмилище?

— Да. Но не двойную плату. Что-то сверх обычной платы, конечно, но вы можете запихать нас обоих в один гроб. Ведь нечестно брать за Пита столько же, сколько вы берёте за человека.

— Всё это очень необычно.

— Безусловно. Но о цене мы поговорим позже. Или я буду торговаться с «Сентрал Вэли». А сейчас я хочу выяснить, можете ли вы в принципе это сделать.

— Хм-м... — Он побарабанил пальцами по крышке стола. — Одну минуту. — Он снял трубку и сказал: — Beatrix, дайте мне доктора Берквиста.

Остальную часть беседы я не услышал. Он включил устройство, не позволяющее подслушивать. Но через некоторое время он положил трубку и улыбнулся так, словно у него умер богатый дядюшка.

— Хорошие новости, сэр! Я как-то совсем упустил из виду, что первые эксперименты на кошках оказались успеш-

ными. Техника и критические параметры для кошек вполне известны. Как выяснилось, в одной лаборатории ВМС в Аннаполисе есть кот, который уже более двадцати лет в анабиозе.

— А я думал, весь тамошний военно-исследовательский комплекс разнесло, когда накрыли Вашингтон?

— Только наземные сооружения, сэр. Подземные уцелели. Так что это даже свидетельствует о совершенстве техники: выше двух лет за этим котом следила только автоматика... и всё же он жив — цел, невредим и молод. И вы, сэр, тоже проживете столько, на сколько вверите себя нашей фирме.

Мне показалось, что он сейчас осенит себя крестным знамением.

— Ладно-ладно, поехали дальше. Что у нас там ещё?

Ещё было четыре момента. Первый — как платить за наше «обслуживание», пока мы нежимся в анабиозе. Второй — как долго я намерен проспать. Третий — во что я хотел бы вложить свои деньги, пока лежу в морозилке; и наконец, что будет, если я отдаю концы и не проснусь.

Я выбрал двухтысячный год — круглое число, и всего в тридцати годах отсюда. Я побоялся, что если я просплю дольше, то совершенно растеряюсь в новом времени. Изменений, произошедших за последние 30 лет — за мою жизнь,— достаточно, чтобы у человека глаза на лоб полезли: две больших войны и десяток малых, Великая Паника, искусственные спутники, переход на атомную энергию — да мало ли чего ещё не было, когда я был мальчишкой, а теперь вот есть.

Возможно, что и в 2000-м я растеряюсь. Но если я не заберусь так далеко, то Белле не хватит времени для отращивания морщин.

Когда мы взялись решать, во что вложить деньги, я даже не стал обсуждать всякие государственные займы и прочие традиционные капиталовложения, потому что инфляция просто встроена в нашу налоговую систему. Я

решил сохранить свои акции «Золушки» и вложить деньги в акции некоторых других компаний. Скажем, будет развиваться автоматика. Ещё я выбрал одну фирму в Сан-Франциско, выпускающую удобрения: она экспериментировала с дрожжами и съедобными водорослями; людей на свете с каждым годом всё больше, а мясо дешеветь не собирается. А всю образующуюся прибыль я поручил мистеру Пауэллу вкладывать в фонд доверительного управления их компании.

Но главный-то вопрос был — что делать, если я отдаю концы, находясь в анабиозе. Фирма утверждала, что у меня больше семи шансов из десяти проспать холодным сном тридцать лет, и была готова принять ставку на любой исход. Шансы были неравны, да я иного и не ожидал: в любой азартной игре в выигрыше всегда тот, у кого в руках банк. Только шулера делают вид, что новичку везет, а страхование — это узаконенное шулерство. Самая старая и почтенная страховая фирма в мире — лондонский Ллойд — не стесняется признавать это: представители Ллойда могут принять ставку на любую стороне любого пари. Но насчёт своих шансов не обольщайтесь: кто-то же должен платить портному за отличные костюмы, что носит «наш дорогой мистер Пауэлл»...

Я решил, что в случае моей смерти все деньги до последнего цента отходят в пользу компании, отчего мистер Пауэлл чуть не расцеловал меня, и я начал подозревать, что семь шансов из десяти, наверное, — приманка для оптимистов. Но я упёрся в это условие, потому что становился наследником (если выживу) всех тех, кто подпишет аналогичный контракт (если они умрут). Эта «русская рулетка»: кто уцелеет — собирает бабки. А фирма, как всегда, гребёт свои проценты.

Я поставил на возможность получить максимальную прибыль, не подстраховываясь на случай ошибки в выборе. Мистер Пауэлл просто исходил любовью ко мне, словно крупье к новичку, упорно ставящему на зеро. А к тому

времени, как мы оценили стоимость моего имущества, у него хватило ума не жмотничать в отношении Пита. Мы поладили на пятнадцати процентах «человеческой» цены за его замораживание и оформили на него отдельный контракт.

Оставалось заверить бумаги в суде и пройти медосмотр. За медосмотр я не волновался: я крепко подозревал, что после того, как я решил завещать свое «состояние» компании в случае моей смерти, они прощат меня через медосмотр в любом случае, даже будь у меня последняя стадия чёрной осды. Однако оформить бумаги в суде, наверное, долгая история. И неспроста: клиент в состоянии Холодного Сна юридически является лицом подопечным — живой, но беспомощный.

Я зря беспокоился. «Наш мистер Пауэлл» уже велел размножить все 19 документов в 4 экземплярах. Я подписывал их до судорог в пальцах, и посыльный умчался с ними в суд, когда меня повели на медосмотр. Мне даже не довелось взглянуть на судью.

Медосмотр оказался обычной нудной процедурой, за исключением одного момента. Заканчивая осмотр, врач посмотрел мне прямо в глаза и спросил:

— Давно запил, сынок?

— Запил?

— Запил.

— С чего вы взяли, доктор? Я не пьянее вас. Вот: на дворе трава, на траве...

— Всё-всё, хватит. Отвечайте на вопрос.

— Ну... недельки две, наверное. Может, чуть больше.

— Привычное пьянство? Сколько раз это случалось раньше?

— Да, честно говоря, ни разу. Понимаете, я... — Я начал рассказывать ему, как обошлись со мной Майлс с Беллой и почему я чувствую себя так...

Он выставил перед собой ладонь.

— Прошу вас, довольно. Мне хватает своих пережива-

ний, и я не психиатр. Всё, что меня сейчас интересует — выдержит ли ваше сердце замораживание до плюс четырёх градусов. И обычно меня не волнует, почему человек настолько псих, что лезет в норку и закрывается изнутри. Я считаю, одним дураком меньше под ногами мотается. Но те скучные крохи профессиональной добросовестности, что у меня остались, не позволяют мне допустить, чтобы человек — любой, даже самый жалкий — влез в этот гроб, если у него мозг пропитан алкоголем. Повернитесь.

— А?

— Повернитесь. Уколю в левую ягодицу.

Что мы и сделали: я повернулся, он уколол. Пока я потирал место укола, он продолжил:

— Теперь выпейте это. Минут через двадцать вы будете трезвее, чем были месяц назад. После этого, если у вас осталось какое-то благоразумие (в чем я сомневаюсь), обдумайте своё положение и решите, надо ли вам сбегать от своих проблем или стоит попытаться решить их по-мужски.

Я выпил то, что он мне дал.

— Всё, можете одеваться. Я подписываю ваши бумаги, но я вас предупреждаю, что могу наложить на них вето даже в последнюю минуту. Никакого спиртного; лёгкий ужин; и не завтракать. Придёте к двенадцати для окончательной проверки.

Он отвернулся, даже не попрощавшись. Я оделся и вышел, обиженный до боли. Мистер Паузэлл уже приготовил все мои бумаги. Когда я их взял, он сказал:

— Вы можете оставить их здесь, если хотите, и взять завтра в двенадцать — тот комплект, который вы заберёте с собой в ячейку.

— А что будет с остальными тремя?

— Один комплект мы храним у себя. После того, как мы поместим вас на хранение, один экземпляр уйдет в суд, а ещё один — в Карлсбадский архив. Э-э, насчет диеты вас доктор предупредил?

— Да уж, еще как.— Чтобы скрыть раздражение, я стал листать бумаги.

Мистер Пауэлл протянул руку.

— Я сберегу их тут до завтра, если позволите.

Я потянул их к себе.

— Я и сам их сберегу. Может, я выберу другие фирмы для капиталовложений.

— Э-э, это уж поздновато, мой дорогой мистер Дэвис.

— А вы меня не подгоняйте. Если я что-то изменю, я приду пораньше.

Я открыл сумку и запихал бумаги в боковой карман, рядом с Питом. Мне уже приходилось хранить там ценные бумаги. Хоть это и не архивы в Карлсбадских пещерах, но бумаги там были целее, чем вы думаете. Как-то раз один воришко пытался увести что-то из этого кармана. Думаю, у него до сих пор есть шрамы от когтей Пита.

2

Машину свою я нашел на том же месте, где оставил: на стоянке у Першинг-сквер. Я бросил монетку в прорезь автосторожа, воткнул датчик автопилота в выезд на западную автостраду, вытащил Пита из сумки на заднее сиденье и расслабился.

Точнее, попытался расслабиться. Движение в Лос-Анджелесе слишком быстрое и сумасшедшее, не для моих нервов, и расслабиться на автопилоте мне не удалось. Когда-нибудь я переделаю этот автопилот: до «современного и безопасного прибора» ему пока далеко, подумал я еще. Когда мы выехали на запад с Вест-авеню и переключились на ручное управление, я уже был на взводе и хотел выпить.

— А вон и оазис, Пит.

— Мурр?

— Вон там, впереди.

Но пока я искал, где бы припарковаться (Лос-Анджелесу не грозит вторжение: враги-оккупанты просто не найдут место для своих машин), я вспомнил, что доктор велел мне в рот не брать спиртного.

Я уже мысленно посоветовал ему пойти подальше со своими приказами. Но тут подумал: а вдруг он и через сутки сумеет определить, пил я или не пил? Была какая-то статейка в журнале — меня она тогда не касалась, и я не очень в ней вчитывался.

Чёрт, а ведь он запросто может запретить погружать меня в анабиоз. Пожалуй, придётся воздержаться на всякий случай.

— Мя?..

— Потом. Лучше найдем «драйв-ин»*.

Я внезапно понял, что не хочу выпить. Я хочу есть и спать. Доктор был прав: я был трезв и впервые за несколько месяцев чувствовал себя нормально. Может быть, ничего особенного мне в задницу и не впороли — обычный витамин В₁. Но если так, то витаминчик был на реактивной тяге.

Поэтому мы нашли «драйв-ин». Я заказал себе цыпленка, пару котлет, а Питу — молока, и повел его прогуляться, ожидая, пока принесут заказанное. Мы с Питом часто ели в таких кафе: туда не надо проносить кота тайком. Через полчаса я вывел машину из потока, остановился, закурил, почесал Пита под подбородком и задумался.

Дэн, милый, доктор-то прав: ты пытаешься влезть в бутылку. Голова у тебя острыя, пройдет, а вот плечам будет узковато. Теперь ты трезв; ты набил брюхо едой, и впервые за много дней она там уютно улеглась. Тебе лучше.

Чего же тебе ещё? Насчёт остального доктор, выходит,

---

* Кафе, где обслуживают клиентов, сидящих прямо в машинах, подвешивая столик-поднос к открытому окну дверцы (*прим. перев.*).

тоже прав? Ты что, капризный ребенок? Преодолеть препятствие — кишкаТонка? Почему ты решился на этот шаг? На приключения потянуло? Или просто сам от себя прячешься?

Но я и впрямь хочу туда, в 2000-й год, подумал я. Это же — ух!..

О'кей, хочешь. Но разве дело — сбежать, не рассчитавшись здесь?

Ладно, а как это сделать? После того, что произошло, Белла мне больше не нужна. А что я ещё могу? Подать на них в суд? Глупо. Доказательств у меня нет. Да и вообще в суде выигрывает только одна сторона — адвокаты.

— Мя-а! — поддержал Пит.

Я взглянул на его исполосованную шрамами голову. Да, Пит не стал бы судиться. Если ему не нравится покрой усов у другого кота, то он просто приглашает его выйти и подрасти, как положено настоящему коту.

— Я думаю, ты прав, Пит. Сейчас найду Майлса, оторву ему руку и буду этой рукой бить его по голове, пока не признается. Долгий Сон малость обождёт. Надо же узнатъ, как они это сделали и кто это сварганил.

Рядом оказалась телефонная будка. Я набрал номер Майлса — он был дома — и велел ждать моего приезда.

Мой старик нарек меня Дэниэл Бун Дэвис. Так он провозгласил личную свободу и уверенность в себе. Я родился в 1940-м, когда все считали, что индивидуализм обречен и что будущее принадлежит человеку коллективному. Отец в это верить отказался и назвал меня так из чувства противоречия. Он погиб в Северной Корее, до конца отстаивая свою точку зрения...

Когда началась Шестинедельная война, я уже имел диплом инженера-механика и служил в армии. Я не стал лезть в офицеры, несмотря на этот диплом. От отца я унаследовал непреодолимое стремление быть самим собой: не командовать, неходить под командой у других, не жить по расписанию. Я просто хотел отслужить свой срок — и до-

мой. Когда «холодная война» стала «горячей», я был техником-сержантом в арсенале Сандия, в Нью-Мексико: начинял атомные бомбы атомами и строил планы на будущее, когда выйдет мой срок. В тот день, когда Сандия исчезла с лица земли, я был в Далласе и получил полный запас впечатлений. Радиоактивное облако понесло в сторону Ок-лахома-Сити, так что я остался цел и даже получил военную пенсию.

Пит тоже уцелел похожим образом. У меня был приятель, Майлс Джентри. Он давно отслужил в армии, но его призывали служить опять. Он был женат на одной вдове с ребёнком, но к тому времени, как его призывали, она умерла. Жил он не в казарме, а снимал квартиру недалеко от своей части, в Альбукерке, чтобы у его падчерицы Фредерики был дом и семья. А Рики (мы никогда не звали её полным именем) присматривала за Питом. Слава кошачьему богу: Майлсу дали трое суток увольнения, и в тот жуткий день он увёз Рики на выходные. А Рики прихватила с собой Пита — я-то не мог взять его в Даллас.

Когда оказалось, что у нас заначено несколько дивизий в Тилэ и других местах, о которых никто и не подозревал, я удивился не меньше, чем все остальные. Ещё с тридцатых годов было известно, что человека можно охладить так, что жизнь в нём замирает почти до нуля. Но до Шестинедельной войны всё это считалось лабораторным трюком. Военные исследования, я вам скажу, такая штука: если есть люди и деньги — будут и результаты. Напечатайте ещё миллион, наймите ещё тысячу учёных и инженеров — и каким-то непостижимым, противоестественным образом вопросы начинают обретать ответы. Холодный сон, гибернация, гипотермия, снижение метаболизма — называйте это как хотите, но группы исследователей (медиков и технарей) придумали способ хранить людей как поленья и использовать их по мере надобности. Сначала «объект» нашпиговывают лекарствами, потом гипнотизируют, а затем охлаждают и хранят точнёхонько при 4 °C — при макси-

мальной плотности воды без образования кристалликов льда. Если «объект» нужен быстро, его можно довести до кондиции при помощи диатермии и постгипнотического растормаживания за десять минут, но от такой спешки ткани стареют, а человек может стать немножко... глуповатым. Если не торопитесь, то лучше сделать всё это часа за два. Ускоренный метод — метод «расчётного риска».

Вся эта история оказалась тем риском, на который противник не рассчитывал. Поэтому по окончании войны меня не расстреляли и не отправили в концлагерь. Мне заплатили денежки, и мы с Майлсом открыли свой бизнес, примерно тогда же, когда страховые компании начали торговаться Холодным Сном.

Мы уехали в пустыню Мохаве, открыли в списанном военном ангаре небольшую фабрику и начали выпускать «Золушку». Я обеспечивал техническую часть; у Майлса был опыт делового и юридического характера. Да, это я изобрёл «Золушку» и всю её родню — «Чистюлю Чарли» и других, хотя на заводских табличках и нет моей фамилии. Пока я служил в армии, я много думал о том, что может инженер. Наняться в «Стэндард Ойл», «Дженерал Моторз», к Дюпону? Будешь питаться регулярно; налетаешься в командировке в собственном самолете компании. Через тридцать лет — прощальный банкет и пенсия. Но хозяином самому себе ты не будешь.

Можно податься и в муниципальные службы: сразу приличная зарплата, тридцатидневный оплачиваемый отпуск, куча привилегий, хорошая пенсия и никаких хлопот. Но я уже отвык от государственной службы и хотел быть сам себе голова.

Что бы такое найти небольшое, для одного инженера, не требующее сперва шести миллионов человеко-часов труда, чтобы выпустить на рынок изделие? Этакий велосипедный заводик, купленный на сдачу от бакалейщика, как когда-то Форд или братья Райт. Считается, что эти времена канули безвозвратно. Я в это не верил.

Грядёт бум автоматизации: химические заводы, где весь персонал — два техника (следить за задвижками) да охранник. Автомат печатает билеты в одном городе, а другие автоматы ставят штамп «продано» в шести других городах. Стальные комбайны добывают уголь, а парни из «Юнайтед Майнз» сидят да наблюдают. Поэтому, пока я служил у Дяди Сэма, я буквально впитывал все новинки по электронике и кибернетике, какие только мог найти, имея допуск к бумагам с пометкой «Совершенно секретно».

Куда автоматика приходит в последнюю очередь? Ответ: к домохозяйкам. Я отнюдь не собирался создавать «научно обоснованный» дом — женщинам это не нужно. Женщине нужна пещера, только хорошо оборудованная. Но домохозяйки вечно жалуются, что недовольны прислугой. Хотя прислуга, как явление, давно исчезла вслед за мамонтами. Мне редко доводилось видеть домохозяйку, в которой не было бы чего-то рабовладельческого. Каждая считает, что домохозяйка просто обязана пороть чернокожих служанок, а те должны быть благодарны, что могут драить полы по четырнадцать часов в день, получать обедки с господского стола и те жалкие гроши, которыми и подмастерье сантехника пренебрёг бы.

Поэтому мы назвали наше чудище «Золушка». В общем, это была просто улучшенная конструкция пылесоса; мы и продавать её собирались по такой цене, чтобы конкурировать с обычными пылесосами. Что умела делать «Золушка» (первая модель, а не тот почти разумный робот, который получился после всех моих усовершенствований)? Мыть полы — любые полы, сутки напролёт и без присмотра. А где-нибудь в доме всегда есть грязный пол. Она подметала, вытирала, пылесосила или натирала, в зависимости от того, что подсказывала ей её дурацкая «память». Любой предмет размером больше игральной карты она поднимала с пола и клала в лоток на верхней крышке, чтобы кто-нибудь поумнее решил, выкинуть это или оставить. Она тихо ползала весь день, отыскивая грязь, по такому марш-

руту, что не пропускала ничего. Она сразу же выползала из комнаты, если в ней были люди (если только хозяйка не догонит её и не щёлкнет тумблером, означающим, что ей можно продолжить работу). Пока хозяева обедали, «Золушка» возвращалась к своей стойке и быстренько подзаряжалась (это до того, как мы стали устанавливать вечные батареи).

Между первой моделью «Золушки» и пылесосом особой разницы не было. Но того отличия, что существовало реально — способности убирать без присмотра,— оказалось достаточно: «Золушку» стали раскупать.

Схему челночно-рыскающего перемещения я содрал с игрушки «электрическая черепашка», описанной в журнале «Сайнтифик Америкэн» в конце сороковых; блок памяти — из электронного мозга управляемых ракет (что хорошо в сверхсекретных штучках — их не патентуют!), а сами чистящие приспособления взял из десятка разных устройств, включая полотёр для военных госпиталей, газировальный автомат и механические «руки»-манипуляторы, которыми пользуются на атомных заводах для работы с «горячими» деталями. Ничего по-настоящему нового во всём этом не было. Всё дело заключалось в том, как я все эти части собрал воедино. «Искра божья», которую требуют наши изобретательские законы,— это умение найти хорошего патентоведа.

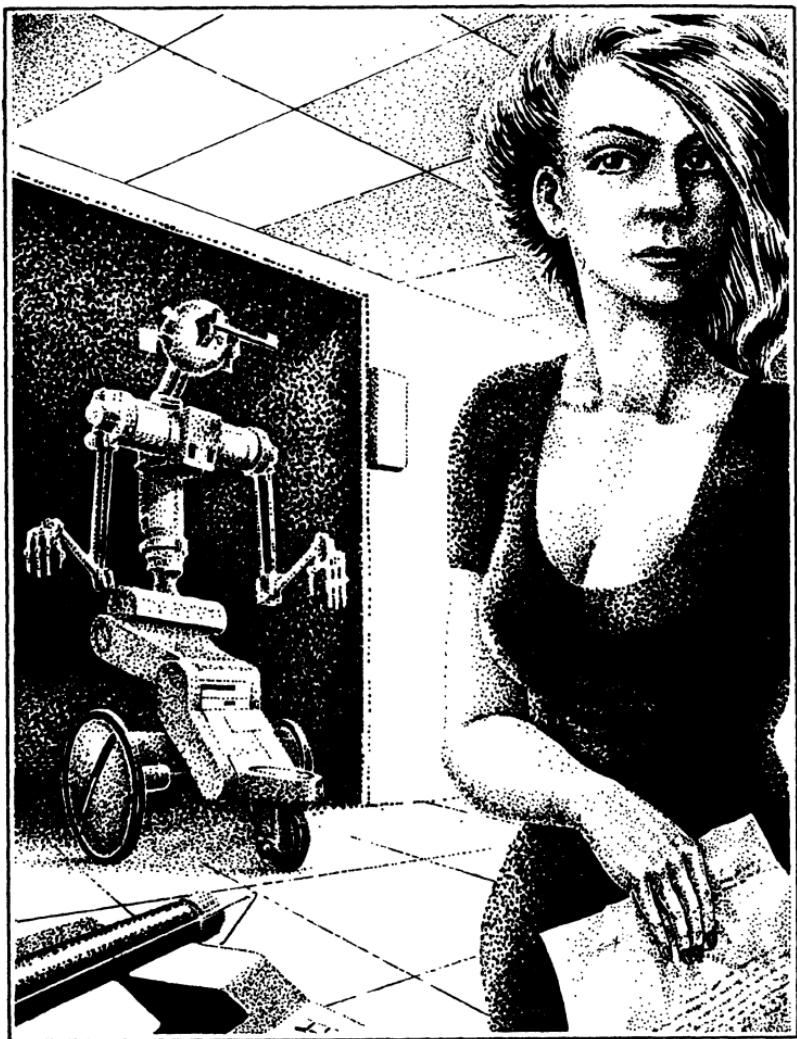
Самое гениальное было в технологии производства: всю машину можно было собрать из стандартных деталей, заказанных по почте, по каталогу фирмы «Свитс», кроме двух объёмных кривошипов-толкателей и одной печатной платы. Печатную плату мы заказали отдельно; толкатели я делал сам в мастерской, которую мы гордо называли «фабрика», на станках, купленных из тех же списанных армейских излишков. Вначале вся сборочная бригада состояла из нас с Майлсом: тут приверни, там подпиши, здесь подкрась. Действующая модель обошлась в 4317 долларов 9 центов; первая сотня серийных машин — чуть дороже

39 долларов за штуку, и мы продали их оптом в один лос-анджелесский магазин уценённых товаров по 60, а они распродали их в розницу по 85. Чтобы товар согласились принять для продажи, нам пришлось оформить сделку как договор о сдаче на комиссию, потому что денег на рекламу у нас уже не было, и мы чуть не умерли с голоду, прежде чем начали приходить первые переводы. Тут в журнале «Лайф» дали целый разворот про нашу «Золушку», и пришлось срочно нанимать помощников, чтобы собирать наших чудищ.

Белла Даркин появилась у нас вскоре после этого. Мы с Майлсом печатали наши деловые письма одним пальцем на разбитом «ундервуде» 1908 года. Беллу мы наняли в качестве машинистки и делопроизводителя, взяли в аренду электрическую машинку с респектабельным шрифтом и угольной лентой, а я придумал «шапку» для фирменного бланка. Всю прибыль мы опять вкладывали в дело. Пит и я спали прямо в мастерской, а Майлс с Рики[—] в каморке рядом. Организовать корпорацию мы решили для охраны своих прав. Но для этого надо не меньше трех пайщиков, так что мы дали Белле пару акций уставного фонда и поименовали её в списке «секретарь-казначей». Майлс стал президентом корпорации и старшим менеджером, я — главным инженером и председателем правления (с 51 процентом акций).

Поясню, почему я решил сохранить контроль. Я не свинья неблагодарная. Я просто хотел быть хозяином самому себе. Майлс, надо отдать ему должное, пахал на всю катушку. Но ведь шестьдесят с лишним процентов сбережений, на которые мы начали дело, были мои. А моих изобретений и инженерных решений — так и все сто. Майлсу ни за что бы не создать «Золушку», а я мог её сделать с любым партнёром, а может, и в одиночку. Хотя я наверняка потерпел бы неудачу, пытаясь сделать на этом деньги: Майлс был бизнесменом, а я — нет.

Но я хотел быть уверен, что сохраню контроль над

производством, и предоставил Майлсу полную свободу в вопросах бизнеса. Как оказалось, слишком полную.

Первая модель «Золушки» шла нарасхват, как холодное пиво на пляже, и я был занят тем, что усовершенствовал её конструкцию, организовал настоящий сборочный конвейер и поставил во главе мастера, после чего с радостью начал придумывать новые домашние приспособления. Удивительно, как мало внимания уделяется домашней работе, а ведь это, как минимум, половина всей работы на свете. В женских журналах писали об «экономии усилий в домашнем труде» и о «функциональных кухнях», но это всё был детский лепет. На очаровательных картинках изображали помещения, где и варили, и ели, как во времена Шекспира. Техническая революция, создавшая самолёт на смену лошади, прошла мимо кухни.

Я придерживался убеждения, что домохозяйки — консерваторы. Никаких «механизированных жилищ» — просто устройства для замены вымерших домашних слуг: чтобы чистили, варили и глядели за детьми.

Мое внимание привлекли грязные оконные стёкла и то место в ванне, вокруг сливного отверстия, которое так трудно отмыть — приходится сгибаться в три погибели. Оказалось, что под воздействием электростатического устройства грязь сама отлетает от любой полированной поверхности — со стекла, умывальника, унитаза. Так возник «Чистюля Чарли», и удивительно, что никто не придумал его до меня. Я придерживал его до тех пор, пока не сделал таким дешёвым, что просто невозможно устоять. А знаете, сколько брали мойщики окон за час работы?

Я не запускал «Чарли» в производство гораздо дольше, чем это устраивало Майлса. Он хотел пустить «Чарли» в продажу, как только тот стал достаточно дёшев, но я настоял на одном: надо, чтобы «Чарли» было легко чинить. Главный недостаток большинства бытовых машинок в том, что чем они лучше и больше умеют делать, тем чаще ломаются, и наверняка именно в тот момент, когда это

устройство вам нужнее всего. И чтобы оно опять заработало, нужен специалист, берущий по пять долларов в час. А на следующей неделе опять что-нибудь выходит из строя: не кондиционер — так посудомоечная машина. Обычно это бывает в субботу вечером, во время метели и снегопада.

Я хотел, чтобы мои железяки работали безотказно, не вызывая у своих владельцев приступов язвенной болезни. Но все железяки портятся, даже мои. И пока не наступит великий день, когда придумают, чтобы в механизмах не было движущихся частей, техника будет ломаться. Если дом набит техникой, то всегда какая-нибудь машинка будет неисправна.

Но военные исследования дают результаты, и вояки справились с этой проблемой много лет назад. Нельзя же, в самом деле, терять тысячи и даже миллионы солдат, проигрывать битвы и целые войны только из-за того, что ломается какая-то железка с пальцем величиной. Для военных нужд применяются разные примочки: «безотказные» устройства, дублирующие цепи, «повтори трижды» и разное такое. Из всего этого для бытовой техники годилось только одно: блочно-модульный принцип. Идея была до идиотизма простая: не чинить, а менять. Я решил сделать все части «Чарли», которые могли сломаться, легкосменными и продавать набор запчастей вместе с каждым «Чарли». Одни сломанные части можно будет выкинуть, другие — отправить в ремонт, но сам «Чарли» никогда не будет стоять сломанный дольше, чем надо, чтобы вставить запасную часть вместо вышедшей из строя.

Тут у нас с Майлсом вышла первая стычка. Я сказал, что переход от образцов к серийному выпуску — вопрос чисто технический. Он же утверждал, что это проблема управлеченская. И если бы я не сохранил контроль, то «Чарли» пошел бы в продажу таким же подверженным приступам острого аппендицита, как и все остальные кухонные недоделки, которые якобы экономят время у их хозяев.

Белле удалось сгладить нашуссору. Если бы она настояла, я бы, наверное, позволил Майлсу начать продажу «Чарли» раньше, чем он был доведён до ума, потому что я дурел от Беллы настолько, насколько мужчина вообще может одуреть от женщины.

Белла была не только прекрасным секретарём — своими «личными данными» она могла бы вдохновить Праксителя, а аромат её духов действовал на меня, как запах валерьянки на Пита. Хорошие секретарши вообще редкость; и когда очень хорошая вдруг соглашается служить в маленьком свечном заводике вроде нашего за грошовое жалованье, следует озадачиться вопросом: а почему? Но мы были так счастливы, когда она выкопала нас из лавины бумаг, засыпавшей нас в связи с торговлей «Золушкой», что даже не поинтересовались, а где, собственно, она служила раньше...

А потом, позже, я с гневом и возмущением отвергал все предложения проверить её послужной список, ибо к тому времени размеры её бюста уже серьёзно повлияли на здравость моих суждений. Она благосклонно позволяла мне жаловаться ей на то, как одиноко мне жилось до её появления, и даже говорила, что и она вот тоже, в некотором роде... но что ей хотелось бы сперва получше узнать меня.

Вскоре после того, как она погасилассору между мною и Майлсом, она согласилась разделить со мной мою судьбу. Дэн, дорогой, сказала она, в тебе есть что-то... ты будешь великим человеком. И я хочу надеяться, что я — подходящая женщина, чтобы помочь тебе в этом.

— Ты именно такая женщина!

— Т-с-с, милый. Но я не выйду за тебя прямо сейчас, ведь это значит обременить тебя детьми и замучить до смерти всякими домашними заботами.

Я возражал, но она была непреклонна.

— Нет, дорогой. У нас впереди долгий путь. Твоя фирма станет знаменитой, как «Дженерал Электрик». Когда мы

поженимся, я хочу забыть про бизнес и посвятить себя только одному: составить твоё счастье. Но сначала я должна позаботиться о твоём благосостоянии и твоём будущем. Доверься мне, милый.

Что я и сделал. Она не позволила мне купить ей в честь нашей помолвки дорогое кольцо. Вместо этого я перевёл на её имя в качестве обручального подарка несколько своих акций. При голосованиях они, конечно, считались моими. Я всё пытаюсь вспомнить, чья это была идея насчёт такого подарка — моя или её?

После этого я ёщё сильнее налёг на работу, выдумывая самовыкидывающуюся мусорную корзинку и приставку к посудомоечной машине для вынимания чистой посуды после мытья. Все были счастливы. Все, кроме Пита и Рики. Пит игнорировал Беллу, как и всё, что он не одобрял, но не мог изменить. А вот Рики была очень несчастна.

Это моя вина. Рики считалась «моей девушкой» с шестилетнего возраста, ёщё в Сандии — этакая кроха с бантиками и огромными тёмными глазищами. Я собирался «жениться на ней», когда она вырастет, и мы вместе будем заботиться о Пите. Я думал, что это игра; да, наверное, так оно и было. Всерьёз в ней было только обещание разрешить Рики смотреть за котом. Но вот поди узнай, что у ребёнка на уме...

В отношении детей я не сентиментален: дети — маленькие чудовища в большинстве своём, и это с ними не проходит, пока они не вырастут (а у некоторых и после этого тоже...). Но малышка Фредерика была похожа на мою сестрёнку, вдобавок любила Пита и обращалась с ним лично. А я, видимо, нравился ей, потому что не разговаривал с нею как с маленькой (сам этого в детстве терпеть не мог) и не подшучивал. Рики была правильная девчонка: не врунья, не пискля и не ябеда, и было в ней скрытое достоинство. Мы дружили, вместе заботились о Пите, и, по моим понятиям, все эти разговоры про «мою девушку» были просто игрой. Я бросил эту игру, когда при бомбёжке

погибли моя мать и сестра. Это не было осознанное решение, мне просто стало не до игр, и мы больше к этому не возвращались. Рики тогда было семь лет. Когда появилась Белла, ей исполнилось десять. А к тому времени, как мы с Беллой объявили о своей помолвке, вероятно, одиннадцать. Она ненавидела Беллу так сильно, что, наверное, только я об этом и знал, ибо внешне это проявлялось в нежелании разговаривать с нею. Белла говорила, что девочка её стесняется, да и Майлс, по-моему, тоже так считал.

Но провести меня было труднее, и я попытался убедить Рики, уговорить её. Вы никогда не пробовали говорить с подростком на тему, которую он обсуждать не желает? Такие разговоры — как об стенку горох: Но я думал, что это пройдет, когда Рики поймёт, какая Белла замечательная.

Другое дело — Пит. Не будь я влюблён, я бы понял по его поведению, что нам с Беллой никогда друг друга не понять. Белла «обожала мою кошку» — ну ещё бы, а как же иначе! Она обожала кошек, и мою пробивающуюся лысину, и как я умею выбирать хорошие рестораны, и вообще всё-всё, что касалось меня.

Но настоящего любителя кошек трудно обмануть, будто ты любишь кошек. Есть кошатники, а есть и другие (и их, наверное, большинство) — те, которые «не переносят это безобидное и полезное животное». Если из вежливости или по каким-то другим соображениям они пытаются это скрыть, то это сразу заметно, потому что они не понимают, как нужно обращаться с кошками. Дело в том, что кошачий «протокол» ещё строже, чем дипломатический.

Он основан на взаимном уважении и чувстве собственного достоинства. В нём есть что-то от латиноамериканского *dignidad de hombre**¹, которое можно задеть, только рискуя жизнью.

Кошки начисто лишены чувства юмора, страшно обид-

---

* Человеческое достоинство (испан.) (прим. перев.).

чивы и очень чувствительны. Если бы меня спросили, почему надо стараться угодить своему коту, мне пришлось бы ответить, что логического объяснения этому нет. Я бы скорее сумел объяснить человеку, который не выносит пикантных сыров, почему ему «следует любить» лимбургский сыр. И тем не менее я хорошо понимаю того китайского мандарина, который приказал отрезать кружевной рукав своего бесценного халата, на котором уснул котёнок.

Белла пыталась изобразить, как она «любит» Пита, обращаясь с ним, как с псом, и, естественно, он частенько её царапал. Будучи умным котом, он тут же сматывался и держался подальше, что было весьма благоразумно с его стороны: я бы его выдрал, а Пита никто никогда не бил, даже я. Бить кошку более чем бесполезно: добиться от неё чего-либо можно только терпением, а не битьём.

Я смазывал Белле царапины и пытался объяснить, что она делает не так.

— Мне очень жаль, что так произошло, просто ужасно жаль. Но если ты будешь так делать и дальше, это будет случаться опять!

— Но я его просто... приласкала!

— Ну да... Только так ласкают собак, а не кошек. Кота нельзя похлопывать по спине, его нужно гладить. Нельзя делать рядом с ним резких движений. Нельзя трогать его, если он не видит, что ты собираешься это сделать. И всегда смотри, нравится ли это ему. Если нет, он будет терпеть некоторое время из вежливости — кошки очень вежливые животные,— но можно заметить, что он просто терпит, и прекратить раньше, чем его терпение лопнет.

Я помедлил. Я колебался...

— Ты ведь не любишь кошек, а?

— Что? Фи, как глупо! Конечно же, я люблю кошек.— Но тут же добавила: — Просто я, наверное, мало имела с ними дела. Твоя кошка — она такая чувствительная, да?

— Кот. Пит — кот; он — самец. Нет, он не такой чувствительный — с ним всегда хорошо обращались. Пря-

то надо научиться правильно себя с ним вести. Ну, нельзя, скажем, смеяться над ним.

— Господи, это ещё почему?

— Не потому, что они не смешные: они очень комичны. Но у них нет чувства юмора, и они очень обзываются. Конечно, он не оцарапает тебя, если ты станешь над ним смеяться. Он просто повернётся и уйдёт, но помириться с ним тебе будет сложно. Но это не самое главное. Гораздо важнее научиться брать кота на руки. Когда Пит вернётся, я тебе покажу, как.

Но Пит тогда вернулся не скоро, и я так и не показал ей, как это надо делать. С тех пор Белла к нему не прикасалась. Она разговаривала с ним и делала вид, что он ей нравится, но держала дистанцию, и Пит — тоже. Я выбросил это всё из головы: не мог же я из-за такой ерунды усомниться в женщине, значившей для меня в жизни в с ё...

Однако позднее этот вопрос чуть не довёл нас до разрыва. Мы обсуждали, где мы станем жить. Дату свадьбы Белла так и не давала назначить, но мы очень часто обсуждали детали будущей семейной жизни. Я хотел купить небольшое ранчо недалеко от фабрики. Белле была больше по душе квартира в городе, пока нам не по карману купить виллу и поместье. Я сказал:

— Дорогая, это неудобно. Мне надо быть поближе к фабрике. И кроме того, у нас ведь кот, а не кошка. Тебе не приходилось держать кота в городской квартире?

— Ах, э то.. Знаешь, милый, хорошо, что ты сам заговорил об этом. Я тут кое-что почитала про кошек, да-да. Мы его... изменим. Тогда он будет тихий, и ему будет в квартире прекрасно.

Я глядел на неё, не веря ушам своим. Сделать евнуха из этого старого бойца? Превратить его в украшение для каминной полки?!

— Белла, ты сама не знаешь, что говоришь!

Она пустила в ход присказки вроде «мамуля лучше

знает» и дежурные доводы людей, принимающих кошек за домашнее имущество: что ему не будет больно; что так ему же лучше; что она знает, как я люблю Пита, и что у неё и в мыслях не было лишать меня моего кота, и что это всё очень просто, и не опасно, и для всех было бы лучше, если...

Тут я перебил её:

— А почему бы не нас обоих — е г о и м е н я ?!

— Что, милый?

— Я говорю: и меня тоже. Я тоже буду тогда смирный, тихий, не буду уходить из дома вечерами и спорить с тобой. Ты же сказала: это не больно. И потом: мне же будет лучше!..

Она вспыхнула:

— Ты несёшь чепуху!

— А ты?

Больше она не заводила разговоров на эту тему. Белла никогда не позволяла разногласиям перерасти в ссору. Она умолкала и выжидала. Но никогда не отказывалась от своих намерений. В определённом смысле в ней было очень много от кошки. Может, поэтому она и была столь неотразима для меня?

Я был рад, что этот вопрос отпал. Я был по горло занят «Салли». На «Чарли» и «Золушке» мы наверняка должны были заработать кучу денег, но у меня просто чесались руки создать совершенный, универсальный домашний автомат — этакую прислугу на все руки. Можете назвать его роботом, хотя это слово затерли, а я вовсе не собирался делать механического человека.

Я хотел создать машину, способную делать по дому всё — убирать, варить (ну, это естественно), но не только. Она должна уметь делать и сложные вещи: перепеленать младенца или сменить ленту в пищущей машинке. Я хотел, чтобы вместо полчища разных машин — «Золушки», «Чистюли Чарли», «Нянюшки Нэнси», «Посыльного Пэта» и «Садовника Сида» — семья могла купить всего одну маши-

ну (пусть даже она стоит столько, сколько приличный автомобиль), но эта машина будет заботиться о них не хуже слуги-китайца (все о таких слугах читали, но никто из моих сверстников их в глаза не видывал).

Если мне удастся осуществить задуманное — это станет новой Декларацией эманципации; это освободит женщин от их векового рабства. Я хотел, чтобы поговорка «домашнюю работу не переделаешь» устарела. Домашняя работа — штука нудная, однообразная и утомительная. Как инженера, меня это просто оскорбляло.

Чтобы это дело было по плечу инженеру-одиночке, почти вся моя «Универсальная Салли» должна была состоять из стандартных узлов и не основываться на новых принципах. Фундаментальные исследования — занятие не для одного человека. Придется опираться на уже созданное и придуманное, иначе мне этого не одолеть.

К счастью, придумано уже было немало, а я не зевал, когда имел допуск «СС». Создаваемая мною машина вряд ли должна была быть сложнее, чем управляемая ракета.

Чего же я хотел от своей «Салли»? Я хотел, чтобы она умела делать всё, что приходится делать в доме человеку. Есть, спать, заниматься сексом или играть в карты ей не обязательно, а вот убирать после карточной игры стол, готовить, стелить постель и нянчить детей — это уж будьте любезны. Или, по крайней мере, следить за дыханием ребёнка и звать людей, если оно изменится. Я решил, что уметь отвечать на телефонные звонки ей тоже не обязательно: «Америкэн Телефон энд Телеграф» уже торгуется такими устройствами. Открывать входную дверь опять же не обязательно — большинство новых домов оборудовано такими механизмами.

Но чтобы делать уйму дел, для которых «Салли» предназначалась, ей нужны были руки, глаза, уши и мозг. Хороший мозг.

«Руки» можно заказать в той же фирме, выпускавшей оборудование для атомных заводов, что поставляла их для

нашей «Золушки», — только на этот раз «руки» были нужны самые лучшие: с массой сервоприводов и механизмами тонкой обратной связи, такие, какие используют для взвешивания радиоактивных изотопов на аналитических весах. Та же фирма будет делать и «глаза»; правда, «глаза» можно и попроще: «Салли» ведь не придётся «видеть» сквозь метры бетона, как на атомных заводах. «Уши» я мог купить у любой из дюжины радиотелевизионных фирм, хотя мне и придется самому разрабатывать некоторые электронные цепи, чтобы «руки» одновременно управлялись импульсами от органов зрения, слуха и осязания, как человеческая рука.

Но на транзисторах и печатных платах в маленький объём можно запихать чертову уйму всего.

Лазить по пожарной лестнице «Салли» не придётся; лучше я сделаю так, что шея у неё будет вытягиваться, как у страуса, а руки — удлиняться, подобно телескопическим антеннам. А вот должна ли она подниматься по ступеням? Вообще-то было такое инвалидское кресло с моторчиком, которое могло это делать. Может, купить такое и взять в качестве шасси, уменьшив сами механизмы до таких размеров, чтобы помещались в этом кресле, и такого веса, чтобы кресло выдержало? Вот и параметры определились. А электропривод и рулевое управление я выведу на «мозг».

Главная закавыка была в «мозге». Можно сделать механику наподобие человеческого скелета, а может, и лучше. Можно придумать систему обратной связи, достаточно точную и тонкую, чтобы робот мог забивать гвозди, мыть полы, бить яйца — или не бить яйца. Но пока у него между ушей не будет этой штуки, наподобие человеческой, — это не человек и даже не труп.

К счастью, мне не нужен был мозг на уровне человеческого. Мне надо было создать послушного дебила, способного делать однообразную домашнюю работу.

И тут пригодились ячейки памяти Торсена. Наши балли-

стические ракеты выбирали точку поражения, «размышляя» ячейками Торсена; применялись они и в системах регулирования дорожного движения, например, в Лос-Анджелесе, хотя и попроще, «поглупее». Не буду вдаваться в тонкости теории — их даже в «Бэлл Лэбз» не очень понимают,— суть в том, что ячейку Торсена вводят в управляющую цепь, один раз управляют работой машины вручную, и ячейка «запоминает» последовательность действий и в следующий раз может управлять работой сама, без оператора-человека, и так неограниченное число раз. Для станка-автомата этого достаточно; для управляемой ракеты и «Универсальной Салли» нужны еще несколько цепей, чтобы машина могла «мыслить». Никакое это, конечно, не мышление (я считаю, что машина вообще не может мыслить), это просто побочные цепи — поисковые цепи, которые задают команды вроде: «Ищи то-то и то-то в пределах того-то и того-то; когда найдёшь, исполняй основную программу». Основную программу можно сделать настолько сложной, насколько плотно удастся набить информацией ячейки Торсена (а набить её туда можно ох как изрядно!), и составить так, чтобы она прерывалась, как только последовательность операций начнет отличаться от «запомнившихся» ячейкам Торсена.

Это означало, что только один раз «Универсальную Салли» надо было заставить убрать со стола, очистить от остатков пищи тарелки и поставить их в посудомоечную машину — после этого она сама справлялась с любой грязной посудой, на которую натыкалась. Более того: ячейку Торсена можно сначала зарядить электронной «памятью» и лишь потом вмонтировать в ее «голову». Тогда «Салли» справится с попавшейся ей грязной посудой сразу же, с первого раза, и никогда не разобьёт ни одной тарелки.

Воткните другую «заряженную» ячейку рядом с первой — и она сумеет перепеленать малыша, и тоже с первого раза, и никогда — н и к о г д а! — не ущипнёт его.

В квадратную голову «Салли» свободно помещалась

добрая сотня ячеек Торсена, каждая — со своей электронной «памятью» о разных домашних делах. Теперь — сторожевая цепь, охватывающая все «умные» цепи: она заставляла «Салли» замереть на месте, включив сигнал тревоги, если та натыкалась на что-то, не укладывавшееся в её инструкции, чтобы ненароком не перебить посуду (или детей!..).

Так что «Салли» я собрал на базе инвалидского кресла с электроприводом. Внешне это сильно смахивало на осьминога, обнимающегося с вешалкой, но видели бы вы, братцы, как она умела чистить столовое серебро!

Майлс наблюдал, как наша первая «Салли» смешивает «martини», подаёт его; потом обходит комнату, опорожняя и протирая пепельницы (не трогая при этом чистые); затем открывает окно; после этого подходит к полкам и стирает пыль с книжек. Отхлебнув «martини», Майлс заявил:

— Вермута многовато, пожалуй.

— А я именно такой и люблю. Но можно сделать, чтобы мне она смешивала коктейли так, а тебе — по-другому. У неё свободных ячеек ещё навалом. Одно слово — универсальная.

Майлс отпил ещё.

— Как скоро она будет готова для запуска в производство?

— Ну, я-то возился бы с ней ещё лет десять.

Майлс застонал, и я торопливо добавил:

— Но модель попроще, я думаю, надо бы запустить пораньше — скажем, лет через пять.

— Ерунда! Наймем тебе кучу помощников, и чтобы всё было готово через полгода.

— Чёрта с два! Это венец моего творенья, и я не выпущу её из рук, пока она не станет шедевром: раза в три меньше, с легко заменяемыми, быстросъемными узлами

(кроме, конечно, торсновских ячеек), и настолько смышлённой, чтобы она не только не заводила ключом кошек и не стирала пыль с детей, но даже играла в пинг-понг, если покупатель заплатит за дополнительное программирование.

Я взглянул на «Салли»: она тихонько стирала пыль с письменного стола, аккуратно укладывая каждую бумажку туда, откуда взяла. Я продолжил:

— Хотя играть с ней в пинг-понг, пожалуй, будет скучно: она не будет промахиваться. А впрочем, можно научить её и этому: поставим генератор случайных чисел... да, это можно. А когда сделаем — устроим рекламный матч. Вот будет зрелице, а?

— Год, Дэн. Один год, и ни днём больше. И я найду дизайнера от Леви — помочь тебе с внешним оформлением.

Тут я сказал:

— Майлс, когда ты поймёшь, наконец, что технической частью командую я? Вот когда я передам её тебе — валяй, там ты хозяин. Но ни секундой раньше.

— А вернута всё-таки многовато... — ответил Майлс.

С помощью наших механиков я возился с «Салли» до тех пор, пока она перестала напоминать два столкнувшихся мотоцикла и приобрела вид, вызывающий желание прихватнуть ею перед соседками. Я тем временем довёл до совершенства всю систему управления. Я даже научил её гладить Пита и чесать его за ухом, а это, поверьте, требует такой же точной системы отрицательной обратной связи, как в оборудовании атомных лабораторий. Майлс не торопил меня, хотя время от времени заходил взглянуть, как идут дела. Работал я обычно по ночам, поужинав с Беллой и проводив её домой. Большую часть дня я отсыпался, приезжал на фабрику после обеда, подмахивал приготовленные Беллой бумаги, проверял, что сделано за день в мастерской, и опять уезжал с Беллой ужинать. Я не очень выкладывался перед ужином, потому что после творческо-

го труда от человека воняет, как от козла: утром, когда я возвращался из мастерской, вытерпеть меня мог разве что Пит.

Как-то раз, когда обед близился к концу, Белла спросила:

— Ты обратно на фабрику, милый?

— Конечно, а куда же ещё.

— Хорошо. Майлс тоже должен приехать.

— Майлс?

— Он хочет провести собрание пайщиков.

— Собрание пайщиков? Зачем?

— Это ненадолго. Ты ведь в последнее время не очень вникал в дела фирмы, милый. Майлс хочет кое-что уточнить или решить вопросы нашей политики; я точно не знаю.

— Я в основном занят инженерными делами. А что, собственно, ещё я могу делать для фирмы?

— Ничего, милый. Майлс говорит, что собрание — ненадолго.

Майлс уже ждал нас на фабрике и поздоровался со мною за руку так торжественно, будто мы месяц не виделись. Я спросил его, в чём дело. Он повернулся к Белле.

— Достань, пожалуйста, повестку дня.

Уже тогда я должен был понять, что Белла солгала мне, будто бы Майлс не говорил ей, что он замышляет. Но мне это и в голову не пришло (я же верил Белле, чёрт возьми!), да ещё вдобавок меня кое-что отвлекло: Белла подошла к сейфу, повернула ручку — и сейф открылся. Я спросил:

— Кстати, дорогая, я вчера хотел открыть его и не смог. Ты что, сменила шифр?

Она перекладывала папки и не повернулась ко мне.

— Разве я тебе не сказала? Охрана попросила меня сменить шифр после ложной тревоги на прошлой неделе.

— А... ты лучше дай мне новый шифр, а то, не ровен час, придется звонить вам среди ночи!

— Конечно.— Она закрыла сейф и положила папку на

стол, который мы использовали для совещаний. Майлс откашлялся и сказал:

— Давайте начнём.

Я ответил:

— О'кей. Дорогая, раз это официальное собрание, то, мне кажется, надо бы вести протокол. Хм, итак: среда, восемнадцатое ноября 1970 года. Девять часов двадцать минут вечера. Присутствуют все пайщики — запиши наши имена; председатель правления и ведущий собрание — Д. Б. Дэвис. Есть ли вопросы, оставшиеся не рассмотренными ранее?

Таковых не оказалось.

— О'кей, Майлс, твой выход. Есть ли новые вопросы?

Майлс опять прочистил горло:

— Я хочу обсудить и пересмотреть политику фирмы, предложить программу действий на будущее и представить на рассмотрение совета предложения о привлечении средств со стороны.

— Не дури, Майлс. У нас положительный баланс, и дела идут лучше с каждым днем. Чего тебе не хватает? Если денег на текущем счету, то можем добавить!

— Новая программа не позволит нам сохранить положительный баланс. Нам нужна более широкая структура капиталовложений.

— Какая ещё новая программа?

— Дэн, ну, пожалуйста! Я не поленился всё это подробно записать. Пусть Белла прочтёт.

— Ну что ж... пусть прочтёт.

Опуская крючкотворские пассажи (а Майлс, как все юристы, очень любил длинные слова), дело сводилось к трём пунктам. Во-первых, Майлс хотел отобрать у меня «Универсальную Салли», передать её группе инженеров-технологов и немедленно выбросить на рынок. Во-вторых — тут я перебил его:

— Нет!

— Подожди, Дэн. Как президент и старший менеджер,

я определённо имею право, чтобы мои соображения выслушали, не перебивая. Оставь свои комментарии при себе и дай Белле дочитать.

— Ладно. Но другого ответа не будет.

Во-вторых, хватит нам быть кустарями, считал Майлс. У нас в руках большое изобретение, не менее важное, чем автомобиль, и немалая фора. Так что надо немедленно расширяться, создавать организацию всеамериканского, а возможно, и всемирного масштаба: оптовая торговля, розничная — ну, и производство, соответственно.

Я начал барабанить пальцами по столу. Я представил себя главным инженером такого предприятия: у меня даже чертёжную доску отберут, а если я возьму в руки паяльник — профсоюз тут же объявит забастовку. С тем же успехом я мог остаться служить в армии и попытаться стать генералом. Но я не перебивал.

В-третьих, такие дела с нашими грошами не проворачиваются, — нужны миллионы. Миллионы предлагала «Маннис Энтерпрайзиз»; фактически она просто покупала нас на корню — вершки и корешки, вместе с «Универсальной Салли». Мы превратились бы в её дочернюю корпорацию. Майлс стал бы начальником отдела, а я — ведущим конструктором, но доброе старое время уже не воротишь: мы оба станем просто батраками.

— Это всё? — осведомился я.

— Мм-м... да. Давайте обсудим и проголосуем.

— По-моему, надо ещё включить пункт, гарантирующий нам право сидеть вечером перед хижиной и петь спиричуалс*.

— Это не шутки, Дэн. Так надо.

— А я и не шучу: чтобы раб не бунтовал, ему надо дать какие-то привилегии. О'кей. Можно мне?

— Валяй.

Я выдвинул встречное предложение, которое давно вер-

---

* Негритянские народные песни-псалмы (*прим. перев.*).

телось в голове. Я предложил свернуть производство. Джейк Шмидт, наш мастер цеха, был славный малый. Но меня то и дело выдёргивали из теплого творческого тумана — устранять дефекты сборки. Ощущение такое, будто тебя из тёплой постели вываливают в ледяную воду. Вот из-за этого-то я и старался побольше работать по ночам, а днем держаться подальше от цеха. А когда привезут еще ангары и укомплектуют ночную смену, мне и вовсе не видать покоя для творчества, даже если мы и отклоним этот безумный план — втиснуться между «Дженерал Моторз» и «Консолидейтед». У меня не две головы; я не могу быть и изобретателем, и производственником.

Так что я предложил: давайте не будем расти. Лучше продадим лицензии на «Золушку» и «Чарли» — пусть их выпускает и продает кто-нибудь другой. А мы будем получать свои отчисления. А когда «дозреет» «Салли», мы и её можем лицензировать. Если «Манникс» интересуют наши лицензии, пусть торгуется. Переторгует других — ради бита! А мы сменим вывеску на «Конструкторскую Корпорацию Дэвис и Джентри» и опять будем работать втроём. Ну, еще пачка механиков — помочь мне собирать новые модели. А Майлсу и Белле останется только сидеть да считать денежки, что к нам потекут.

Майлс медленно покачал головой.

— Нет, Дэн. Конечно, лицензирование — это тоже деньги. Но ничего похожего на то, что мы можем иметь, делая нашу технику сами.

— Черт побери, Майлс, да ведь мы как раз и не будем делать ее сами, в том-то и дело! Мы просто продадимся «Манникс» с потрохами. А деньги — сколько ты хочешь? Больше одной яхты и одного бассейна тебе не надо. А у тебя будет и то и другое еще в этом году, если захочешь.

— Не хочу.

— А что же ты хочешь?

Он поднял голову.

— Дэн, ты хочешь изобретать? Мой план — это воз-

можность иметь для этого любые деньги и вообще всё на свете. А я — я хочу рулить крупным делом. Б о л ь ш и м д е л о м . У меня к этому талант.— Он взглянул на Беллу.— Я не желаю до конца дней торчать здесь, посреди пустыни, и работать менеджером у изобретателя-одиночки.

Я пристально посмотрел на него.

— В Сандии ты по-другому говорил. Хочешь выйти из игры, Папуля? Нам с Беллой будет очень жаль... но раз ты так решил, я, наверное, смогу заложить фабрику и выкупить твою долю. Я никого не хочу связывать.

Я был просто потрясён до самых пяток. Но если старине Майлсу так не терпелось, у меня не было никакого морального права удерживать его.

— Нет, я не хочу выйти из игры, я хочу, чтобы мы расширялись. Ты слышал моё предложение. Оно официальное. Так что давайте голосовать.

Наверное, у меня был удивленный вид.

— Ты т а к хочешь?! О'кей, Белла, я голосую против. Запиши. Но я не буду вносить свое контрпредложение сегодня. Давайте обговорим его и обсудим. Я ведь тебе, Майлс, добра желаю.

Майлс упрямо повторил:

— Давайте сделаем всё, как положено. Голосуем, Белла.

— Хорошо, сэр. Майлс Джентри, акции номер,— она прочитала номера акций.— Как вы голосуете?

— За.

Она записала в журнал.

— Дэниэл Б. Дэвис, акции номер,— она опять отбара-банила серию телефонных номеров. Я не очень вслушивался в эту проформу.— Как вы голосуете?

— Против. Так что все ясно. Извини, Майлс.

— Белла С. Даркин,— продолжила Белла,— акции номер,— она опять прочитала ряд цифр.— Я голосую «за».

Я открыл рот. Потом с трудом закрыл его и сказал:

— Но, детка, так нельзя! Это, конечно, твои акции, но ты же знаешь, что...

- Огласите результаты,— хрипло сказал Майлс.
- «За» — больше. Предложение принято.
- Запишите.
- Да, сэр.

Следующие несколько минут я помню смутно. Сперва я орал на неё. Потом уговаривал. Наконец я озверел и выложил ей, что она поступает нечестно, что я, конечно, отписал ей часть своих акций, но она же прекрасно знает, что ими всегда голосую я и что я не собираюсь расставаться с контролем над компанией, что это был просто обручальный подарок, и всё. Я же даже сам заплатил недавно подоходный налог по этим акциям, чёрт возьми! Если она способна откалывать такие номера, когда мы ещё только помолвлены, тогда что же можно будет ожидать от неё после свадьбы?

Она посмотрела мне прямо в лицо совершенно чужим взглядом.

— Дэн Дэвис, если ты полагаешь, что после ~~всего~~, что ты мне тут наговорил, мы ещё помолвлены, то ты ещё глупее, чем я всегда о тебе думала.

Она повернулась к Джентри.

— Ты меня отвезешь, Майлс?

— Разумеется, дорогая.

Я начал что-то говорить, но тут же заткнулся и вышел, спотыкаясь и забыв ~~шляпу~~. И хорошо, что вовремя ушёл — я тогда мог просто убить Майлса (на Беллу у меня рука не поднялась бы).

Я, конечно, не сумел заснуть. Около четырёх часов ночи я встал, позвонил в пару мест и в половине шестого уже подъезжал к фабрике на грузовике. Я подошёл к воротам, чтобы отпереть их, заехать внутрь и погрузить свою «Универсальную Салли» в кузов — весила-то она четыреста фунтов. Однако на воротах висел новый замок.

Я перелез через забор, ободрав руку о колючую проволоку. Изнутри я легко справился бы с замком: инструмента в мастерской хватало на все случаи.

Но замок на двери тоже сменили.

Я разглядывал его, прикидывая, что легче — выбить монтировкой окно или взять из машины домкрат и отжать дверь, — когда кто-то позади меня рявкнул: «Эй ты, руки вверх!»

Руки я не поднял, но повернулся. Средних лет человек целился в меня из какого-то оружия. Калибр был подходящий для бомбардировки крепости.

— Кто вы такой, чёрт возьми?!

— А вы кто такой?

— Дэн Дэвис, главный инженер этого заведения.

— А-а...

Он малость расслабился, но миномёт свой по-прежнему не опускал.

— Да, по описанию похожи. Но если у вас есть какой-нибудь документ, я бы предпочёл взглянуть на него.

— А с какой бы это стати? Я же спросил: кто вы такой?

— Я? Ну, вы меня не знаете. Зовут Джо Тодд, служу в местной охранной фирме. Частный детектив. А вы должны были про нас слышать: наши патрульные уже много месяцев охраняют вашу фирму. Хотя сегодня я здесь со спецзаданием.

— Да? Тогда, раз у вас есть ключ, впустите меня. Я хочу войти. И уберите свою гаубицу.

Он все ещё целился в меня.

— Не могу, мистер Дэвис. Во-первых, ключа у меня нет. Во-вторых, насчет вас у меня конкретные распоряжения. Впускать вас не велено. Идёмте, я открою вам ворота.

— Ворота вы откроете, но внутрь я всё-таки войду.

Я оглянулся вокруг в поисках булыжника — разбить окно.

— Мистер Дэвис...

— Ну?

— Не советую настаивать. Я плохой стрелок, так что не могу рисковать, целясь в ноги. Мне придётся стрелять

вам в живот, а пули у меня разрывные. В общем, зрелище будет довольно неприятное.

Наверное, из-за этого я и передумал, хотя сейчас мне приятнее думать, что причина была в другом, а именно: когда я снова взглянул в окно, то увидал, что на том месте, где я оставил «Салли», её не было.

Выпроводив меня за ворота, Тодд вручил мне небольшой конверт.

— Мне велели отдать вам это, если вы появитесь.

Я прочёл письмо в кабине грузовика. Оно гласило:

18 ноября 1970 года

Уважаемый мистер Дэвис!

На состоявшемся сегодня заседании Совета директоров принято решение прекратить все Ваши отношения (кроме как акционера) с корпорацией, в соответствии с третьим параграфом Вашего контракта. Убедительно просим Вас не входить на территорию предприятия. Ваши личные вещи и бумаги Вы получите в целости.

Совет директоров благодарит Вас за службу и сожалеет о расхождении точек зрения на вопросы пляжтиki фирмы, повлекшем это решение.

*Искренне Ваши,
Майлс Джентри,
председатель Совета директоров и старший менеджер;
исп.— Белла С. Даркин, секр.-казначай.*

Я прочел письмо дважды, прежде чем сообразил, что у меня сроду не было никакого контракта, содержащего третий параграф (равно как и все прочие).

В тот же день посыльный привёз мне в мотель, где я держал чистые сорочки, пакет. В нем была моя шляпа, ручка, запасная логарифмическая линейка, куча книг и личных писем, а также ряд документов. Но чертежей «Универсальной Салли» там не было.

Некоторые документы были очень любопытные. Например, мой «контракт»: там, ясное дело, был третий параграф, по которому меня могли выгнать без предупреждения, с выходным пособием в размере трехмесячного заработка. Но седьмой параграф был ещё интереснее.

Согласно этому параграфу я обязуюсь в течение пяти лет не поступать на работу в конкурирующие фирмы, не испросив ранее согласия у прежнего нанимателя, платившего мне соответствующую «компенсацию» в случае увольнения. Иными словами, я могу возобновить работу в любое время; надо только прийти со шляпой в руке к Майлсу и Белле и попросить у них разрешения. Шляпу, видимо, мне вернули именно для этого.

Но пять долгих лет я не мог работать над бытовыми приборами без их разрешения. Проще, наверное, самому себе горло перерезать.

Были там и надлежащим образом оформленные копии актов передачи мною прав на все мои патенты фирме «Золушка Инк.» — на «Золушку», на «Чарли» и ещё на некоторые мелочи. «Универсальная Салли», конечно, запатентована ещё не была. (Это я так думал. Как было на самом деле, я узнал позже.)

Но я никогда не переуступал своих патентов. Я даже лицензий на них не оформлял: корпорация была моим детищем, и я не видел в этом срочности. Последними тремя документами были: сертификат на мои акции (кроме тех, что я подарил Белле); заверенный к оплате чек; и письмо, поясняющее каждую строку чека: зарплата, за вычетом накладных расходов; трёхмесячная зарплата как выходное пособие; компенсация за «седьмой параграф» и, наконец, надбавка в тысячу долларов «в знак признательности за особые заслуги» — последнее было очень мило с их стороны.

Перечитывая эту поразительную подборку, я успел понять, что я был не слишком умён, подмахивая подряд всё, что Белла мне подсовывала на подпись. А в том, что подписи были мои, сомневаться не приходилось.

На другой день я настолько успокоился, что пошел посоветоваться с адвокатом — очень ловким, жадным и не слишком разборчивым в средствах. Сперва он хотел взяться за это дело — за приличный процент. Но, закончив разгля-

дывать мои экспонаты и узнав подробности, он скис и сложил руки на животе.

— Дэн, я дам вам совет. Бесплатно.

— Ну?

— Не рыпайтесь. Шансов у вас нет.

— Но вы же говорили...

— Я знаю, что говорю. Они вас облапошили. Но как вы это докажете? У них хватило ума не трогать ваших акций и не обчистить вас до последнего цента. Вы получили то, что должны были получить, если бы всё было по-честному и вы ушли (или вас выгнали), как они пишут, из-за разных точек зрения. Вам выдали всё, что причитается, и даже тысячу сверх того, как пинок под зад — дескать, ступай, мы на тебя не сердимся.

— Но у меня не было никакого контракта! И я не переступал этих патентов!

— Из ваших бумаг явствует, что был и контракт, и всё остальное. Подписи ваши, вы сами признаёте. Кто-нибудь может подтвердить ваши слова?

Я подумал. Доказать я, конечно, ничего не мог. Даже Джейк Шмидт не знал, что делается в конторе. Единственными свидетелями были... Белла и Майлс.

— Теперь насчет тех акций, что вы подарили. Это единственный шанс их свалить. Если вы...

— Но это — единственная бумажка во всей стопке, которая действительно законна. Я сам переписал эти акции на её имя.

— Да, но почему? Вы сказали, что это был обручальный подарок. Как она голосовала, теперь не существенно. Если вы докажете, что это был обручальный подарок ввиду предстоящей женитьбы, то сможете заставить её либо выйти за вас, либо вернуть их. Есть прецедент: дело «Мак-Нулти против Родса». Тогда вы опять получаете контрольный пакет и вышибаете их вон. Сумеете это доказать?

— Чёрт, я не хочу на ней жениться!

— Это ваше дело. Просто всё по порядку. Есть у вас свидетели, письма, какие-то доказательства того, что, даря акции, вы подразумевали, что это — подарок вашей будущей жене?

Я задумался. Свидетели у меня, понятное дело, были. Все те же двое: Майлс и Белла.

— Вот видите? У вас только ваши слова — против их слов, но их двое, и у них вдобавок ещё куча документов. Вы не только ничего не добьётесь, но и кончите тем, что попадёте в такое место, где каждый — Наполеон, с диагнозом «навязчивые идеи...». Мой вам совет: займитесь чем-то другим. Или плюньте на их седьмой параграф и заведите своё дело. Мне было бы очень интересно посмотреть, как пойдёт подобное дело в суде, конечно, при условии, что мне не придётся вас защищать. Но не пытайтесь обвинить их в сговоре. Они выиграют дело, предъявят вам встречный иск и отберут даже то, что оставили сейчас.— Он встал.

Я воспользовался его советом ничего не предпринимать только частично: на первом этаже в том же здании был бар. Я зашел туда и пропустил парочку рюмок, а потом ещё полдюжины.

Пока я ехал к Майлсу, времени на воспоминания у меня было достаточно. Когда у нас завелись деньги, они с Рики перебрались в Сан-Фернандо-Вэли, подальше от нашего пустынного пекла, и сняли отличную квартиру. Я обрадовался, вспомнив, что Рики нет дома (она была в скаутском лагере на Большом Медвежьем озере): мне не хотелось, чтобы она присутствовала при размолвке между мной и ее отчимом.

Машины в туннеле Сепульведа ползли бампер к бамперу. И тут мне пришло в голову, что недурно было бы куда-нибудь деть свой сертификат на акции «Золушки», а не тащить его с собой к Майлсу. Никаких грубостей не ожидалось (если я сам не начну грубить), но мысль была

верная. Я теперь был осторожен, как кот, которому однажды прищемили дверью хвост.

Оставить в машине? А вдруг меня арестуют за драку (если драка всё-таки случится)? Глупо будет, если сертификат найдут при обыске отбуксированной в полицию машины.

Можно, конечно, послать по почте самому себе, но последнее время я получал почту до востребования на центральном почтамте: мне приходилось частенько перезжать из отеля в отель, потому что раньше или позже Пита обнаруживали.

Можно отправить кому-то, кому я доверяю. Вот только список тех, кому я доверял, был слишком короток...

И тут я вспомнил, кому я могу доверять: Рики.

Может показаться, что я сам нарывался на неприятности, решив довериться одной женщине после того, как меня только что провела другая. Но тут ничего общего. Я знал Рики почти всю её жизнь, и если на свете был честный человек — так это Рики. И Пит, кстати, тоже так считал. Кроме того, внешние данные Рики никак не могли повлиять на мужское благородство: её женственность была у неё только на лице — на фигуре она пока никак не отразилась.

Выбравшись из «пробки» в туннеле, я свернул с автострады и нашел аптеку. В кассе я купил марки, два конверта — побольше и поменьше — и писчей бумаги. Я начал писать:

Дорогая Рики-Тики-Тави!

Надеюсь, мы скоро увидимся, а пока что сбереги для меня этот конверт, что поменьше. Это секрет, только между нами.

Я остановился и задумался. Чёрт побери, ведь случись со мною что-нибудь, скажем автокатастрофа, и ценные бумаги, отосленные Рики, в конце концов могут попасть к Белле и Майлсу. Если я не придумаю, как это предотвратить. Обдумывая, как это сделать, я понял, что подсознательно уже принял решение насчет холодного сна: я передумал.

Протрезвление и лекция, прочитанная мне доктором, как-то расправили мне плечи. Я уже не собирался сбежать — я решил остаться и драться. И этот сертификат был для меня наилучшим оружием. Он давал мне право поинтересоваться их отчетностью; он позволял мне совать свой нос во все и всяческие дела компаний. И если они опять пытаются не пустить меня, наняв охранника, то в следующий раз я смогу приехать с адвокатом, помощником шерифа и судебным ордером. Я даже мог потащить их с этим сертификатом в суд. Дело я, наверное, не выиграл бы, но по крайней мере наделал бы шума и вони, и тогда «Манникс», возможно, и передумала бы покупать их.

Может, и вовсе не следовало посыпать это Рики.

Нет. Если со мною что-нибудь случится — пусть это достанется ей. Вся моя «семья» состояла из Рики и Пита. И я стал писать дальше:

Если вдруг я не увижуся с тобой в течение года — значит, со мной что-то случилось. Тогда позабочься о Пите, если сумеешь его разыскать, и, НИКОМУ НЕ ГОВОРЯ НИ СЛОВА, отвези малый конверт в любое отделение «Бэнк оф Америка», отдай работнику траст-отдела и попроси его вскрыть.

*Обнимаю тебя и крепко целую.
Твой Дядя Дэнни.*

Потом я взял новый лист и написал: «3 декабря 1970 года, Лос-Анджелес, Калифорния.— Я, Дэниэл Б. Дэвис, сим передаю принадлежащие мне ценные бумаги (здесь я указал реквизиты и номера моих акций «Золушки Инк.») на доверительное хранение «Бэнк оф Америка» на имя Фредерики Вирджинии Джентри с тем, чтобы они были переданы ей в собственность по достижении ею двадцати одного года» — и подписался. Намерения мои были ясны, и это было лучшее, что я мог придумать за прилавком аптеки, под звывание музыкального автомата прямо над ухом. Это гарантировало, что Рики получит акции, если со мною что-нибудь случится, и что Майлсу и Белле они ну никак не достанутся.

Но если всё обойдется, то я смогу просто попросить Рики вернуть мне конверт, когда повидаюсь с нею. Я специально не стал заполнять раздел «изменение владельца» на обороте сертификата: в случае чего мне не придется оформлять кучу бумаг (это очень сложная процедура, когда несовершеннолетний отдаёт распоряжение о передаче ценных бумаг), чтобы получить сертификат обратно — достаточно просто порвать отдельный лист бумаги.

Я убрал сертификат и сопроводительное письмо в меньший конверт, заклеил его, положил вместе с письмом к Рики в большой конверт, наклеил марку, написал адрес Рики в скаутском лагере и бросил в ящик у дверей аптеки. Судя по надписи на нем, следующая выемка будет через сорок минут. Я влез в машину с чувством заметного облегчения — не столько от того, что мои акции теперь были в безопасности, сколько от сознания, что я разрешил свой главный вопрос.

Ну, точнее, не «разрешил», а просто решил ~~идти~~ навстречу трудностям, а не бегать от них, не прятаться в норку, как Рип ван Винкль какой-нибудь, и не пытаться утопить их в спиртном различной крепости. Я, конечно, хотел увидеть двухтысячный год. Но я и так его увижу, только чуть позже — когда мне стукнет шестьдесят. Возможно, я ещё буду в этом возрасте на девочек поглядывать. Куда спешить-то? Нормальному человеку ни к чему прыгать в следующее столетие. Это всё равно что смотреть конец фильма, не зная, что было перед этим. Надо просто радоваться жизни тридцать лет подряд — тогда я, вероятно, легче сумею понять двухтысячный год, когда он наступит.

А пока что я собирался сцепиться с Майлсом и Беллой. Может, я и не смогу их одолеть, но зато они узнают, что почём. Как Пит, который иногда возвращался домой весь в крови, но громко и настойчиво мяукал: «Видели бы вы того, другого кота!»

От сегодняшнего разговора с Майлсом я многого и не

ожидал. В общем-то, это было просто формальным объявлением войны. Я хотел испортить ему сон, и чтобы он позвонил Белле и в свою очередь испортил сон ей.

3

Подъезжая к дому Майлса, я начал насвистывать. Мне стало наплевать на эту драгоценную парочку, и за последние пятнадцать минут я успел выдумать две совершенно новые машинки, каждая из которых должна была сделать меня богатым человеком. Одна — чертёжное устройство с управлением наподобие клавиатуры пишущей машинки. Я прикинул, что только в США наберется не меньше пятидесяти тысяч инженеров-конструкторов, которые каждый день горбатятся над своими кульманами и всей душой их ненавидят. От этой работы болит поясница и портятся глаза. Не то чтобы им не нравилась их работа — конструировать очень увлекательно,— но чисто физически это очень тяжкий труд. С моей же штуковиной они смогут сидеть в креслах и нажимать на клавиши, а изображение будет само появляться перед ними на экране над клавиатурой. Нажмите три клавиши одновременно — получите в нужном месте горизонтальную линию. Нажмите ещё одну клавишу — и вертикальная линия рассекает горизонтальную пополам. Нажмите две клавиши, а потом еще две — и проведите линию строго под нужным углом.

Господи, да за небольшую плату, как за дополнительное приспособление, я бы добавил ещё один экран, чтобы на первом архитектор чертил в изометрии (это единственный удобный способ конструирования), а на втором изображение сразу появлялось бы с учётом законов перспективы без всякого участия человека. Да что там — можно заставить эту штуку из изометрии выдавать сразу даже разрезы и поэтажные планы!

Главная прелесть заключалась в том, что всё это не-трудно было почти полностью собрать из стандартных частей, каких навалом в любом радиомагазине. Кроме, конечно, панели управления, которую я наверняка смог бы смастерить, купив обычную электрическую пищущую машинку, выдрав из неё все потроха и подключив клавиши к соответствующим цепям. Месяц, чтобы сделать примитивную модель, и ещё шесть недель на отлаживание...

Но эти мысли я заткнул в дальний угол памяти, уверенный, что я смогу сделать это устройство и что свой рынок оно найдёт. Гораздо больше меня вдохновляла мысль, что я, кажется, нашел способ переплюнуть нашу старушку «Салли» по части универсальности. Про «Салли» я знал больше, чем кто-либо, даже если бы этот «кто-то» корпел над нею целый год. Чего никто не знал — этого не было даже в моих записях,— так это того, что на каждое техническое решение, применённое мною, у меня был как минимум ещё один вариант, и что я был скован в выборе тем, что рассматривал «Салли» только как домашнюю прислугу. Для начала я мог освободить её от необходимости жить в электрическом инвалидском кресле. После этого я мог делать что угодно. Вот только ячейки Торсена мне для этого понадобятся, но тут Майлс был мне не помеха: их может купить любой, кто пожелает заняться кибернетикой.

Чертёжная машина подождет. Я займусь этим многоцелевым автоматом, который можно будет запрограммировать на в с ё, что может человек, лишь бы для этих действий не требовался человеческий разум.

Нет, вначале я всё-таки сделаю чертежную машину, а уж потом с её помощью сконструирую «Премудрого Пита».

— Слышишь, Пит? Мы назовем первого робота на свете в твою честь!

— Mrrrя-а-а-у!

— Зря сомневаешься — это большая честь.

После «Салли» я мог сконструировать «Пита» прямо

на своей чертёжной машине, довести его до совершенства, причём быстро. Эта модель сместит «Салли» с пьедестала ещё до того, как они успеют пустить её в производство. Если повезёт, я пущу их по миру, и они ещё придут уговаривать меня вернуться.

В окнах Майлса горел свет, а его машина стояла возле дома. Я поставил свою машину впереди его, сказав Питу:

— Ты уж лучше сиди тут, парень, и карауль машину. Если кто пойдет — быстро кричи «стой!» три раза подряд и стреляй в грудь.

— Мяу!

— Если ты хочешь войти со мною в дом, то тебе придется сидеть в сумке.

— Мя-а-а-у!

— И не спорь. Полезай в сумку.

Пит прыгнул в сумку.

Майлс открыл мне дверь. Никто из нас не сделал попытки поздороваться за руку. Он проводил меня в гостиную и показал рукой в сторону кресла: садись, мол.

Белла была здесь же. Я не ожидал увидеть её, но, наверное, ничего удивительного в её присутствии не было. Я глянул на неё и ухмыльнулся:

— Какая приятная встреча! Только не говори мне, что ты ехала из Мохаве в такую даль специально, чтобы поболтать с добрым старым Дэном?! — Я, когда завожусь, становлюсь таким грубияном с дамами.

Белла нахмурилась.

— Не остри, Дэн. Выкладывай, что ты хотел, если тебе есть что сказать, и проваливай.

— Ну, ты меня не торопи. Здесь так мило: мой бывший партнер; моя бывшая возлюбленная... Жаль, что нет моей бывшей работы.

Майлс сказал умиротворяющее:

— Зря ты так, Дэн. Мы же это всё для твоей же собственной пользы... и потом, ты же можешь в любой момент опять начать работать, стоит тебе захотеть. Я буду рад.

— Для моей же пользы? Примерно так сказали коно-краду, перед тем как вздёрнуть его на виселице. А насчёт моего возвращения — ты как, Белла? Могу я вернуться?

Она закусила губу.

— Если Майлс так считает — конечно.

— А ведь ешё вчера, кажется, было так: «Если Дэн так считает...». Всё меняется, такова жизнь. Но я не вернусь, ребята, не дёргайтесь. Я просто хотел сегодня кое-что выяснить.

Майлс взглянул на Беллу. Она спросила:

— Например?

— Ну, во-первых, кто из вас придумал меня надуть? Или вы это вместе?

Майлс произнёс медленно:

— Неудачное ты выбрал слово, Дэн. Оно мне не нравится.

— Да ладно уж, давайте без обиняков. Если уж слово плохое, то дело, которое оно обозначает, в десять раз хуже. Я имею в виду поддельный контракт и фальшивые переступки патентов. Это ведь по федеральным законам карается, Майлс. Смотри, будешь видеть солнышко по нечётным средам. Я ещё не уверен, но в ФБР мне скажут точно. Завтра,— добавил я, заметив, как сморщился Майлс.

— Дэн, неужели у тебя хватит ума мутить воду?

— Воду? Нет, ребята, я просто потащу вас в суд — и по гражданскому иску, и по уголовному. Вам даже почесаться будет некогда... если только вы не согласитесь сделать одно дело. Да, я ещё забыл ваш третий грешок: кражу моих записей и чертежей по «Салли»... и действующей модели тоже; хотя, конечно, вы можете заставить меня внести стоимость материалов, пошедших на её изготовление,— ведь платила-то за них компания.

— Кража? Чушь! — огрызнулась Белла.— Ты же работал над ней для компании.

— Разве? Работал-то я в основном по ночам. И я никогда не был служащим, Белла, как вам обоим известно.

Я просто тратил на жизнь ту прибыль, что набегала по моим акциям. Интересно, что скажут в «Маннис», когда узнают, что изделия, которые они собираются купить — «Золушка», «Чарли» и «Салли», — не принадлежали компании, а были украдены у меня?

— Ерунда,— уныло повторила Белла.— Ты работал на компанию. У тебя был контракт.

Я откинулся назад и расхохотался.

— Слушайте, ребята, чего вы сейчас-то врёте? Не надо. Это вы оставьте для суда, когда будете давать показания. Тут-то, кроме нас, никого нет. Я действительно хочу знать: кто это придумал? Я понимаю, как это было сделано. Белла, ты приносила мне бумаги на подпись. Если бумаг было много, ты прикрепляла копии к первому экземпляру скрепками — естественно, только для моего удобства: ты всегда была прекрасной секретаршей. От копий я видел только то место, где надо расписываться. Так что это ты подсунула мне эти джокеры в колоду. Значит, исполнителем была ты. Майлс бы не сумел это сделать. Тыфу ты, да Майлс и печатать-то путём не умел. Но вот кто составил те документы, что ты мне подкладывала? Ты? Не думаю. Если, конечно, у тебя нет юридического образования, о котором ты помалкивала. А, Майлс? Могла простая стенографистка так безупречно составить этот «седьмой параграф»? Или для этого нужен был юрист? То есть ты!

Сигара Майлса давно погасла. Он вынул её изо рта, внимательно осмотрел и сказал осторожно:

— Дэн, дружище, если ты думаешь, что мы сейчас признаемся, то ты спятил.

— Ой, брось, мы же тут одни. Так или иначе, вы оба виноваты. Я, конечно, хотел бы верить, что эта Далила явилась к тебе с готовым планом и просто соблазнила тебя в минуту слабости. Но ведь это не так, я знаю. Если только Белла сама не юрист, то вы наверняка работали вместе. Вы сообщники: ты составил эти бумаги, а Белла их отпечатала и сделала так, чтобы я их подписал. Верно?

— Не отвечай, Майлс!

— Разумеется, я не стану отвечать,— согласился Майлс.— Может, у него в этой сумке магнитофон.

— Неплохо было бы,— поддакнул я,— но — увы.— Я открыл сумку, и Пит высунул голову.— Ты всё слышал, Пит? Смотрите, ребята: у Пита память, как у слона. Нет, магнитофона я не принёс: я всё тот же лопух Дэн Дэвис, который не умеет думать наперед. Сроду спотыкаюсь, потому что доверяю друзьям. Вот вам, например. Белла — юрист, Майлс? Или ты сам хладнокровно продумал, как меня обчистить, чтобы это выглядело законно?

— Майлс! — перебила Белла.— С его способностями он мог сделать магнитофон размером с пачку сигарет. Может, он у него не в сумке, а в кармане?!

— Хорошая идея, Белла. В другой раз я так и сделаю...

— Я это учитываю, дорогая,— ответил Майлс,— и если это так, то ты слишком много болтаешь. Прикуси свой язык.

¶

Белла выдала в ответ такое — я даже не предполагал, что она знает такие слова. У меня глаза на лоб полезли.

— Начали грызться? Вор у вора...

Тут я с радостью отметил, что терпение Майлса начало подходить к концу.

— Ты тоже прикуси язык, Дэн, если здоровье дорого.

— Тю-тю-тю!.. Я ведь помоложе тебя, да и дзюдо занимался недавно. Стрелять в людей ты не умеешь — ты лучше обложишь человека фальшивыми контрактами со всех сторон. Я сказал «воры», и я имел в виду именно то, что сказал. Жулики и лжецы вы оба.

Я повернулся к Белле.

— Мой старик учил меня, что женщину нельзя так называть. Но ты, прелесть моя, не женщина — ты воришка. И вrushка. И... шлюха.

Белла залилась краской и посмотрела на меня таким взглядом, что вся её красота улетучилась, а из-под неё проступили черты хищного зверя.

— Майлс! — взвизгнула она.— Ты так и будешь сидеть, пока он...

— Спокойно! — приказал Майлс.— Грубит он нарочно. Он хочет, чтобы мы разозлились и наговорили таких вещей, о которых потом пожалеем. Что ты почти и делаешь. Так что уймись.

Белла заткнулась, хотя злости в её лице не поубавилось. Майлс повернулся ко мне.

— Дэн, я человек практичный. Я ведь пытался тебя урезонить, прежде чем ты ушёл из фирмы. Я старался уладить дело так, чтобы ты мог принять неизбежное достойно.

— Ты хочешь сказать, чтобы я не кричал, когда меня насилиуют?

— Как тебе угодно. Я всё ещё надеюсь с тобой подружиться. Никакое дело против нас тебе выиграть не удастся, но, как юрист, я знаю: лучше не доводить дело до суда, чем выигрывать его. Если это возможно. Ты сегодня сказал, что мы могли бы что-то сделать, чтобы умиротворить тебя. Скажи мне, что это. Возможно, мы договоримся.

— Ах, это... Я как раз к этому подошёл. Ты не можешь этого сделать. Но возможно, ты сумеешь организовать это. Всё очень просто. Сделай так, чтобы Белла вернула мне акции, подаренные ей в качестве обручального подарка.

— Нет! — сказала Белла.

Майлс буркнул: «Я же велел тебе помалкивать!»

Я взглянул на неё и спросил.

— А почему бы и нет, дорогая? То есть бывшая дорогая... Я консультировался на этот счёт, и адвокат сказал, что раз я подарил их тебе в расчёте на твоё обещание выйти за меня замуж, то ты не только морально, но и по закону обязана вернуть их. Это был не «свободный дар» — так, кажется, это называется? — а подарок, сделанный в расчёте на определённые встречные шаги, которых я так и не дождался. Или ты опять передумала и мы поженимся, а?

Она обстоятельно разъяснила, где и когда я могу расчтывать жениться на ней.

Майлс устало процелил:

— Белла, ты зря стараешься. Ты что, не видишь, что он просто пытается взять нас за глотку?

Он повернулся ко мне.

— Дэн, если ты пришёл ради этого, то можешь уходить... Я согласен, что если бы дела обстояли так, как ты говоришь, то у тебя был бы шанс. Но всё было не так. Ты передал Белле эти акции в уплату.

— Как? В уплату за что? И где оплаченный чек?

— Его и не могло быть. В уплату за оказанные компании услуги, выходящие за рамки её служебных обязанностей.

Я выкатил глаза.

— Очаровательная теория! Послушай, старина, если эти «услуги» оказывались компании, а не лично мне, тогда ты тоже должен был знать о них и заплатить ей равную долю: мы ведь делили доходы пополам, хотя у меня и был (точнее, я думал, что был) контрольный пакет. Не хочешь ли ты сказать, что тоже отстегнул Белле блок акций такого же размера?

Они как-то странно взглянули друг на друга, и меня вдруг словно что-то внутри толкнуло.

— А ведь так, похоже, и было! Держу пари, что моя крошка и тебя заставила это сделать, припугнув, что иначе она выйдет из игры. Так, да? Если так, то она наверняка зарегистрировала передачу акций сразу же. И по датам регистрации можно увидеть, что я перевёл на нее акции сразу после помолвки — а дата помолвки была в «Дезерт Геральд», а ты — когда вы всё подстроили. И всё это есть в ваших конторских книгах... А может, судья и поверит мне, а? Как ты думаешь, Майлс?

Я расколол их. Я их расколол! По их лицам я понял, что наткнулся на обстоятельство, которое им в жизни не объяснить и которое я никак не должен был узнать. Зна-

чит, я их прижал... И тут — ещё одна безумная догадка. Безумная ли? Нет, вполне логичная.

— А сколько акций он тебе дал, Белла? Столько же, сколько ты получила от меня за нашу «помолвку»? Для него ты сделала больше, значит, и получить ты должна была побольше.

Я внезапно остановился.

— Скажите... я вот подумал: странно, что Белла приехала сюда, чтобы поговорить со мной,— я ведь знаю, как она не любит эти поездки. Так, может, ниоткуда ты и не ехала, а была тут всю дорогу? Вы что, уже трахаетесь? Или я должен назвать это «помолвлены»? А может, вы уже поженились? — Я чуть поразмыслил.— Готов поспорить, что это так. Ты, Майлс, не такой олух, как я. Ставлю последнюю рубашку, что ты никогда не отдал бы Белле акции только за обещание выйти за тебя. А вот к свадьбе — мог бы, с условием, что сохранишь право голосовать ими. Не трудись отвечать — завтра я сам раскопаю. Это тоже где-нибудь записано.

Майлс взглянул на Беллу и сказал:

— Не трать время. Познакомься: миссис Джентри.

— Вот как? Поздравляю вас обоих, вы друг друга стойте. Теперь насчет моих акций. Поскольку миссис Джентри уже никак не может выйти за меня, то...

— Не пори чепухи, Дэн. Сейчас я разнесу твою смехотворную теорию в мелкие дребезги. Акции я передал Белле так же, как и ты, и с той же мотивированкой: в уплату за услуги фирме. Как ты и сказал, это можно найти в делах. Поженились мы всего неделю назад... а вот акции она получила уже довольно давно, можешь убедиться сам, если не лень. Увязать эти два события тебе не удастся. Акции она получила от каждого из нас за неоценимые услуги фирме. А потом, когда ты её бросил и ушёл из фирмы, мы поженились.

Да, прокол. Майлс слишком умён, чтобы врать мне о том, что я легко могу проверить. И всё же была в этом ка-

кая-то ложь, которую я пока ещё не раскусил. *Пока ешё.*

— Где и когда вы поженились?

— В суде Санта-Барбary в прошлый четверг. Хотя это и не твое дело.

Черт его побери, что-то не верится мне, что он смог отдать Белле акции раньше, чем наложил на неё лапы. Это я мог так промахнуться, а на него это было не похоже.

— Я вот подумал, Майлс: если я найду детектива, не окажется ли, что вы уже однажды поженились, чуть раньше? Может, в Юме или в Неваде? А может, вы смотались в Рино, когда ездили на север на заседание налоговой комиссии? Если окажется, что такой брак был зарегистрирован, то, может быть, дата передачи акций и дата перехода моих патентов фирме улягутся в очень интересный орнамент. А?

Майлс не дрогнул. Он даже не взглянул на Беллу. Что же касается Беллы, то ненависти в её лице и так было столько, что больше некуда. Однако всё было очень похоже на правду, и я решил разрабатывать свою догадку до конца.

Майлс просто сказал:

— Дэн, я долго терпел тебя и пытался помириться. Всё, что я получил взамен — одни оскорблений. Так что, я думаю, тебе пора выметаться. Иначе, ей-богу, я вытряхну вас отсюда — тебя и твоего блошилового кота!

— Первый раз за весь вечер слышу мужские слова. Только не надо называть Пита блошиловым: он всё понимает и может попытаться унести на память кусочек тебя. О'кей, экс-друг, я уйду. Я только хочу произнести заключительную речь — очень короткую, буквально пару слов. Вероятно, это будут последние слова, которые я вам скажу. О'кей?

Белла сказала встревоженно:

— Майлс, мне надо тебе что-то сказать.

Он отмахнулся от неё не глядя.

— О'кей. Только покороче.

Я повернулся к Белле.

— То, что я скажу, тебе вряд ли понравится. Ты бы лучше ушла, Белла.

Она, разумеется, осталась. Я и сказал-то нарочно, чтобы она не ушла. Потом оглянулся на него:

— Майлс, я не очень на тебя сердит. То, что может сделять мужчина ради женщины, невероятно. Если поддались даже Самсон и Марк Антоний — как я мог требовать от тебя, чтобы ты устоял? По существу, я должен быть тебе даже благодарен вместо того, чтобы сердиться. Наверное, я немножко и благодарен. Во всяком случае, мне тебя жаль.— Я бросил взгляд на Беллу.— Теперь ты получил её и все связанные с этим проблемы. Мне это стоило денег и — временно — душевного покоя. А вот во что она обойдётся тебе? Она обманула меня; она даже сумела уговорить тебя, моего верного друга, обмануть меня. А скоро она снюхается ещё с каким-нибудь мошенником и начнет морочить голову тебе... Когда? Через неделю? Через месяц? А может быть, дотерпит до следующего года? Но раньше или позже она всё равно...

— Майлс! — взвигнула Белла.

Майлс зарычал: — Вон отсюда! — и я понял, что пора уходить. Я встал.

— Мы как раз собирались идти. Жаль мне тебя, дружище. Мы оба сделали одну и ту же промашку, и это наша общая вина. Но платить придётся тебе одному. Это скверно: за такую невинную ошибку...

Его любопытство пересилило.

— Что ты имеешь в виду?

— Нам следовало поинтересоваться, почему это такая женщина — умная, красивая, толковая, ну, в общем, всё при ней — вдруг решила пойти к нам машинисткой за гроши. Если бы мы взяли у неё отпечатки пальцев, как в больших фирмах, и провели обычную проверку, может, мы бы её и не наняли... и тогда мы всё ещё были бы партнёрами.

Майлс вдруг взглянул на свою жену: у неё был вид

загнанного в угол зверя. Вот только таких красивых зверей не бывает...

Я просто не мог уйти, не воспользовавшись моментом. Я подошёл к ней со словами:

— Ну, Белла? Если взять твой стакан и снять с него отпечатки пальцев — что выплынет? Грязные фотографии по почте? Крупный шантаж? Или многомужие? Ты, поди, женила на себе богатых лопухов? Интересно, по закону Майлс вообще твой муж или как? — Я протянул руку и поднял со стола её стакан.

Белла выбила его у меня из рук. Майлс что-то крикнул.

На этом, к сожалению, моя удача кончилась. Я по глупости своей вошёл в клетку к хищникам без оружия и забыл первую заповедь дрессировщика: никогда не поворачиваться к зверю спиной. Я повернулся к Майлсу. Белла потянулась к сумочке. Я еще подумал, что она выбрала очень удачное время искать сигареты.

И тут я почувствовал укол.

Помню, как ноги у меня подкосились и я начал падать на ковер, чувствуя только одно: безграничное удивление, что Белла могла так со мною поступить. Оказывается, я всё ещё верил ей.

4

Сознания я не потерял. У меня кружилась голова и немного тошнило, когда сработал препарат — он действует быстрее морфия. Но и только. Майлс что-то крикнул Белле и подхватил меня под мышки, когда у меня подломились колени. Пока он дотащил меня до кресла и посадил в него, даже головокружение прошло.

Но хотя я и был в сознании, часть меня словно умерла. Теперь-то я знаю, что они мне всадили: это был зомбиин — выдумка Дяди Сэма в ответ на «промывку мозгов». На-

сколько мне известно, мы ни разу не применяли его на заключённых, но наши парни пользовались им, расследуя дело о «промывке мозгов»: незаконно, зато эффективно. Теперь подобные препараты используют для ускоренного психоанализа, но, по-моему, даже психоаналитику приходится получать разрешение суда, чтобы использовать его.

Бог его знает, где Белла добыла это средство. Но ведь Бог один и знает, скольких ещё простаков она одурачила.

Меня же это не интересовало. Я, как кукла, лежал в кресле, слышал всё, что происходило вокруг, и видел всё, что попадало в поле моего зрения. Но если бы передо мною появилась даже сама леди Годива без своей лошади, я бы не смог скосить глаза вслед за нею.

Если бы мне не приказали их скосить.

Пит выпрыгнул из сумки, подбежал ко мне и спросил, в чём дело. Не получив ответа, он стал отчаянно тереться о мои икры, требуя ответа. А когда я и тут не ответил, он вспрыгнул ко мне на колени, упёрся передними лапами в грудь и потребовал сказать сейчас же и без глупостей: что происходит?

Я опять не ответил, и тогда он начал выть.

Тут Майлс и Белла обратили на него внимание. Когда Майлс усадил меня в кресло, он повернулся к Белле и сказал с упрёком:

— Ну что ты натворила! Ты что, с ума сошла?

Белла ответила:

— Спокойно, Майлс. Теперь мы уделаем его раз и навсегда.

— Что? Если ты думаешь, что я буду участвовать в убийстве...

— Отвянь! Это было бы логично... но у тебя для этого кишечка тонка. Слава богу, теперь это не нужно... мы накачали его таким зельем...

— Что ты хочешь сказать?

— Он теперь наш. Он будет делать то, что я ему прикажу. Неприятностей от него теперь не будет.

— Но... господи, Белла, нельзя же его держать под этим кайфом вечно. Когда-нибудь он очухается, и...

— Хватит болтать, не в суде. Ты же не знаешь, на что способно это средство, а я знаю. Когда его действие кончится, он сделает то, что я ему велю сделать. Скажу ему, чтобы он не судился с нами — не будет судиться. Прикажу, чтобы прекратил совать нос в наши дела — оставит нас в покое. Прикажу уехать в Тимбукту — поедет. Велю забыть всё, что было,— забудет... впрочем, он и так забудет.

Я слышал её, понимал её, но мне было совершенно не интересно. Если бы кто-нибудь крикнул «Пожар!», я бы и это понял, но мне всё равно было бы не интересно.

— Не верю.

— Не веришь? — Она как-то странно взглянула на него.— Зря...

— Ну-ка, что ты хочешь сказать?

— Ладно, ладно... Эта штука действует, вот и всё. Но сперва надо...

Вот в этот момент Пит и завыл. Редко кому доводилось слышать, как воет кот. Можно прожить всю жизнь и ни разу не услыхать этого. Они не воют в драке, как бы сильно им ни досталось. Они не воют, если им что-то не нравится. Коты воют только от полного отчаяния, когда происходит что-то невыносимое, а они ничего не могут с этим поделать. Когда им ничего не остается, как взвыть.

Стерпеть этот вой очень трудно, он прямо по нервам скребёт.

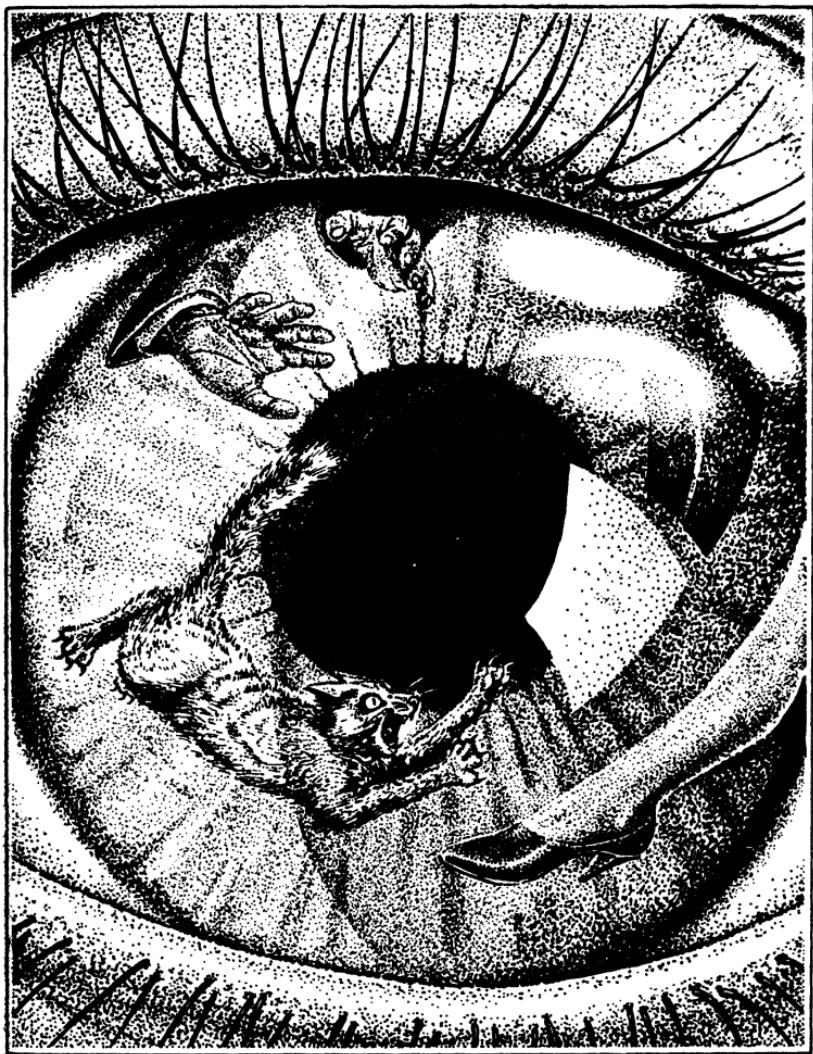
Майлс повернулся и сказал:

— Чёртов кот! Надо его отсюда выгнать.

Белла процедила:

— Убей его.

— Да? Вечно ты так, Белла. Да Дэн из-за своего бесценного кота поднимет больше шума, чем если бы мы его обчистили дочиста. Вот...

Он повернулся и поднял дорожную сумку — прибежище Пита.

— Я его убью! — заявила Белла кровожадно.— Я давным-давно мечтаю его прикончить.— Она оглянулась вокруг и увидела каминную кочергу. Подбежав к камину, она схватила её.

Майлс поднял Пита и попытался засунуть его в сумку.

Попытался — очень подходящее слово. Пит не терпит, чтобы его брал в руки кто-нибудь, кроме меня и Рики. Да и я не рискнул бы трогать его, когда он воет, без предварительных «переговоров»: когда кот нервничает, с ним надо обращаться, как с гремучей ртутью. Но будь он даже в хорошем настроении, он всё равно никому не позволил бы безнаказанно брать его за шкирку.

Пит вцепился ему зубами в палец, а когтями — в руку. Майлс вскрикнул и выпустил его.

Белла крикнула: «Посторонись!» — и кинулась на Пита с кочергой. Намерения Беллы были вполне ясны. Оружие и сила у неё были. Вот только обращаться с этим оружием она не умела, а Пит своим владел как следует. Он поднырнул под опускающуюся кочергу и вцепился в Беллу всеми четырьмя — по две лапы на каждую ногу.

Белла вскрикнула и уронила кочергу.

Остального я почти не видел. Я по-прежнему смотрел прямо перед собой и видел большую часть комнаты, но только в пределах своего поля зрения, потому что никто не приказал мне поворачивать голову. Так что остальное до меня доходило в основном в звуках, за исключением одного кадра, когда они оба промелькнули перед моими глазами, гонясь за котом. А потом сразу же в обратную сторону — преследуемые котом. После этого я мог только слышать шум битвы: топот, крики, ругань, вопли и грохот падающих предметов.

Не думаю, однако, что им удалось до него даже дотронуться.

Худшее, что могло со мной случиться,— то, что в звёзд-

ный час Пита, в день его великой битвы и великой победы я не только не видел подробностей сражения, но и был совершенно не в состоянии оценить их по достоинству. Я мог видеть и слышать, но не мог чувствовать. В великий Момент Истины Пита я был нем и слеп.

Теперь, вспоминая всё, я испытываю чувства, которых был лишен тогда. Но это не одно и то же: теперь я навеки обездолен, словно человек, проспавший свой медовый месяц летаргическим сном.

Внезапно грохот и крики прекратились, и вскоре Майлс и Белла вернулись в гостиную. С трудом переводя дух, Белла сказала:

— Кто оставил открытой сетчатую дверь от комаров?

— Ты! Помолчи про это. Он уже удрал.— Лицо и руки у Майлса были в ссадинах, и он безуспешно пытался унять кровь на исцарапанном лбу. Судя по одежде, он где-то оступился и упал. Пиджак на спине был порван.

— А вот чёрта с два! Пистолет в доме есть?

— А?

— Пристрелю эту поганую кошку.— У Беллы видок был ещё почище, чем у Майлса. Открытого тела, до которого сумел добраться Пит, у неё было больше: ноги, руки и плечи. Было ясно, что ей не скоро придется носить открытые платья, к тому же если ею немедленно не займется специалист, то наверняка останутся шрамы. Она смахивала сейчас на гарпию после раунда вольной борьбы с сёстрами.

Майлс сказал ей:

— Сядь!

Она ответила ему кратко и в отрицательном смысле:

— Я убью эту кошку!

— Тогда не садись. Ступай умойся. Я обработаю тебя юдом, а ты — меня. А про кота забудь: сбежал — и слава богу.

Она сказала что-то неразборчивое, но Майлс понял.

— От такой и слышу... Подумай, Белла, если бы у меня был пистолет (я не сказал, что он есть) и ты начала бы

из него палить, то независимо от того, попала бы ты в кота или нет, полиция была бы тут через десять минут, суж свой нос куда не надо и задавая лишние вопросы. Ты этого добиваешься, когда он здесь, у нас?

Он кивнул в мою сторону.

— И если ты выйдешь с пистолетом из дома, то эта тварь скорее всего прикончит тебя.— Он весь сморщился от боли.— Должен быть закон, запрещающий держать подобных зверей: он же опасен для окружающих. Ты только послушай!

Было слышно, как Пит ходит вокруг дома. Теперь это был не вой, а боевой клич: он предлагал им выбрать оружие и выйти — по одному или обоим сразу.

Белла прислушалась, и её передернуло. Майлс сказал:

— Не беспокойся, внутрь ему не войти. Ту сетчатую дверь, что ты забыла закрыть, я запер.

— Я не забывала её закрыть!..

— Как знаешь...

Майлс обошел комнату, проверяя, заперты ли окна. Вскоре Белла ушла, а вслед за нею и Майлс. Через некоторое время Пит замолчал. Долго ли их не было, я не знаю: время для меня ничего не значило.

Белла вернулась первой. Лицо и прическа у неё были в полном порядке. Она надела платье с длинными рукавами и высоким воротом и новые чулки вместо порванных Питом. Кроме кусочков пластиря, следов битвы на её лице видно не было, и если бы не унылое выражение на физиономии, то при других обстоятельствах я бы нашел её даже привлекательной.

Она подошла прямо ко мне и велела встать. Я встал. Она быстро и умело обыскала меня, не забыв про карманшек для часов, карманы рубашки и даже косой внутренний карманчик на левом борту, которого нет у большинства пиджаков. Улов был невелик: немного денег в бумажнике, удостоверение личности, водительские права, ключи, мелочь, несколько скрепок, ингалятор от смога и конверт с

чеком, который она сама мне и отправила. Она перевернула чек, прочла передаточную надпись, которую я сделал на обороте, и удивилась:

— Что это, Дэн? Покупаешь страховку?

— Нет.— Я бы рассказал ей всё, но я мог отвечать только на последний из заданных вопросов.

Она задумчиво нахмурилась и сунула чек вместе со всем остальным мне в карман. Тут на глаза ей попалась сумка Пита, и она, видимо, вспомнила про боковой карман, который я использовал для хранения документов, потому что сразу же взяла её и залезла в него рукой.

Она тут же обнаружила полторы дюжины документов, да ещё в четырех экземплярах, которые я подписал для «Мьючел Эшшуранс Компани». Она уселись и стала их читать. Я стоял, где поставили, как портновский манекен, который забыли убрать в угол.

Тут явился Майлс в купальном халате, тапочках, бинтах и пластире. Вид у него был, как у боксёра среднего веса, проигравшего восемь раундов подряд. На лысине у него тоже красовалась повязка, наподобие ермолки — видно, Пит достал его, когда он упал.

Белла подняла голову, поманила его к себе и молча показала на лежавшую перед ней стопку документов. Он сел рядом и начал быстро читать. Он догнал её и последнюю бумажку уже читал, глядя ей через плечо.

Она сказала:

— Дело приобретает несколько иную окраску.

— Мягко сказано. Бумаги на четвёртое декабря — это завтра. Белла, он же горячий, как утюг! Надо срочно от него избавляться.— Он взглянул на часы.— Утром его станут искать.

— Майлс, ты начинаешь мелко дрожать при первых же признаках опасности. Это наш шанс. Может, такой шанс, на который мы надеяться не смели.

— С чего ты взяла?

— У зомбина, как он ни хорош, есть один недостаток.

Предположим, ты накачал им кого-то и загрузил его своими приказами. О'кей, он будет это делать. Он выполнит приказы — по-другому он не может. Про гипноз что-нибудь слышал?

— Не много.

— А что ты в о о б щ е слышал, кроме своей юриспруденции?! Вот нет в тебе здорового любопытства. Всё сводится к тому, что постгипнотическое внушение может войти в конфликт — и даже наверняка входит — с тем, что человек на самом деле хочет делать. Заканчивается тем, что он попадает к психиатру. И если психиатр приличный, то он сумеет разобраться, в чём дело. Возможно, Дэн попадёт как раз к такому, и тот сумеет разблокировать те команды, что я ему дам. Тогда у нас будет куча неприятностей.

— Чёрт, ты же говорила, что препарат надёжный?!

— Господи, любая вещь в жизни — риск. От этого-то жизнь такая интересная. Погоди, дай подумать.

Через минуту она сказала:

— Самое простое и надёжное — отправить его спать. Пусть себе спит Холодным Сном, как и собирался. Это даже лучше, чем если бы он умер, и никакого риска. Вместо того, чтобы сперва давать ему кучу сложных приказов, а потом молиться, чтобы его не разблокировали, мы просто прикажем ему ехать и ложиться в Сон, потом пропротивим и вывезем. Или сперва вывезем, а потом пропротивим. Она повернулась ко мне.

— Дэн, когда ты собираешься лечь в Сон?

— Никогда.

— Это как? А что же это всё такое? — она показала на бумаги, вынутые из моей сумки.

— Это бумаги для Холодного Сна. Контракты с «Мью-чел Эшшуранс».

— Чокнутый какой-то, — не удержался Майлс.

— Хм... естественно. Я всё забываю, что под этим делом они не могут думать как следует. Они могут слушать,

говорить, отвечать на вопросы — но вопросы нужно правильно задавать. Думать они не могут.

Она подошла ко мне ближе и заглянула в глаза:

— Дэн,— сказала она,— я хочу, чтобы ты рассказал мне всё об этой истории с Холодным Сном. Начни с самого начала и шпарь подряд, до конца. У тебя тут все бумаги для Холодного Сна. Очевидно, ты подписал их только вчера. Теперь ты говоришь, что ложиться в Сон не собираешься. Расскажи мне об этом. Я хочу знать, почему ты собирался это сделать, а теперь говоришь, что не хочешь.

Я выложил ей всё. Когда спрашивали так, я мог отвечать. Отвечал я долго, потому что она приказала мне рассказывать подробно, и я так и сделал — рассказал со всеми деталями.

— Значит, там, в кафе, ты и передумал? И решил вместо этого явиться сюда и устроить нам неприятности?

— Да.— Я собирался продолжить и рассказать ей, как я ехал сюда, и что сказал Питу, и что он мне ответил, и как я остановился у аптеки и распорядился своими акциями «Золушки Инк.», и как я приехал к Майлсу, и как Пит не хотел оставаться в машине, и как...

Но она перебила меня, и я не успел. Она сказала:

— Ты опять передумал, Дэн. Ты хочешь получить свой Холодный Сон. Ты поедешь и получишь свой Сон. И ничто на свете не остановит тебя, так ты хочешь получить свой Сон. Ты понял? Что ты должен сделать?

— Я должен получить Холодный Сон. Я очень хочу по... — я зашатался. Я уже стоял, как столб, больше часа, не шевельнув ни единой мышцей — ведь никто мне этого не приказал. Я начал медленно падать на неё.

Она отскочила и резко сказала:

— Сядь!

Я сел.

Белла повернулась к Майлсу.

— Вот так-то. Буду долбить до тех пор, пока не буду уверена, что он ничего не перепутает.

Майлс глянул на часы.

— Он сказал, что доктор ждёт его к двенадцати.

— Времени навалом. Только лучше уж мы сами отвезём его, на всякий случай... Чёрт возьми!

— В чём дело?

— Времени слишком мало. Я вкатила ему лошадиную дозу, чтобы сработало раньше, чем он мне врежет. К полудню он будет настолько трезв, что сумеет в этом убедить кого угодно. Кроме доктора.

— Может быть, медосмотр в этот раз будет поверхностным. Ведь его медицинский допуск уже подписан.

— Ты же слышал, что он сказал: доктор предупредил, что проверит, не пил ли он. Значит, будет проверять рефлексы, скорость реакции, заглядывать в глаза — в общем, делать всё то, чего мы очень не хотели бы. Мы просто не можем позволить доктору делать это. Майлс, ничего не выйдет.

— Может, отложить на денёк? Позвоним им и скажем, что он немножко задерживается.

— Заткнись и дай подумать.

Она опять полезла в бумаги, которые я принёс с собой. Потом вышла из комнаты, но тотчас вернулась с ювелирной лупой, ввернула её в глаз наподобие монокля и стала пристально рассматривать каждый лист. Майлс спросил её, что она делает, но она отмахнулась от него.

Наконец она отложила лупу и сказала:

— Слава богу, что все пользуются стандартными государственными бланками. Дай-ка мне телефонный справочник по учреждениям.

— Зачем?

— Давай, давай. Хочу уточнить название фирмы. Да знаю я, как она называется, но надо наверняка.

Ворча, Майлс приволок справочник. Она полистала его и сказала:

— Ну, вот. «Мастер Иншуранс Компани оф Калифорния»... и на каждом бланке есть свободное место. Вот если

бы вместо «Мастер» было «Моторз», тогда дело было бы на мази, но у меня никаких связей в «Моторз Иншуранс», и потом, я даже не знаю, занимаются ли они анабиозом. По-моему, у них только страхование транспортных средств.— Она подняла голову.

— Майлс, тебе придется отвезти меня сейчас на фабрику, срочно.

— Да?

— Если ты, конечно, не знаешь более быстрого способа раздобыть электрическую пишущую машинку с угольной лентой. Или нет, поезжай и привези её сам. Мне надо позвонить кое-куда.

Он нахмурился.

— Я, кажется, начинаю понимать, что ты задумала. Но, Белла, это же безумие. Это жутко опасно.

Она засмеялась.

— Это ты так думаешь. Я же говорила тебе, что у меня были неплохие связи до того, как мы с тобой стакнулись. Мог бы ты в одиночку провернуть дело с «Манникс»?

— Ну... Не знаю.

— А я знаю. И ты, наверное, не знал, что «Мастер Иншуранс» тоже входит в «Манникс»?

— Ну, не знал. А какая разница?

— Разница в том, что тогда мои связи работают. Смотри, фирма, в которой я работала, помогала «Манникс Энтерпрайзиз» по части уменьшения налогов... пока мой шеф не слинял за границу. Как ты думаешь, получили бы мы с тобой такие выгодные условия, не гарантируя, что наш Дэнни тоже входит в сделку? А-а... Я всё знаю про «Манникс». Так что гони и вези мне машинку, а я разрешу тебе посмотреть, как работают настоящие артисты. Осторожно, там где-то кот.

Майлс поверчал, но стал собираться. Потом вернулся.

— Белла! Разве Дэн не оставил машину возле нашего дома?

— А что?

— Её там нет.— Вид у него был встревоженный.

— Ну, наверное, поставил её за угол. Это неважно. Давай вези машинку. Шевелись!

Он опять вышел. Я мог им сказать, где я оставил машину, но, поскольку никто меня об этом не спрашивал, я не стал об этом думать. Я вообще ни о чём не думал.

Белла тоже вышла куда-то, оставив меня одного. Майлс вернулся ещё затемно, совершенно вымотанный, волоча нашу тяжёлую машинку. После этого меня опять оставили без присмотра.

Войдя в комнату, Белла сказала:

— Дэн, в одной из твоих бумаг сказано, что ты просишь страховую компанию позаботиться о твоих акциях «Золушки». Ты больше не хочешь этого. Теперь ты хочешь отдать их мне.

Я не ответил. Тогда она сказала с раздражением:

— Давай сформулируем так: ты хочешь отдать их мне. Ты знаешь, что хочешь отдать их мне. Ты ведь знаешь это?

— Да. Я хочу отдать их тебе.

— Отлично. Ты хочешь отдать их мне. Ты должен отдать их мне. Ты себе просто места не найдёшь, пока не отдашь их мне. Ну, где они? В машине?

— Нет.

— Тогда где же?!

— Я их отправил по почте.

— Что? — Она взвизгнула.— Когда ты их отправил? Кому ты их отправил? Почему ты их отправил?

Если бы второй вопрос оказался последним, мне бы пришлось на него ответить. Но я ответил на последний вопрос — это было всё, что я мог.

— Я их передал другому владельцу.

— Куда он их дел? — спросил, входя, Майлс.

— Говорит, что отправил их по почте... потому что передал их другому владельцу! Лучше найди-ка его машину да обыщи хорошенъко: может, он только вообразил,

что отправил их. Когда он ходил в страховую компанию, они определенно были у него при себе.

— Передал их! — повторил Майлс.— Боже милостивый... Кому?

— Сейчас спросим. Дэн, кому ты передал свой сертификат?

— «Бэнк оф Америка».

Она не спросила почему, а то я сказал бы ей и про Рики. Она просто вздохнула и поникла. Плечи у нее опустились.

— Недолго музыка играла... Про акции, Майлс, можно забыть. Чтобы выудить их из банка, надо слишком много напильников.— Она внезапно выпрямилась.— Если, конечно, он действительно отправил их по почте. Если нет, то я смогу подтереть надпись на обороте так чисто, что будет прямо как из прачечной. А потом он опять передаст их... мне.

— Нам,— поправил Майлс.

— Ну, это детали. Иди ищи его машину.

Майлс вернулся довольно скоро и объявил:

— Её нет нигде в радиусе шести кварталов вокруг. Я объехал все улицы и бульвары. Должно быть, он приехал на такси.

— Ты же слышал: он сказал, что приехал на своей машине.

— Ну, а теперь её нет. Спроси его, когда и где он опустил свои акции в почтовый ящик.

Белла спросила, и я ответил:

— Прямо перед тем, как приехать к вам, я кинул конверт в ящик на углу Сепульведа и Вентура-бульвар.

— Как ты думаешь, врёт?

— Он не может врать — он не в той форме. И он слишком уверенно говорит, чтобы перепутать. Забудь об этом, Майлс. Может, после того как его затолкают спать, окажется, что его передаточная надпись недействительна, потому что он уже успел продать эти акции нам... По крайней мере пусть распишется на чистом листе, я потом попробую.

Она попыталась получить мою подпись, а я попытался подчиниться. Но я был в таком состоянии, что проку от меня было мало, и подпись моя её не устроила. В конце концов она выдернула лист бумаги из моих рук и сказала с раздражением:

— Тыфу, смотреть тошно! Я и то подпишусь твоим именем лучше тебя...

Потом она наклонилась надо мной и сказала с нажимом:

— Жаль, что я не прикончила твоего кота.

Несколько часов они меня не трогали. Потом пришла Белла и сказала:

— Дэнни, малыш, я сейчас сделаю тебе укольчик, и тебе станет гораздо лучше. Ты сможешь встать, и ходить, и вести себя совсем как обычно. Ты ни на кого не будешь сердиться, особенно на нас с Майлсом. Мы же твои лучшие друзья. Правда же? Ну-ка, кто твои лучшие друзья?

— Вы. Ты и Майлс.

— Но я — даже больше чем друг. Я твоя сестра. Повтори.

— Ты моя сестра.

— Хорошо. Теперь мы поедем кататься, а потом ты примешь Долгий Сон. Ты болел, но, когда проснулся, тебе стало лучше. Ты понял?

— Да.

— Кто я?

— Ты мой лучший друг. Ты моя сестра.

— Молодец. Закатай рукав.

Я не почувствовал, как вошла в кожу игла, но, когда Белла выдернула её, руку зашипало. Я сел, потянулся и сказал:

— Ух, как щиплет, сестренка. Что это?

— Это чтобы тебе стало лучше. Ты болел.

— Ага, болел. А где Майлс?

— Сейчас придёт. Давай другую руку. Подними рукав.

Я спросил: «Зачем?» — но рукав поднял, и она опять сделала укол. Я даже подпрыгнул. Она улыбнулась.

— И вовсе не больно, правда?

— А? Нет, не больно. А зачем это?

— Ты немного поспишь по дороге. А когда приедем, проснёшься.

— О'кей. Я хочу спать. Я хочу Долгий Сон.— Тут я удивлённо огляделся по сторонам.— А где Пит? Пит тоже должен был спать со мной.

— Пит? — спросила Белла.— Как, разве ты не помнишь, дорогой? Ты же отправил Пита жить к Рики. Она будет о нём заботиться.

— Ну да! — я радостно улыбнулся. Я отправил Пита к Рики. Я помню, как я отправил его по почте. Это хорошо. Рики любит Пита, она будет заботиться о нём, пока я сплю.

Они отвезли меня в Объединенное Хранилище в Соутелле, которым пользовались многие мелкие страховые компании, не имевшие своих хранилищ. Я проспал всю дорогу, но тотчас проснулся, стоило Белле окликнуть меня. Майлс остался сидеть в машине, а она повела меня внутрь.

Девушка за столиком подняла голову и спросила:

— Вы — Дэвис?

— Да,— подтвердила Белла.— Я — его сестра. Представитель «Мастер Иншуранс» здесь?

— Он в процедурной номер девять — они готовы и ждут вас. Бумаги можете отдать их сотруднику.— Она с интересом взглянула на меня.— А медосмотр он прошёл?

— Ну конечно! — поспешила уверить её Белла.— У моего брата, знаете, такой случай — он ждёт средства лечения... Он на препаратах опиума — от боли.

Девушка сочувственно поцокала языком:

— Ну, тогда поторопливайтесь. Вон в ту дверь и налево.

В комнате номер девять нас ждали двое мужчин — один в костюме, другой в белом халате — и женщина в одежде медсестры. Они помогли мне раздеться и обращались со мной, как с мальчиком-идиотом, а Белла рассказывала им, что я получаю болеутоляющие препараты.

Раздев меня и уложив на кушетку, человек в халате помял мне живот, глубоко вдавливая пальцы.

— С этим проблем не будет,— объявил он.— Живот пустой.

— Он ничего не ел и не пил со вчерашнего вечера,— подтвердила Белла.

— Отлично. Иногда к нам приходят набитые, как рождественский индюк. У некоторых ума совсем нет.

— Это верно. Так оно и есть.

— Угу. О'кей, сынок, сожми-ка кулак покрепче, пока я ввожу иглу.

Я сжал кулак, и все вокруг поплыло и затуманилось. Вдруг я вспомнил что-то и попытался сесть.

— А где Пит? Я хочу видеть Пита!

Белла положила мне руку на лоб и поцеловала.

— Ну-ну, братишко! Ты же помнишь: Пит не может прийти. Питу пришлось остаться с Рики.

Я успокоился, а она сказала окружающим:

— У нашего брата Питера дома — больная дочка.

Я стал погружаться в сон. Потом мне стало очень холодно. Но я никак не мог пошевелиться, чтобы натянуть на себя одеяло.

5

Я пожаловался бармену на кондиционер — он был включен слишком сильно, и мы все могли простудиться.

— Ничего страшного,— ответил тот,— во сне вы этого не почувствуете. Сон... сон... вечерняя услада... прекрасный сон...— У него было лицо Беллы.

— А можно выпить чего-нибудь горяченького? — спрашивал я.— «Том-и-Джерри»? Или горячей молочной булочки с маслом и медом?

— Сам ты болтун! — отвечал мне доктор.— Ишь разоспался! Гоните-ка прочь этого болтуна!

Я попытался зацепиться ногами за медный поручень, чтобы они меня не выкинули. Но в этом баре, оказывается, не было медного поручня — смешно, правда? — и я уже лежу на спине (это было ещё смешнее): наверное, они так обслуживают безногих. У меня не было ног, как же я мог ухватиться ими за медный поручень? И рук тоже. Мам, глянь, а у меня рук нет! Пит сидел у меня на груди и выл.

Я опять попал в армию, в учебный взвод... Должно быть, учёба шла к концу — я был в Кемп-Хейл и выполнял одно дурацкое упражнение, во время которого солдату за шиворот сыплют снег, чтобы сделать из него настоящего мужчину. Я должен был влезть на самую высокую гору во всем чёртовом Колорадо, кругом лед, а у меня нет ног. А я ещё вдобавок тащил самый большой рюкзак на свете: я вспомнил, что это они решили проверить, годятся ли солдаты вместо вычных мулов, и выбрали меня — всё равно пропадать, так что не жалко. И я бы не справился, если бы не Рики — она лезла сзади и толкала меня в спину.

Старший сержант впереди обернулся, и у него было лицо точь-в-точь как у Беллы, только пунцовое от ярости.

— Эй, ты, а ну пошел! Мне тебя ждать некогда. Дойдёшь ты или нет, мне наплевать... но, пока не дойдёшь, спать не дам!

Пропавшие куда-то ноги не желали тащить меня вперёд, дальше, и я упал в снег. Ледяное тепло окутalo меня, и я начал засыпать, хотя малышка Рики плакала и просила меня: «Не спи!». А я никак не мог...

Я проснулся в постели, рядом с Беллой. Она тряслася меня за плечо, приговаривая: «Дэн, проснись! Не могу же я ждать тебя тридцать лет. Девушка должна подумать о своем будущем». Я хотел протянуть руку, достать из-под кровати и отдать ей припрятанные там мешочки с золотом, но она уже исчезла... да к тому же какая-то «Золушка»

с лицом Беллы уже подобрала с пола всё золото, сложила его на лоток на верхней крышке и укатила вон из комнаты. Я хотел её догнать, но оказалось, что у меня нет ни ног, ни тела. Послышалась песенка: «Если тела не иметь, можно песни громко петь...» Весь мир состоял из одних старших сержантов и работы... Так не всё ли равно, где работать и как? Я опять взвалил на себя рюкзак и полез вверх по ледяному склону. Склон был весь белый, совершенно гладкий, и если только я доберусь до розовой вершины, то меня оставят в покое и дадут поспать... Но до вершины я так и не смог доползти: ни ног, ни рук, ничего...

На горе бушевал лесной пожар. Снег не таял, но я чувствовал, карабкаясь в гору, как до меня долетают волны горячего воздуха. Надо мной наклонился старший сержант, повторяя: проснись... проснись... проснись...

Но едва он разбудил меня, как сразу же приказал заснуть снова. Что было потом, помню смутно. Некоторое время я лежал на вибрирующем подо мною столе; кругом был яркий свет, змееподобные — все в шлангах и трубках — аппараты и полно народу. Когда же я проснулся окончательно, то оказалось, что я лежу на больничной койке и чувствую себя совершенно нормально. Вот только в теле была какая-то лёгкость, как после турецкой бани. У меня снова были руки и ноги. Но никто не желал со мной разговаривать, а когда я пытался о чём-нибудь спросить медсестру, она тотчас же совала мне в рот очередную таблетку. Очень часто мне делали массаж.

А потом однажды утром я проснулся в отличном состоянии и сразу же встал. У меня слегка закружилась голова, но и только. Я знал, кто я такой, как я попал сюда и что всё, что я видел раньше, — только сновидения.

Я вспомнил, кто упрятал меня сюда. Если Белла и приказала мне забыть её заклинания, когда я был под воздействием зомбина, то либо она что-то не так наколдовала,

либо за тридцать лет холодного сна внущение её изрядно повыветрилось. Некоторые детали ещё не обрели четкость, но я уже представлял в общих чертах, как им удалось заманить меня в ловушку.

Особой злости я не испытывал. Конечно, случилось это всё вроде как вчера: ведь вчера — это день, который на один сон раньше, чем сегодня. Вот только сон оказался длиною в тридцать лет. Это ощущение трудно описать: оно очень субъективно. Но хотя я четко помнил «вчерашние» события, эмоционально они казались очень далекими. Вам наверняка приходилось видеть наложение двух изображений в спортивных телерепортажах: футболист уже бежит к воротам противника, а мы ещё видим его застывшее изображение в тот момент, когда он вбрасывал мяч из-за боковой почти минуту назад: вот он весь вытянулся струной, подался вперёд, вслед за мячом... Со мною было что-то наподобие этого: в сознании всё близко и крупным планом, а эмоциональная реакция — как на события очень давние и далёкие.

Я всерьёз собирался отыскать Майлса и Беллу и сделать из них кошачье мясо, но не торопился. На будущий год тоже не поздно. Сейчас я больше хотел взглянуть, каков он — год двухтысячный.

Кстати, о кошачьем мясе — а где Пит? Он же должен быть где-то поблизости, если только не умер, бедняга, во время холодного сна.

Тут — и только тут! — я вспомнил, что мои тщательно разработанные планы прихватить Пита с собой были безжалостно нарушены.

Я мысленно снял Майлса и Беллу с полки с надписью «отложенные дела» и переложил на полку «срочные дела». Они же пытались убить моего кота!

Нет. То, что они сделали, — это хуже, чем убить. Они выгнали его на улицу, чтобы он одичал, и, отощав, слонялся по задворкам в поисках объедков, утрачивая остатки веры в этих двуногих...

Они бросили его умирать (а он наверняка уже умер) с мыслью о том, что это я его предал.

Ну, за это они мне тоже заплатят. Если они ещё живы. Ох, как н е в ы р а з и м о я хотел, чтобы они были живы!

Оказалось, я стою возле кровати в одной пижаме, цепляясь за спинку, чтобы не упасть. Я огляделся вокруг в поисках кнопки — чего-нибудь для вызова кого-нибудь. Больничные палаты не слишком изменились. Окна не было, и было непонятно, откуда льётся свет. Как и все больничные койки, что мне доводилось видеть, моя кровать была высокая и узкая, однако видно было, что над нею изрядно потрудились конструкторы, превратив в нечто большее, чем просто место для сна: среди прочих приспособлений я увидел трубу снизу — наверное, что-то вроде механизированного подкладного судна. А столик сбоку оказался частью самой кровати. Но если раньше я обязательно проявил бы пристальный интерес ко всей этой технике, то сейчас я хотел найти только грушевидный выключатель, нажав на который, можно вызвать медсестру, чтобы принесла мне одежду.

Я не нашел его, но обнаружил то, во что он трансформировался: сенсорный выключатель на поверхности бокового столика. Оказалось, что это не просто столик: я случайно коснулся выключателя рукой, и на молочно-белой панели на стене, рядом с тем местом, где была бы моя голова, будь я в постели, загорелись слова «ВЫЗОВ ПЕРСОНАЛА». Почти тотчас же погасли, сменившись словами: «ПОДОЖДИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА».

Скоро дверь отъехала в сторону и вошла медсестра. Сестры тоже изменились не сильно. У этой были знакомые решительные замашки сержанта учебной команды, высокая шапочка на розово-сиреневых, цвета тропических орхидей, волосах и белый халат. Покрой халата был необычный — там открыто, тут прикрыто, совсем не так, как в 1970-м,— но ведь женская одежда, даже рабочая, только и делает,

что меняется. Однако её манера позволяла безошибочно определить в ней медсестру независимо от того, какой это год.

— Ну-ка, марш обратно в кровать!

— А где моя одежда?

— Ложитесь в кровать. Ну?!

Я попробовал её урезонить:

— Послушайте, сестра, я свободный гражданин, а не преступник, и мне уже исполнился двадцать один год. Мне не надо в кровать, и я не собираюсь в неё ложиться. Так что, покажете вы мне, где лежит моя одежда, или мне придется выйти в чём есть и поискать самому?

Она поглядела на меня, потом резко повернулась и выбежала. Дверь скользнула в сторону, уступая ей дорогу.

Но меня дверь не пропустила. Я всё ещё пытался разобраться, как эта штука действует (резонно полагая, что если один инженер сумел это придумать, то другой сумеет понять, как это устроено), когда дверь опять открылась и в проёме возник человек.

— Доброе утро,— сказал он.— Я доктор Альбрехт.

Одежда его представляла собой нечто среднее между тем, что носят в Гарлеме по воскресеньям, и тем, что надевают, отправляясь на пикник. Но резкие, решительные манеры и усталые глаза были настолько убедительно-профессиональны, что я поверил ему.

— Здравствуйте, доктор. Я хотел бы одеться.

Он вошёл ещё на шаг, чтобы дверь за ним закрылась, и вынул из кармана пачку сигарет. Достав одну, он взмахнул ею в воздухе, сунул её в рот и затянулся: она оказалась зажжённой! Он протянул пачку мне.

— Берите, не стесняйтесь.

— Хм... Нет, спасибо.

— Да берите — это вам не повредит.

Я покачал головой. Когда я работал, в пепельнице возле меня всегда дымилась сигарета. О продвижении в работе можно было судить по переполненной пепельнице и «ожо-

гах» на кульмане в тех местах, где я тушил окурки. Сейчас от запаха дыма у меня закружилась голова, и я подумал: а вдруг я бросил курить, пока спал?

— Спасибо, доктор.

— О'кей. Мистер Дэвис, я работаю здесь шесть лет. Я специалист в области гипнозии, реаниматологии и родственных специальностей. Здесь — и в других местах — я участвовал в возвращении восьмисот семидесяти трех пациентов из гипотермии к нормальной жизни. Вы — номер восемьсот семьдесят четыре. Я наблюдал, как разбуженные вытворяют разного рода чудеса — чудеса для обывателя, не для меня. Некоторые из них опять хотят уснуть и орут на меня, когда я бужу их. Некоторые и правда засыпают вновь, и нам приходится переводить их в другого рода заведение. Некоторые начинают рыдать и рыдают без конца, когда до них доходит, что у них был билет в один конец и что нельзя вернуться домой, в тот год, из которого они стартовали. А некоторые, вроде вас, требуют одежду и рвутся на улицу.

— Ну, а почему бы, собственно, и нет? Я что, заключенный?

— Нет. Одежду вам принесут. Она немного вышла из моды, но это — ваша проблема. Я сейчас пошлю за ней, а пока её принесут, если позволите, я хотел бы услышать, что это у вас за такое страшно срочное дело, что вам необходимо заняться им сию минуту — это после того, как это дело ждало тридцать лет? А именно столько вы пролежали в анабиозе — тридцать лет. Это что, действительно настолько срочно? Или может подождать и до завтра? Или даже до послезавтра?..

Я уже чуть не выпалил, что это чертовски срочно, но остановился и по-овечьи беспомощно взглянул на него.

— Может, и впрямь не настолько...

— Тогда сделайте одолжение — ложитесь в кровать. Я должен вас осмотреть, накормить завтраком и, если позвольте, побеседовать с вами перед тем, как вы кинетесь гало-

пом во все стороны. Возможно, я даже сумею подсказать вам, в каком направлении лучше скакать.

— О'кей, доктор. Извините за эту суматоху.

Я влез в постель и понял, как это хорошо: я внезапно почувствовал слабость и усталость.

— Ничего. Видели бы вы, какие типы бывают среди наших клиентов... Некоторых приходится буквально стаскивать с потолка.— Он поправил у меня на плече одеяло, наклонился к встроенному в кровать боковому столику.— Доктор Альбрехт из семнадцатой палаты. Пришлите санитара с завтраком. Меню «четыре-плюс».

Он повернулся ко мне и сказал:

— Перевернитесь на живот и поднимите пижаму: мне надо добраться до ваших рёбер. А пока я вас осматриваю, можете задавать вопросы. Если хотите.

Пока он тыкал мне в рёбра, я задумался. Наверное, это был стетоскоп, хотя он и был похож на миниатюрный слуховой рожок. Но одно в нём явно не улучшилось: кружок, которым он дотрагивался до меня, был всё такой же холодный и жёсткий...

Ну что можно спросить, прослав тридцать лет... Достигли ли они звезд? Кто теперь ведет «Войну За Искоренение Войн»? Научились ли выращивать детей в колбе?

— Доктор, а в кинотеатрах, в фойе, по-прежнему стоят автоматы, делающие воздушную кукурузу?

— Когда я был там прошлый раз, стояли. У меня мало времени для такого рода времяпрепровождения. Кстати, кино теперь называется «завлекино».

— Да? Почему?

— Сходите — узнаете. Только не забудьте пристегнуть ремень в кресле: во время некоторых кадров включается антигравитация во всем зале. Видите ли, мистер Дэвис, мы настолько часто сталкиваемся с этой проблемой, что уже смотрим на нее как на нечто рутинное. У нас есть адаптационные словарики для каждого года Погружения в Сон, справочники-резюме по истории и культуре. Это — вещи

необходимые, потому что, как бы мы ни старались уменьшить потрясение, синдром потери ориентации бывает очень тяжелым.

— Хм, наверное, так.

— Решительно так. Особенno при больших интервалах, как у вас. Тридцать лет как-никак.

— А что, тридцать лет — это максимум?

— И да и нет. Первый коммерческий клиент был помешён в анабиоз в декабре 1965 года, так что максимальный срок, с которым мы сталкивались, — тридцать пять лет. Но у меня вы — самый длительный случай. Однако у нас тут есть клиенты с контрактами длиной в сто пятьдесят лет. Вас вот принимать на такой долгий срок — тридцать лет — не следовало. Просто тогда ещё знали недостаточно. Вы крепко рисковали. Вам повезло.

— Серьёзно?

— Да. Можете повернуться на спину. — Он стал смотреть меня дальше, добавив: — Но с нашими нынешними познаниями я бы взялся подготовить человека и к тысячелетнему скачку, если бы это было ему по карману. С годик я бы поддержал его при той температуре, при которой хранили вас, просто для проверки, а потом резко — в течение одной миллисекунды — заморозил бы его до минус двухсот. И он бы уцелел. Я думаю. Давайте проверим рефлексы.

Доктор Альбрехт продолжил:

— Сядьте и положите ногу на ногу. Со словарём у вас особых проблем не будет. Я, правда, старался говорить с вами на языке, близком к 1970-му, — это предмет моей гордости. Я могу с каждым из своих пациентов говорить, подбирая словарный запас в соответствии с годом его Погружения. Я прошёл гипнокурс по языку. Но вы прекрасно будете говорить на современном через неделю. Это лишь вопрос расширения вашего словаря.

Я хотел сказать ему, что минимум четырежды он употребил слова, которых в моё время не было, но решил, что это будет невежливо.

— Ну, вроде всё пока,— наконец сказал он.— Кстати, с вами хотела связаться миссис Шульц.

— Кто?

— Разве вы её не знаете? Она уверяла, что она — ваш старый друг.

— Шульц...— повторил я.— Мне кажется, в свое время я знал несколько миссис Шульц, но единственная, кого я помню,— моя классная руководительница, когда я учился в четвёртом классе. Но её, должно быть, нет в живых.

— Может, она тоже спала. Ну, если хотите, можете принять её послание. Я подпишу вам пропуск на выход. Но если вы достаточно умны, то задержитесь здесь на несколько дней для переориентации. Я ещё к вам загляну. Ну, с богом, как говаривали в ваши дни. А вот и санитар с завтраком.

Я решил, что доктор он явно лучший, чем лингвист. Но я и думать об этом забыл, когда увидел санитара. Он вкатился, аккуратно обогнув идущего к двери доктора Альбрехта,— тот не обратил на него никакого внимания и даже не подумал уступить дорогу.

Он подъехал к кровати, откинул и закрепил передо мною столик, расставил на нём мой завтрак и спросил:

— Налить вам кофе, сэр?

— Да, пожалуйста.— Мне это было совершенно не нужно — наоборот, я хотел, чтобы кофе остался горячим до конца завтрака. Но мне так захотелось посмотреть, как он это сделает... Потому что я был совершенно ошеломлён: это была наша «Салли»!

Не та, первая, кустарно слепанная модель, которую украли у меня Белла с Майлсом,— конечно же, нет. Эта машина напоминала «Салли» не больше, чем гоночная машина с авиационным двигателем — первые «безлошадные повозки». Но человек может узнать свою работу. Я заложил основы, а это был продукт эволюции, внучка нашей «Салли» — улучшенная, усовершенствованная, отшлифованная, но — одной крови.

— Это всё, сэр?

— Подождите минутку.

Наверное, я сказал что-то не то, потому что автомат пошарил у себя внутри и, вытащив жёсткую пластиковую карточку, протянул её мне. К автомату карточка была прикреплена тонкой стальной цепочкой. Я взглянул на неё; там было написано следующее:

ТРУДЯГА ТЕДДИ мод. 17а С РЕЧЕВЫМ УПРАВЛЕНИЕМ.

ВНИМАНИЕ! Этот обслуживающий автомат **НЕ ПОНИМАЕТ** человеческую речь. Он вообще ничего не понимает — это просто машина. Однако для Вашего удобства в нем имеется устройство, реагирующее на определённые устные распоряжения. Всё остальное, произносимое в его присутствии, он игнорирует либо, если какая-то команда выйдет за пределы возможностей автомата, предложит Вам инструкцию. Прочтите её внимательно, пожалуйста.

С благодарностью,

инженерно-конструкторская корпорация

«АЛАДДИН» — изготовитель «ТРУДЯГИ ТЕДДИ»,

«ЧЕРТЕЖНИКА ДЭНА», «СТРОИТЕЛЯ СТЭНА»

«НЯНЮШКИ», разработчики бытовых машин

и консультанты по проблемам автоматизации.

«К Вашим услугам!»

Последние строчки шли поверх их товарного знака — изображения Алладина, трущего лампу, и появляющегося джинна.

Ниже шел длинный перечень простых команд: СТОЙ, ИДИ, ДА, НЕТ, БЫСТРЕЕ, МЕДЛЕННЕЕ, ПОДОЙДИ КО МНЕ, ПОЗОВИ МЕДСЕСТРУ и т. д. Потом шел перечень заданий, характерных для больниц, например ПОМАССИРУЙ СПИНУ; но о некоторых процедурах, входивших в этот раздел, я и не слыхивал. Перечень внезапно обрывался словами: «Процедуры 87-242 могут назначать только работники больниц, поэтому соответствующие команды в данном перечне не приводятся».

Моя «Салли» не управлялась голосом — приходилось нажимать кнопки на пульте управления. Я, конечно, подумывал о том, как это сделать. Но анализатор голоса

обошёлся бы дороже, чем вся «Салли», да и размеры были бы... Я понял, что мне придется немало поучиться миниатюризации, прежде чем я смогу работать здесь инженером. Но мне уже не терпелось — судя по «Трудяге Тедди», заниматься этим должно было быть очень интересно: масса новых возможностей. Инженерная деятельность — искусство для людей практических, и тут всё зависит не столько от данного инженера, сколько от общего уровня техники. Скажем, железнодорожным транспортом можно заниматься только тогда, когда наступает время железных дорог, и не раньше того. Вспомните профессора Лэнгли: бедняга корпел над летательным аппаратом, и тот полетел бы — столько таланта было в него вложено,— но другие изобретения, необходимые для этого, ещё не подоспели. Или возьмите, к примеру, великого Леонардо да Винчи, опередившего своё время настолько, что самые блестящие из его проектов было абсолютно невозможно воплотить.

Да, здесь — в смысле «теперь» — мне скучать не придётся.

Я вернул карточку-инструкцию, вылез из постели и глянул на заводскую табличку. Я почти был уверен, что увижу внизу слова «Золушка Инк.», и подумал, что «Аладдин», наверное,— дочерняя корпорация «Манникс». Но данных на пластинке оказалось немного: заводской номер, модель, название фабрики и всё такое. Однако там были ещё номера патентов — около сорока, и к моему вящему изумлению, первый из них был датирован 1970 годом! Почти наверняка эта штука была основана на моих чертежах и исходной модели.

Я нашёл на столе карандаш и листок бумаги и переписал номер того, первого патента, просто из чистого любопытства. Даже если патент был у меня украден (а я был уверен, что это так), то срок его действия закончился в 1987-м (если не изменились законы о патентах), и только патенты, выданные после 1983-го, были ещё действительны. Но мне просто хотелось узнать.

На панели автомата замигала лампочка, и он объявил:
— Меня вызывают. Я могу идти?

— Что? А, ну конечно. Катись.— Он опять полез за карточкой с командами, и я поспешил сказать:— ИДИ!

— Спасибо! До свидания! — Он обхекал меня и покатил к двери.

— Тебе спасибо!

— Пожалуйста! — У диктора, озвучившего ответы автомата, был очень приятный баритон.

Я опять лег и занялся завтраком, который к этому времени должен был бы остывть. Оказалось, что не остыл. Завтрак «четыре-плюс» был, видимо, рассчитан на лилипута, но я неожиданно наелся. Наверное, мой желудок уменьшился. Только кончив есть, я сообразил, что поел в первый раз за тридцать лет. Я подумал об этом, заглянув в приложенное меню: то, что я принял за ветчину, значилось как «масса дрожжевая жареная, соломкой, по-домашнему».

Но, несмотря на тридцатилетний «пост», мысли мои были заняты не едой. С завтраком принесли газету: это была «Грейт Лос-Анджелес Таймс» за среду, 13 декабря 2000 года.

По формату газеты остались прежними. Правда, бумага была глянцевая, а иллюстрации либо цветные, либо чёрно-белые, но стереоскопические. Как это было сделано, я не понял. Ещё когда я был мальчишкой, уже существовали стереокартинки, которые можно было рассматривать без приспособлений-стереоскопов. Мне больше всего нравились те, что рекламировали мороженые продукты в пятидесятые годы. Но у тех растровые решётки были сделаны из толстой прозрачной пластмассы, а эти были на простой тонкой бумаге. Но объёмность у них была!

Я сдался и стал читать. «Тедди» положил газету на подставку, и я было решил, что дальше первой страницы почитать не удастся. Я никак не мог разобраться, как же перевернуть страницу: чёртовы листы будто слиплись!

В конце концов я случайно коснулся нижнего правого

угла первой страницы. Она свернулась и перелистнулась сама. Наверное, прикосновение к этой точке вызывало срабатывание какого-то поверхностно-активного механизма. Следующие страницы аккуратно перелистывались одна за другой, стоило только прикоснуться к этому месту.

Чуть ли не половина газеты была настолько обычно-узнаваемой, что я почувствовал приступ ностальгии: «Ваш гороскоп на сегодня», «Мэр открывает новое водохранилище», «Требования службы безопасности ограничивают свободу прессы, заявил Н. И. Солон», «Гиганты берут разбег», «Необычная жара срывает планы лыжников», «Пакистан заявил протест Индии», и т. д. и т. п. Вот куда я попал...

Кое-какие темы были новыми, но из подзаголовков всё становилось ясно: **«СТАРТ КОСМИЧЕСКОГО КОРАБЛЯ К СОЗВЕЗДИЮ БЛИЗНЕЦОВ ОТКЛАДЫВАЕТСЯ. Станция получила две пробоины. Жертв нет»;** **«ЧЕТВЕРО БЕЛЫХ СТАЛИ ЖЕРТВАМИ СУДА ЛИНЧА В КЕЙПТАУНЕ. Требуется вмешательство ООН»;** **«ЖЕНЩИНЫ-ПРЕЕМНИЦЫ БОРЮТСЯ ЗА ПОВЫШЕНИЕ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ. Требование объявить «любительство» вне закона»;** **«ПЛАНТАТОР С МИССИСИПИ АРЕСТОВАН ЗА ПРИМЕНЕНИЕ ЗОМБИНА. В свое оправдание он заявил: «энти ребята не под зомбионом — они просто дураки...».**

Насчет последнего я сумел убедиться на собственном опыте.

Некоторые сообщения были совершенно непонятны. Какие-то «вогли» продолжали распространяться, и пришлось эвакуировать ещё три французских города. Король рассматривает вопрос об обработке территории порошком. Ну, политика во Франции могла зайти куда угодно: король так король. Но вот что это был за «порошок», который они собирались применять для борьбы с этими непонятными «воглями»? Может, радиоактивный? Надеюсь, они выберут

безветренный день. Лучше всего тридцатое февраля. Я однажды схватил дозу радиации из-за ошибки одного техника в Сандии. До той стадии лучевой болезни, когда начинается неукротимая рвота, дело не дошло, но ощущения были — врагу не пожелаешь.

Отделение лос-анджелесской полиции в Лагуна-Бич вооружили спирометами, и командир отделения велел стилям убираться из города. «Мои люди получили приказ: сперва спирять, а потом уж разгрумляться. Пора с этим покончить!» Я не был уверен, хочу ли я, чтобы со мной разгрумлялись — или меня разгрумляли? — даже «потом», и поэтому решил, что буду держаться подальше от Лагуна-Бич до тех пор, пока не узнаю, какой у них счет.

Это просто для примера. Таких сообщений было пруд пруди. Начинаешь читать — вроде понятно, а чем дальше — тем загадочней.

Я хотел пропустить мелкие частные сообщения, но тут мой взгляд наткнулся на новые подзаголовки. Были и старые, знакомые: кто умер, кто родился, сообщения о свадьбах и разводах, но ещё появились «погружения» и «пробуждения», с указанием хранилищ. Я поискал Объед. Хран. Соутелл и нашёл своё имя, чувствуя тепло на душе. Обо мне вспомнили. Я был свой.

Самое интересное в газете было в объявлениях. Одно меня просто поразило: «Привлекательная, хорошо сохранившаяся вдова, любящая путешествовать, хотела бы встретить зреального мужчину со сходными наклонностями с целью заключения двухгодичного брачного контракта». Но вконец достал меня раздел иллюстрированной рекламы.

«Золушка», её тётки, сёстры и племянницы занимали целую полосу, и на картинках по-прежнему стоял наш товарный знак — тоненькая девушка с метлой, — который я придумал когда-то для нашего фирменного бланка. Я пожалел, что так поспешил отправить свои акции «Золушки Инк.»: похоже, сейчас они стоили бы больше, чем все остальные ценные бумаги, которые я купил. Нет, всё правильно:

оставь я их при себе, эти двое завладели бы ими и подделали бы передаточную надпись на своё имя. А так они достались Рики, и если Рики стала богатой, то это только справедливо.

Я подумал, что надо первым делом разыскать Рики, и мысленно сделал пометку «очень срочно». На всем свете у меня осталась только она — не мудрено, что для меня это было так важно. Рики, милая! Эх, будь ей лет на десять побольше, я бы и не взглянул на Беллу... и не обжёгся бы так.

Так-так, а сколько же ей сейчас? Сорок. Нет, сорок один. Трудно представить себе Рики сорокалетней. Хотя теперь для женщины сорок, наверное, — не старость. Да и в наше время тоже с десяти метров не разберёшь — сорок ей или двадцать.

Если она богата, пусть выставит мне выпивку: выпьем за упокой кристальной души нашего дорогого Пита.

Ну, а если что-то не удалось, и она окажется бедной, несмотря на те акции, что я перевёл тогда на её имя, тогда — тогда, чёрт меня побери, я женюсь на ней! Да, женюсь. И не важно, что она лет на десять старше меня. Учитывая, что я всегда славился своим ротозейством и расхлябанностью, мне просто необходим кто-то старший — приглядывать за мной, вовремя говорить «нет», да мало ли... Тут Рики, пожалуй, самый подходящий человек: она и десятилетней девочкой рулила и Майлсом, и его домом очень серьёзно и довольно эффективно. В сорок лет она, я думаю, осталась такой же, только стала мягче.

На душе у меня сделалось совсем тепло — я уже не чувствовал себя одиноко, как человек, затерявшийся в чужой стране. Ведь у меня был ответ на все вопросы: Рики.

Тут я услышал внутренний голос: «Дурень, ты не сумеешь жениться на Рики: такая девушка (а она наверняка должна была стать такой девушкой) наверняка замужем уже лет двадцать. У нее, поди, четверо детей; может,

сын уже повыше тебя ростом. И, безусловно, муж, которому вряд ли придётся по душе твое появление в роли «доброго старого дяди Дэнни».

Я выслушал это, и у меня отвисла челюсть. Потом я сказал уныло: «Ладно, ладно. Этот поезд тоже ушёл. И всё же я её поищу. Ничего худого мне за это не сделают. Ну, разве что пристрелят. Но ведь она единственный человек, по-настоящему понимавший Пита...»

Осознав, что потерял не только Пита, но и Рики, я хмуро перевернул страницу. Вскоре я заснул над газетой и проспал до тех пор, пока мой (или не мой?) «Тедди» привёз мне обед.

Мне приснилось, что Рики держит меня на коленях и говорит: «Ну вот, Дэнни, всё в порядке. Я нашла Пита, и теперь мы оба с тобой. Правда, Пит?» — «Мя-а-а-у...»

Словарь мой быстро расширялся: я много читал по истории. За тридцать лет может произойти уйма всякой всячины, но зачем я буду излагать это всё — ведь каждому из вас всё это известно лучше, чем мне. Меня не удивило, что Великая Азиатская Республика потеснила наши товары на южноамериканском рынке: это начиналось ещё при мне. Не очень я удивился и от того, что Индия заметно «балканизировалась». Узнав, что Англия теперь — провинция Канады, я на минутку отложил книгу, чтобы переварить прочитанное: где тут лошадь и где телега? Я пропустил детали описания паники 1987 года: золото — хороший технический материал для некоторых целей, и я отнюдь не расценивал как трагедию то обстоятельство, что теперь оно дёшево и перестало быть основой денежной системы, невзирая на то, что столько народу осталось без штанов при этой финансовой перестройке.

Я снова отложил книгу и стал размышлять о вещах, которые можно сделать при наличии дешёвого золота, с его высокой плотностью, хорошей проводимостью, отлич-

ной ковкостью... и остановился, поняв, что сперва придётся почитать техническую литературу. Чёрт, да в одной только атомной технике золото будет незаменимо. Оно обрабатывается лучше любого другого металла. Вот если применить его для миниатюризации... Я опять остановился, сообразив, что у «Тедди» голова наверняка битком набита золотом. Да, придётся заняться тем, что разведать: что там наш брат инженер напридумывал за это время?

Технической библиотеки в Хранилище Соутелл не было, и я сказал доктору Альбрехту, что готов к выписке. Он пожал плечами, обозвал меня идиотом и разрешил. Но я задержался ещё на одну ночь, так как плохо себя чувствовал. Наверное, я потерял форму, потому что долго валялся в постели без упражнений, глядя, как бегут строчки в книжочитальном аппарате.

Наутро, сразу после завтрака, мне принесли современную одежду. Чтобы одеться, мне потребовалась помощь. В одежде не было ничего необычного (хотя мне и не доводилось носить расклешённых светло-вишнёвых брюк), но без предварительного инструктажа я не смог справиться с застёжками. Наверное, у моего деда были бы такие же трудности с брюками на молнии, если бы жизнь не приучила его к пользованию молнией постепенно. А всё эти замки «стиктайт»: я думал, что придётся нанять мальчика, чтобы водил меня в туалет, но потом до меня дошло, что эти «липучки» имеют осевую поляризацию.

Тут я чуть не потерял штаны, пытаясь ослабить пояс. Но никто не стал надо мной смеяться. Доктор Альбрехт спросил:

— Что вы намерены предпринять?

— Я? Во-первых, раздобуду карту города. Потом найду место, где остановиться на ночь. А затем, наверное, буду целый год только читать специальную литературу. Док, я — ископаемый инженер. Но я не желаю оставаться таким.

— Хм-хм, ну что же, желаю удачи. Если я понадоблюсь, звоните, не стесняйтесь.

Я протянул ему руку:

— Спасибо, док. Вы отличный парень. Хм, возможно, мне надо сперва поинтересоваться в бухгалтерии моей страховой компании, насколько хороши мои дела, но я не хотел бы, чтобы моя благодарность исчерпывалась словами. За то, что вы для меня сделали, она должна быть более осязаемой. Вы меня понимаете?

Он покачал головой:

— Я ценю вашу благодарность. Но все мои гонорары исчерпываются моим контрактом с Хранилищем.

— Но...

— Нет. Я не могу принять это, так что, прошу вас, не стоит и обсуждать.— Он пожал мне руку и сказал:— До свидания! Если встанете на эту ленту, то попадёте как раз к главному оффису.— Он помедлил.— Если новая жизнь на первых порах окажется утомительной, то вы имеете право провести у нас ещё четверо суток на отдыхе и переориентации, без дополнительной платы, — это входит в условия вашего контракта и вами уже оплачено. Так что можете воспользоваться. Приходить и уходить можно в любое время.

Я улыбнулся.

— Спасибо, док. Можете держать пари, что если я и вернусь к вам когда-нибудь, то только для того, чтобы повидаться с вами.

Я сошёл с ленты возле управления и сообщил автоматическому секретарю у входа, кто я такой. Он вручил мне конверт — это оказалось ещё одно послание от миссис Шульц. Я так и не позвонил ей: я не знал, кто она такая, а по правилам Хранилища проснувшийся клиент был огражден от посетителей и звонков до тех пор, пока сам не разрешит принимать их. Я просто глянул на конверт и сунул его в карман, подумав при этом, что, наверное, я перестарался, сделав «Салли» слишком универсальной: секретарши всё-таки должны быть хорошенными девушками, а не роботами.

Автоматический секретарь сказал:

— Пройдите сюда, пожалуйста. С вами хочет побеседовать наш казначей.

Ну, я тоже не прочь был его увидеть, так что я пошёл в указанном направлении. Мне было очень интересно, сколько у меня теперь денег. Вне всякого сомнения, акции мои упали во время Паники-87, но теперь они, должно быть, опять поднялись. Я уже прочел финансовый раздел «Таймс» и знал, что как минимум два пакета стоят сейчас кучу денег. Я даже сохранил газету в расчёте, что, возможно, захочу посмотреть и котировку других акций.

Казначей оказался живым человеком, хотя и выглядел сущим казначеем. Рукопожатие у него было кратким.

— Здравствуйте, мистер Дэвис. Садитесь, пожалуйста. Я — мистер Доути.

Я сказал:

— Здрасте, мистер Доути. Я, собственно, не собирался у вас рассиживаться. Вы мне только скажите: моя страховая компания ведёт свои дела через вас? Или мне придется ехать к ним?

— Присядьте, пожалуйста. Я должен вам кое-что объяснить.

Я сел. Помощник (опять добрая старая «Салли») принёс ему папку, и он сказал:

— Вот ваши контракты. Хотите взглянуть?

Я очень хотел взглянуть: я очень боялся, что Белла сумела придумать, как поживиться удостоверенным чеком. Проделывать такие фокусы с удостоверенными чеками гораздо сложнее, чем с именными, но Белла была ловкая девушка.

Я с облегчением обнаружил, что все мои платёжные поручения остались нетронутыми. Исчез только отдельный контракт на Пита и поручение-распоряжение относительно моих акций «Золушки Инк.». Наверное, она их просто скрыла, чтобы избежать нежелательных вопросов. Я внимательно исследовал ещё с десяток мест в документах,

где она исправила «Мьючел Эшшуранс Компани» на «Мастер Иншуранс Компани оф Калифорния».

Да, работала наша девчонка артистически, спору нет. Наверное, эксперт-криминалист, вооруженный микроскопом, стереолупой, разными реактивами и прочим, смог бы доказать, что в каждый из этих документов вносились изменения; я не смог бы. Мне было интересно, как она справилась с надписью на обороте удостоверенного чека: ведь их печатают на специальной бумаге, якобы исключающей подчистки. Ну, она тоже пользовалась не школьным ластиком. Что один человек может придумать, то другой сможет перехитрить. А Белла была очень хитра.

Мистер Доути кашлянул. Я оторвался от бумаг.

— Мы можем урегулировать вопрос о моих сбережениях здесь?

— Да.

— Тогда меня интересует только одно: сколько?

— Хмм... Мистер Дэвис, прежде чем мы углубимся в этот вопрос, я бы хотел обратить ваше внимание на один дополнительный документ и на одно обстоятельство. Это контракт между нашим Хранилищем и «Мастер Иншуранс оф Калифорния», предусматривающий ваше введение в анабиоз, хранение в условиях гипотермии и последующее возвращение к нормальному состоянию. Как вы, вероятно, заметили, полная стоимость наших услуг внесена авансом. Это сделано как для нашего спокойствия, так и для вашей защиты, поскольку гарантирует ваше благополучие, когда вы беспомощны. Эти деньги — и все аналогичные суммы — депонируются в отделение банка, контролируемого судебными органами, ведающими опекунством, и выплачиваются нам помесячно в течение всего срока пребывания у нас.

— Разумная предосторожность, на мой взгляд.

— Так оно и есть. Она защищает беспомощных. Теперь вы, должно быть, понимаете, что наше Хранилище — это совершенно отдельная от вашей страховой компании корпорация, а контракт на ваше пребывание у нас на хране-

ний — совершенно отдельный от контракта на распоряжение принадлежавшими вам ценностями.

— Мистер Доути, к чему вы клоните?

— Есть ли у вас иное имущество, кроме тех ценных бумаг, что вы доверили хранить «Мастер Иншуранс Компани»?

Я прикинул. Когда-то у меня была машина. Бог её знает, что с нею сталося. Текущий счет в Мохаве я закрыл, сняв с него все, что было, когда запил. А в тот бурный день, когда я попал к Майлсу и нарвался на зомбин, у меня было от силы долларов тридцать-сорок наличными. Книжки, шмотки, логарифмическая линейка — я никогда не был барахольщиком — и прочие пустяки наверняка пропали.

— Боюсь, что даже проездного билета на автобус не найдётся.

— Тогда — мне очень неприятно сообщать вам об этом — у вас вообще ничего нет.

Голова у меня закружилась, но я умудрился не упасть.

— Что вы хотите сказать? Как же так, ведь акции некоторых компаний, в которые я вложил деньги, стоят очень высоко.— Я протянул ему свой утренний номер «Таймс».

Он покачал головой.

— Мне очень жаль, мистер Дэвис, но у вас нет никаких акций. «Мастер Иншуранс» разорилась.

Хорошо, что он предложил мне сесть заранее: я почувствовал слабость.

— Как это случилось? Во время Паники?

— Нет-нет. Их банкротство было частью падения группы «Манникс». Но, естественно, вы про это не знаете. Это случилось уже после Паники, хотя можно сказать, что началось это именно с Паники. Но «Мастер Иншуранс» выдержала бы, если бы её систематически не грабили. Есть такое грубое слово — «доить». Вот её доили. Будь это просто управление через подставных лиц, что-нибудь удалось бы

сберечь. Но тут было другое. К тому времени, как дело открылось, от компании осталась только пустая скорлупа. А люди, совершившие всё это, сбежали и смогли избежать выдачи. Кхе-кхе, если это может служить для вас утешением, скажу, что при наших нынешних законах этого бы не случилось.

Нет, утешение в этом было слабое, да и не верю я в это. Мой старик утверждал, что чем сложнее законы, тем вольготнее мошенникам.

Но он же говаривал, что умный человек должен всегда быть готов расстаться со своим багажом. Интересно, подумал я, сколько раз нужно быть одураченным, чтобы сойти за умного?

— Э-э, мистер Доути, просто из любопытства: а как обошлась компания «Мьючел Эшшуранс»?

— «Мьючел Эшшуранс Компани»? Прекрасная фирма. Ну, во время Паники им тоже досталось, как и всем остальным. Но они выкарабкались. Вы и у них тоже застраховались?

— Нет.— Я не стал вдаваться в подробности — какой смысл? Рассчитывать на «Мьючел» не приходилось: я ведь не воспользовался своим контрактом с ними. Судиться с «Мастер Иншуранс» тоже бесполезно: что толку судиться с разорившимся трупом?

Вдруг я вспомнил, что Белла с Майлсом собирались продать «Золушку Инк.» группе «Манникс», когда выперли меня вон.

— Мистер Доути, а вы уверены, что у «Манникс» ничего нет? Разве они не владеют «Золушкой Инк.»?

— «Золушкой»? Вы имеете в виду фирму, выпускающую автоматические бытовые машины?

— Да, конечно.

— Мне кажется, это почти невозможно. То есть это попросту невозможно, поскольку группы «Манникс», как таковой, больше просто не существует. Я, конечно, не могу утверждать, что между корпорацией «Золушка» и типами

из «Манникс» никогда не существовало никакой связи. Но я не думаю, что это была серьезная связь, если таковая вообще была — я бы что-то знал об этом.

Я махнул на это дело рукой: если «Манникс», рухнув, подмяла Беллу и Майлса, это вполне меня устраивало. Но, с другой стороны, если «Манникс» владела «Золушкой Инк.» и «доила» её, то это ударило по Рики так же, как и по этим двум. А я не хотел, чтобы пострадала Рики, независимо от побочных эффектов.

Я поднялся.

— Ну что ж, мистер Доути... Спасибо за обстоятельные разъяснения. Я, пожалуй, пойду...

— Не уходите ещё минутку, мистер Дэвис. Наше заведение... мы чувствуем определенную ответственность за судьбы наших клиентов, выходящую за рамки наших с ними контрактов. Вы же понимаете, что вы — не первый, кто попал в подобное положение. Совет директоров предоставил в мое распоряжение определённую сумму денег, так сказать, фонд помощи, дабы я мог в подобных случаях несколько облегчить участь наших бывших подопечных. Эти...

— Мне не нужна благотворительность, мистер Доути. Но тем не менее спасибо.

— Это не благотворительность, мистер Дэвис. Это заём. Можете назвать его «рисковая ссуда». Наши потери по таким займам просто мизерны... а мы не хотели бы выпускать вас отсюда с пустыми карманами.

Я призадумался. Мне сейчас даже постричься было не на что. Но, с другой стороны, занимать деньги — всё равно что пытаться плыть, держа в каждой руке по кирпичу... А маленькую сумму, взятую в долг, отдать труднее, чем миллион.

— Мистер Доути,— сказал я медленно,— доктор Альбрехт сказал, что я могу занимать здесь койку и получать миску похлёбки ещё четыре дня.

— Я полагаю, это так; надо взглянуть в вашу карточку. Не подумайте, конечно, что мы можем вышвырнуть чело-

века за дверь, если он не готов к выписке, а оговорённое контрактом время вышло.

— Я так и не думал. Но сколько стоят в сутки комната, которую я занимал у вас, и питание?

— Но ведь мы не сдаём комнаты. И у нас тут не больница: мы просто создаём необходимые условия, чтобы наши клиенты, проснувшись, могли немножко прийти в себя.

— Да, конечно. Но сколько это стоит, вы должны знать — хотя бы для отчётов перед налоговым управлением.

— Ммм... и да и нет. Наши цены устанавливаются по-другому. Значит, так: амортизация; потом — содержание управлеченческого персонала, накладные расходы, диетическое питание, зарплата обслуживающего персонала... ну и так далее. Думаю, можно было бы подсчитать.

— Не трудитесь. Сколько стоят сейчас сутки в больнице, плюс питание?

— Это не совсем по моей части... но, я думаю, где-то около ста долларов в сутки.

— Мне причиталось четыре дня. Не могли бы вы ссудить мне четыреста долларов?

Вместо ответа он произнёс какой-то цифровой код, давая команду своему механическому помощнику, и мне в руки отсчитали восемь пятидесятидолларовых банкнот.

— Спасибо,— сказал я искренне, убирая их.— Сделаю всё, что будет в моих силах, чтобы этот долг не слишком долго за мною числился. Шесть процентов? Или деньги подорожали?

Он отрицательно покачал головой.

— Это не кредит. Раз вы решили насчет своих четырёх дней так, я уже распорядился, чтобы их считали израсходованными на это.

— Да? Послушайте, мистер Доути, я...— как бы это

сказать — я не хотел выкручивать вам руки. Разумеется, я эти деньги...

— Прошу вас, не стоит. Выдавая вам эти деньги, я приказал своему помощнику отметить, что они пошли на оплату вашего четырёхдневного пребывания у нас. Вы же не хотите, чтобы у наших ревизоров болела голова из-за несчастных четырёх сотен? Я собирался дать вам в долг гораздо больше.

— Ну что ж... Спорить не буду. Скажите, мистер Доути, это много? Какие сейчас цены?

— Ммм... Трудный вопрос.

— Ну, хотя бы чтобы иметь представление. Сколько стоит поесть?

— Пища стоит вполне умеренно. За десять долларов вы можете прилично пообедать... если не будете выбирать дорогие рестораны.

Я снова поблагодарил его и ушёл с очень тёплым чувством к этому человеку. Мистер Доути напомнил мне нашего казначея, когда я был в армии. Военные казначеи бывают двух видов: одни показывают вам, где написано, что вы не можете получить причитающегося вам, вторые роются в приказах и инструкциях до тех пор, пока не найдут подходящий параграф, чтобы заплатить вам то, что вам надо. Даже если вы этого не стоите.

Мистер Доути принадлежал ко второму виду.

Хранилище выходило фасадом на бульвар Уилшир. Перед входом были цветы, кустики, лавочки... Я присел на скамейку передохнуть и решить, куда податься: на восток или на запад. Перед мистером Доути я старался держаться орлом, но, честно говоря, я был просто потрясён, хотя у меня в кармане джинсов и трепыхалось достаточно, чтобы не голодать с недельку.

Однако солнышко грело, с автострады доносился приятный гул, я был молод (по крайней мере биологически), и у меня были две руки и голова. Насвистывая «Алли-луйя, вот и я», я развернул «Таймс» — поискать раздел

«Требуются на работу». Я устоял перед искушением заглянуть в раздел «Профессионалы (инженеры)» и стал искать «Неквалифицированные рабочие».

Этот раздел был чертовски мал: я едва нашёл его...

6

Я нашёл работу на другой день, в пятницу. Я успел также чуть-чуть вступить в конфликт с законом, а кроме того, несколько раз что-то сказать или сделать не так, как теперь принято. Оказывается, проходит переориентацию, читая соответствующие руководства и справочники,— это всё равно что изучать секс по книжкам.

Наверное, мне было бы в чём-то легче, если бы я обосновался где-нибудь в Омске, Сантьяго или Джакарте. В чужом городе и в чужой стране обычай #заведомо должны быть другими, чем дома. Но в Большом Лос-Анджелесе я подсознательно ожидал, что всё осталось по-прежнему, хотя я и видел, что многое изменилось. Конечно, тридцать лет — срок небольшой; даже в течение жизни одного человека на свете успевает измениться немало. Но вот так, одним глотком,— это совсем другое дело...

Как-то, например, я совершенно невинно употребил одно словечко. Присутствующая при это дама оскорбилась, а её муж уже был готов врезать мне в зубы — только мои торопливые объяснения, что я сонник, остановили его. Я не стану приводить это слово здесь. А впрочем, почему бы и нет? Я же делаю это, чтобы объяснить вам: когда я был мальчишкой, это слово считалось совершенноличным. Не верите на слово — загляните в какой-нибудь старый словарь. В мое время никто не писал это слово мелом на заборах.

Слово это — «загиб».

Были и другие слова, которые я и по сей день употребляю

с опаской. Это не обязательно слова, ставшие нецензурными — просто изменившие смысл. Например, «преемник»: раньше это слово означало человека, который изучил то или иное дело, чтобы заменить другого, более старого человека. И никакого отношения к уровню рождаемости оно не имело...

Но в целом я справлялся. Работу я нашёл такую: я пускал под пресс новёхонькие лимузины, и их увозили обратно в Питсбург — там принимали металлом. «Кадиллаки», «крайслеры», «линкольны» и «эйзенхауэры» — самые разные машины, новенькие, красивые, мощные, не набегавшие ещё ни километра. Я загонял их между стальными челюстями пресса и — баах! трах! хрррум!.. металлом для переплавки готов.

Сперва мне было просто больно смотреть на это — сам-то я ездил на работу на ленте, потому что денег у меня не было даже на гравискок. Однажды я высказал свое мнение на этот счёт, и меня чуть не вышибли с работы. Слава богу, мастер вспомнил, что я — сонник и действительно не понимаю.

— Это же элементарная экономика, сынок. Это — сверхнормативные машины, которые правительство приняло в залог под выданные дотации на погашение разницы в ценах. Им уже добрых два года, и продать их не удастся. Поэтому правительство прессует их и продаёт металлом сталелитейной компании. Сталь нельзя плавить только из руды: надо непременно добавлять и металлом. Тебе бы следовало это знать, хоть ты и сонник. А теперь, когда хорошая руда вообще редкость, на металлом спрос весьма высок. Сталеплавильщикам очень нужны эти машины.

— Но зачем же их делать, если нельзя их продать? Это выглядит расточительством.

— Это только выглядит расточительством. Ты что же, хочешь, чтобы люди остались без работы? Чтобы уровень жизни упал?

— Тогда почему бы не продавать их за рубеж? Мне кажется, на внешнем рынке за них можно выручить больше, чем за металлом.

— Что? И загубить внешний рынок? Да, кроме того, если мы начнём их экспортirовать, то испортим отношения с Японией, Францией, Германией, с Великой Азией, да со всеми. Ты что, хочешь развязать войну? — Он вздохнул и сказал отеческим тоном: — Ступай-ка в библиотеку да почитай. Какое ты имеешь право рассуждать об этом, если ничего не знаешь?

Я промолчал и не стал говорить ему, что всё своё свободное время провожу в библиотеке Лос-Анджелесского университета или в публичной библиотеке; промолчал я и о том, что когда-то был инженером. А сказать просто «я — инженер» было бы всё равно что прийти к Дюпону* и сказать: «Досточтимый сударь, я алхимик. Не угодно ли испытать моё искусство?»

Ещё раз я затянул разговор на эту тему, заметив, что большинство предназначенных к переплавке машин были не готовы к тому, чтобы на них ездили: кое-где видны были дефекты сборки, а в некоторых отсутствовали необходимые части: приборы на щитке управления или кондиционеры. А уж когда я увидел, что у идущей под пресс машины вообще нет силового агрегата, меня прорвало.

Начальник смены выкатил глаза:

— Господи ты боже мой! Сынок, а с чего ты взял, что под пресс обязательно пустят самые лучшие машины? Это же излишки. Дотация в них была заложена ещё до того, как они сошли с конвейера!

После этого я заткнулся надолго. Лучше уж я ограничу свой интерес техникой: экономика для меня — тёмный лес...

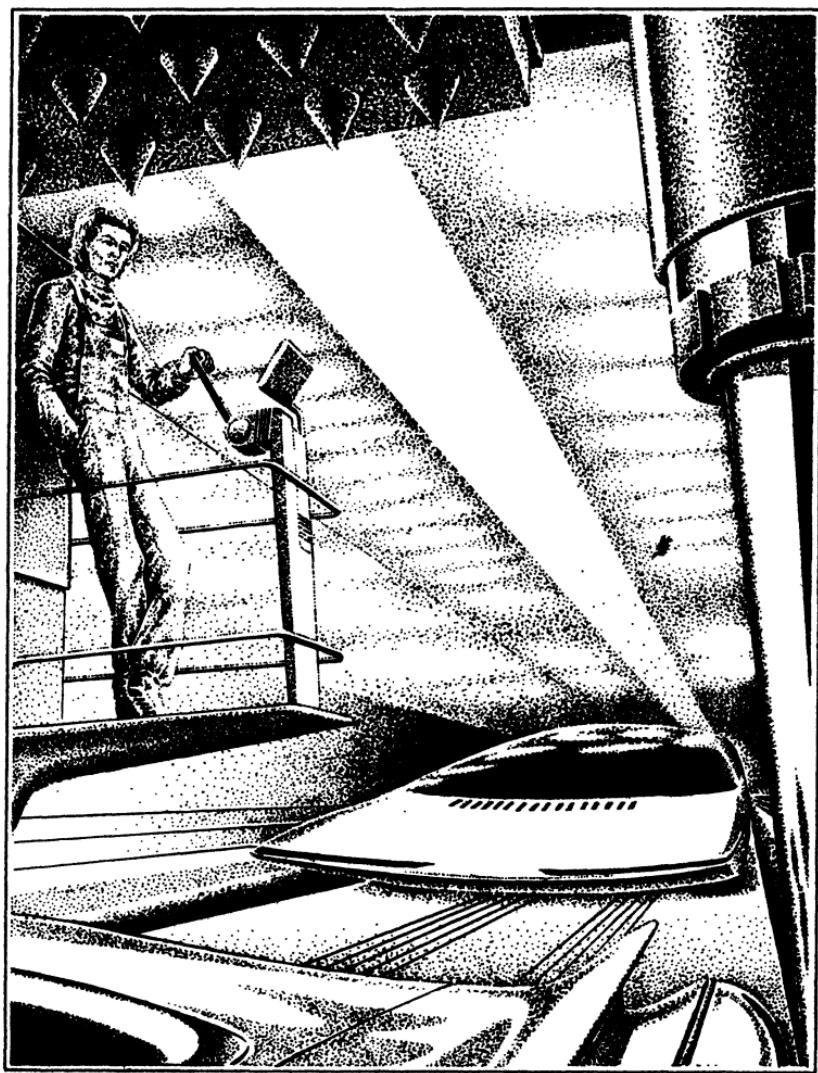
* Крупная химико-технологическая монополия (прим. перев.).

Но времени на размышления у меня хватало. По моим понятиям, моя работа работой, в сущности, и не была: всю работу делали «Салли» в разных обличьях. «Салли» управляла прессом; ее «сёстры» подгоняли под него машины, оттаскивали в сторону спрессованные, считали и взвешивали их. Моя же работа заключалась в следующем: я стоял на небольшом возвышении (сидеть не полагалось) и держался рукой за рубильник, останавливающий все операции, если что-то пойдет не так. Всё всегда шло «так», но мне дали понять, что хотя бы раз в смену я должен был уличить автоматику в какой-нибудь погрешности, остановить работу и вызвать ремонтников.

Ну что ж... За это платили 21 доллар в день — на еду хватало. Всё-таки самые важные вопросы надо решать в первую очередь.

После всех отчислений (социальное страхование, профсоюзные взносы, подоходный налог, оборонный налог, медицинская страховка и «добровольные» пожертвования) у меня оставалось шестнадцать долларов. Мистер Доути был не прав, когда утверждал, что обед стоит десять долларов: вполне приличный обед можно было получить и за три доллара, если не ставить целью обязательно отведать натурального мяса. Я лично и сейчас уверен, что никто из вас не отличит, какое мясо паслось на пастбище, а какое росло в баке с питательным раствором. А наслушавшись разговоров о контрабандном мясе, от которого может быть лучевая болезнь, я решил удовлетворяться заменителями.

С жильем было посложнее. Поскольку во время Шестинедельной войны Лос-Анджелес не вошёл в зону сноса ветхого жилого фонда ускоренным и широкозахватным способом (ему не досталось ни одной атомной бомбы), то туда понаехали поразительное число беженцев. Наверное, в определённом смысле я тоже был одним из них, хотя в то время я так о себе не думал. И похоже, никто из них не спешил возвращаться домой — даже те, чьи дома уцелили. Город — если Лос-Анджелес вообще город (по-

моему, это следует называть «место обитания»), — задыхался ещё тогда, когда я отправился спать в 1970-м. А теперь он был набит битком, как дамская сумочка. Возможно, избавление от смога было в некотором роде ошибкой: в 60-е годы довольно много народа уезжало из города из-за хронического синусита.

Теперь, очевидно, не уезжал никто.

В тот день, когда я покинул Хранилище, у меня уже созрел определённый план: 1) найти работу; 2) найти кров; 3) наверстать упущенное по инженерно-технической части; 4) найти Рики; 5) вернуться к занятиям конструированием (если это вообще в человеческих силах); 6) разыскать Беллу и Майлса и разобраться с ними, не угодив при этом в тюрьму; и 7) ещё много разных дел: например, найти первый патент на «Трудягу Тедди», — проверить свои подозрения (а я сильно подозревал), что это не что иное, как «Универсальная Салли»; не то чтобы это имело теперь значение — так, из любопытства. Надо бы и историю корпорации «Золушка» выяснить. Ну, и так далее.

Перечисленные выше дела я расположил в порядке их срочности и важности, потому что много лет назад (чуть не завалив экзамены на первом курсе в институте) понял, что без этого можно потерять очень многое. Правда, некоторые пункты можно было выполнять параллельно: например, я рассчитывал найти Рики и при этом — Беллу и компанию тоже, пока грызу гранит новой инженерной науки. Но дела надо делать по порядку: сперва надо найти работу, а потом уже подыскивать чулок для хранения денег. Деньги — это ключ ко всему остальному... если их нет.

Когда меня раз шесть завернули в городе, я поехал по объявлению аж в Сан-Бернардино — и опоздал буквально на 10 минут. Тут бы мне сразу поискать ночлег, но я решил, что будет гораздо умнее, если я поеду обратно в центр, сниму там номер в гостинице, встану с утра пораньше и первым поспею по утренним объявлениям.

Кто же знал?.. Я записался в очередь в четырех отелях — и кончил на скамейке в парке. Время от времени я вставал и прогуливался, чтобы немного согреться, но потом, ближе к полуночи, сдался: зимы в Большом Лос-Анджелесе можно назвать субтропическими, только очень выделяя «суб».

Я укрылся на станции ленточной дороги Уилшир, в зале ожидания, и часа в два ночи попал в облаву вместе с другими бездомными.

Тюрьмы стали заметно лучше. В этой было тепло, и мне показалось, что мокриц тут научили вытираять ноги.

Обвинение гласило: слоняжничество. Судья — молодой человек, ни разу не поднявший глаз от лежавшей перед ним газеты,— сказал только:

— Эти все по первому разу?

— Да, ваша честь.

— Тридцать дней. Или пусть с работы пришлют бумагку, что их берут на поруки. Следующий.

Нас начали выдворять в коридор, но я упёрся.

— Одну минуту, ваша честь.

— А? Что вас смущает? Вы признаете себя виновным или нет?

— Э-э, я, право, не знаю; ну что я такого сделал? Понимаете, я...

— Хотите защитника? Тогда отправляйтесь в камеру и ждите, пока кто-нибудь не освободится и не займется вашим делом. По-моему, сейчас у них отставание дней на шесть... Но это — ваше право.

— Э-э, я, честное слово, не знаю. Может быть, я хотел бы, чтобы меня взяли на поруки... хотя я не знаю, кто бы мог это сделать. По-моему, мне нужен совет Суда, если Суд позволит.

Судья велел судебному исполнителю вывести остальных и повернулся ко мне.

— Выкладывай. Но имей в виду: мой совет вряд ли придется тебе по вкусу. Работаю я давно, всяких сказок

наслушался досыта, и большинство из них вызывает у меня глубокое отвращение.

— Да, сэр. Но у меня — не сказки: это легко проверить. Видите ли, я вчера вернулся из Долгого Сна и...

На лице у него появилась гримаса отвращения.

— Один из этих, да? Я всё в толк не возьму: с чего это наши дедушки решили, что могут сплавлять своих выморозков к нам? Уж чего этому городу надо меньше всего — так это лишних людей. Особенно таких, которые и в своем-то времени не могли устроиться. Будь моя воля — я бы вышиб вас всех в тот год, откуда вы явились, да ещё дал бы с собою записку к тем, кто там живет, что будущее, о котором они так мечтают, не вымощено золотом, ясно? — Он вздохнул.— Впрочем, толку от этого, я уверен, было бы немного. Ну, и что вы от меня хотите? Чтобы я дал вам шанс? И через неделю вы опять свалиетесь на мою голову?..

— Судья, я не думаю, что это должно случиться. У меня достаточно денег, чтобы протянуть до тех пор, пока я не найду работу и...

— Да? Если у вас есть деньги, чего же вы слоняжничали?

— Судья, я даже не знаю, что означает это слово.— На этот раз он позволил объяснить ему ситуацию. И когда я дошёл до той части, как меня облапошила «Мастер Иншуранс Ко.», он резко переменил отношение ко мне.

— Вот свиньи! Мою мать они надули после того, как она лет двадцать платила страховые взносы. Что же вы мне этого сразу не сказали? — Он вынул визитную карточку, что-то на ней написал и протянул мне.— Ступайте с этой запиской в отдел по найму Комиссии по утилизации излишков и вторичным ресурсам. Если там не выгорит с работой — приходите утром снова. Только чтоб больше не слоняжничать. Я уж не говорю о том, что это прямая дорога к преступности и падению нравов. Но лично вы имеете

отличный шанс отведать порцию зомбина. Ночью, в тёмном переулке, это — раз плюнуть.

Вот так я и стал пускать под пресс новенькие автомобили. И все же я считаю, что поступил правильно, начав именно с поиска работы. Если у человека есть денежки, он везде как дома. И с полицией трений не будет.

А вскоре я сумел снять приличную — и по карману — комнату в той части Западного Лос-Анджелеса, которую ещё не успели снести и перестроить по Новому Плану. Раньше эта комната, по-моему, служила платяным шкафом.

Я бы не хотел, чтобы у вас сложилось впечатление, что мне не понравился двухтысячный год. По сравнению с 1970-м он был вполне... И следующий, 2001-й, наступивший через пару недель после моего пробуждения, — тоже. И несмотря на подкатывавшие временами приступы ностальгии, я считаю, что на пороге третьего тысячелетия Большой Лос-Анджелес был самым замечательным местом на свете. В городе было чисто и так здорово... ну, может, малость многовато народу. Но и эта проблема решалась грандиозно, с размахом. Я глядел на те части города, что подверглись реконструкции по Новому Плану, и у меня просто сердце радовалось. Будь у городского управления возможность лет на десять приостановить иммиграцию, они наверняка смогли бы решить жилищную проблему. Но поскольку такой возможности у них не было, то им не оставалось ничего другого, как пытаться обеспечить жильём ту лавину, что катилась через горы Сьерра-Невада. Они делали всё, что в их силах. На это стоило посмотреть: зрелище было впечатляющее. Даже то, что не удавалось, вызывало невольное уважение.

Ей-богу, стоило проспать тридцать лет, чтобы проснуться в такое время, когда справились с обычной простудой и никто не страдает от насморка. Для меня это в некотором смысле означало не меньше, чем исследовательская станция на Венере.

Больше всего на меня произвели впечатление две ве-

щи — одна крупная, а другая мелкая. Крупной была, разумеется, антигравитация. Я ещё там, в семидесятом, слышал про эксперименты Бэбсоновского института с гравитацией, но считал, что у них из этого ничего не выйдет. Ничего и не вышло. Базисная теория поля, на которой основано развитие антигравитации, разработана в Эдинбурге. Но в школе меня учили, что гравитация — это такая штука, с которой уж ничего не поделаешь, потому что она заложена непосредственно в форму пространства.

Пришлось, естественно, менять форму пространства. Конечно, только временно и в отдельных местах, но для того, чтобы переместить тяжелый предмет, этого достаточно. Феномен так или иначе остается связан с матушкой-Землей, так что для космических кораблей он не пригодился. Во всяком случае, в 2001-м — насчет будущего я уже перестал загадывать. Чтобы поднять объект, как я выяснил, надо приложить энергию для преодоления гравитационного потенциала. И наоборот, чтобы что-то опустить, надо иметь накопитель энергии для всех этих килограммометров, иначе может рвануть. А вот чтобы переместить что-нибудь по горизонтали, скажем, из Сан-Франциско в Большой Лос-Анджелес, достаточно поднять этот предмет в воздух, слегка подтолкнуть — и он устремляется вперёд легко и без сопротивления, как пушинка, как разогнавшийся и скользящий по льду конькобежец.

Прелести!

Я попытался разобраться в теории вопроса, но математика начинается там, где кончается тензорное исчисление; это не для меня. Ведь инженеру вообще редко приходится быть физматиком, да и не надо: он должен усекать, как вещь работает, — тогда он разберётся и в том, как эту вещь применять. Просто надо знать рабочие параметры. Это-то мне было по силам.

Ну, а мелочью, о которой я упомянул, оказались изменения в женской моде, ставшие возможными благодаря тканям и замкам «стиктайт». Вид женщин, купающихся

на пляже в одной только собственной коже, меня не шокировал: и у нас, в семидесятом, существовал нудизм. Но когда я увидел, что вытворяют женщины из «стиктейп», у меня просто челюсть отвисла. Мой дедуля родился в 1890-м; полагаю, некоторые зрелища 1970-го повлияли бы на него аналогичным образом.

Но мне нравился это динамичный новый мир, и я был бы счастлив в нём, если бы не был почти всё время одинок. Я был... неприкаянный. Иногда (обычно посреди ночи) я просыпался и чувствовал, что с радостью отдал бы весь этот мир за одного драного, облезлого кота. Или за возможность хоть на полдня сводить маленькую Рики в зоопарк... Или за дружбу, что была между мною и Майлсом, когда у нас всего и было, что тяжелая работа да надежда.

В начале 2001-го, когда я ещё и наполовину не подогнал свои хвосты по инженерному делу, я начал чувствовать зуд: бросить свою сачковую работу и опять засесть за кульман. Теперь, при современном уровне развития техники, стали возможны очень многие вещи, о которых в 1970-м и мечтать не приходилось; и мне захотелось спроектировать десяток-другой.

Например, я думал, что в ходу уже должны быть автоматические секретари — я имею в виду машину, которой можно продиктовать текст и получить деловое письмо без грамматических ошибок, со знаками препинания, идеально отпечатанное — и всё это без участия рук человеческих. Но таких пока не было. Кто-то придумал машину, что могла печатать с голоса, но она годилась только для фонетических языков, вроде эсперанто, и совершенно не подходила для английского языка с его многочисленными немыми буквами и кучей исключений из массы правил. Получалось «ничиво не папишишь, братетс!»...

Люди не согласны отказаться от нелогического английского правописания только ради удобства изобретателя. Но если гора не идет к Магомету...

Выпускнице колледжа иногда удаётся разобрать чуд-

ное правописание английского языка и правильно написать то или иное слово; но спрашивается: как научить этому машину? Обычно на такие вопросы отвечают: это невозможно. Для этого требуются человеческий разум и понятливость.

Но изобретение — это именно то, что было невозможно до того. Поэтому-то правительство и выдаёт на него патент.

Благодаря ячейкам памяти и современному уровню миниатюризации (я оказался прав насчет применения золота в технике) стало возможным затолкать в кубический фут сотни тысяч закодированных звуков. Другими словами, закодировать каждое слово в Университетском словаре Вебстера. Только это даже и не обязательно: с избытком хватит десяти тысяч слов. Ну зачем, в самом деле, надо, чтобы секретарь умел стенографировать слова вроде «остервенение» или «растранжирить»? Ну, уж если что-нибудь этакое когда-то и приспичит — можно же продиктовать по буквам. Ага, значит, надо, чтобы машина понимала и такой способ диктовки! А ещё надо закодировать знаки препинания... разные форматы... количество копий в закладке... и чтобы сама отыскивала в памяти нужный адрес... и сортировала почту перед отправкой... и предусмотреть не менее тысячи свободных ячеек для специальных терминов, применяемых в данной отрасли бизнеса или техники. И сделать так, чтобы клиент-владелец мог вводить эти слова сам: нажал клавишу «память», напечатал слово вроде «педипальпы», — и уже никогда не придётся диктовать его по буквам.

Все просто. Надо только состыковать компоненты, уже имеющиеся в продаже, и превратить это сочетание в производственную модель.

Вот с омонимами — беда... Над сочетаниями вроде «писчий счетчик» наша «Стенографистка Стелла» даже на секунду не задумается — ведь все эти слова с трудным написанием звучат по-разному. А вот выбрать из нескольких

слов, которые звучат одинаково, но пишутся по-разному, ей будет нелегко.

Интересно, а словарь омонимов в публичной библиотеке в городе есть? Оказалось, есть. Я начал подсчитывать пары омонимов, с которыми неизбежно придется сталкиваться, и прикидывать, сколько из них можно сделать различимыми с помощью теории информации, анализа контекста, а сколько потребуют специального кодирования.

Я стал нервничать и злиться по пустякам: я не только тратил по тридцать часов в неделю на совершенно бесполезную, бессмысленную работу, но и не мог, в самом деле, заниматься настоящим конструированием в публичной библиотеке! Мне была нужна мастерская с кульманом — чертить, вылавливать мелкие дефекты. Мне нужны были каталоги торговых фирм, профессиональные журналы, счётная техника и т. д.

Я решил, что надо искать хотя бы полупрофессиональную работу. Я был не настолько глуп, чтобы полагать, что я уже инженер: слишком много было ещё всякого такого, что я не успел прочесть. Я уже несколько раз сидел, ломая голову, как сделать то или иное устройство, воспользовавшись моими новыми познаниями,— а потом, придя в библиотеку, обнаруживал, что кто-то уже решил эту проблему лучше, дешевле и изящнее меня и лет десять-пятнадцать назад.

Мне надо было пойти работать в конструкторское бюро, чтобы все эти новинки стали мне близкими и родными. Я решил, что с работой младшего чертежника я справлюсь.

Я знал, что теперь используются электрические чертежные полуавтоматы,— видел на картинках, хотя сам ещё не пользовался. Но научиться ими пользоваться, по-моему, можно за двадцать минут, если бы такой случай представился,— они были очень похожи на то устройство, что я когда-то выдумал,— устройство, имеющее не больше общего со старомодным чертёжным столом с параллелограммом, чем пишущая машинка — с письмом каллиграфической вязью.

Я всё продумал: как можно чертить прямые и кривые в любом месте чертежной доски лёгкими нажатиями на клавиши.

Однако тут я был уверен, что мою идею не украли (как украли «Универсальную Салли») — ведь моя чертёжная машина существовала только в моём мозгу. Значит, кому-то в голову пришла аналогичная идея, которую он сумел довести до логического завершения. Когда приходит время железных дорог, начинают делать паровозы...

«Аладдин» — та же фирма, что выпускала «Трудягу Тедди», — делала одну из лучших чертежных машин — «Чертежника Дэна». Я поскреб по сусекам, купил костюм поприличнее и подержанный «дипломат», набил последний газетами и явился в «Аладдин», в их фирменный магазин, якобы собираясь приобрести такую машину. Я попросил продемонстрировать, как она работает.

И тут меня ждало разочарование. Я подошел к демонстрационному экземпляру «Чертежника Дэна», и... психиатры называют это *«déjà vu»* (ощущение уже виденного когда-то). Проклятая машина была сделана точно так, как сделал бы её я, если бы меня не запихали в хранилище на Долгий Сон.

Не спрашивайте меня, почему я так решил: человек может узнать свою собственную работу. Знаток живописи может определить, что это — Рубенс, или Рембрандт: по мазку, по блику, по композиции, по подбору красок, по десятку других признаков. Конструирование — не наука. Это — искусство, в нём всегда есть широкий выбор, как решить ту или иную техническую проблему. Выбирая эти способы, конструктор оставляет свой «автограф» не менее определённо, чем художник.

У «Чертёжника Дэна» был такой сильный привкус моей собственной техники дизайна, что меня прямо взбудоражило. Я почти начал верить в телепатию.

Я незаметно глянул на табличку с номерами патентов. В том состоянии, в котором я был, я даже не удив

вился, обнаружив, что первый из них тоже датирован семидесятым годом. Я твёрдо решил узнать, кто же изобрёл его. Может быть, кто-то из моих учителей, от которых я и набрался своих методов, своего стиля? Или кто-нибудь из инженеров, с которыми я когда-то вместе работал...

Может быть, изобретатель ещё жив. Тогда я обязательно разыщу его: надо познакомиться с человеком, который мыслит точь-в-точь как я.

Я взял себя в руки и попросил продавца показать машину в работе. Особенно распинаться ему не пришлось: мы с «Дэном» оказались буквально созданы друг для друга. Через десять минут я уже обращался с ним проворнее, чем он сам. Наконец я оторвался от машины и стал отступать: попросил проспект с фотографиями, спросил о цене и возможных скидках, о техническом обслуживании и... ушёл, сказав, что ещё позвоню, как раз в тот момент, когда продавец уже собирался протянуть мне на подпись бумаги на новую покупку. Грязный трюк — но ведь, кроме часа времени, я у них ничего не украл.

Прямо оттуда я пошёл в фирму «Золушка» наниматься на работу на их фабрику.

Я уже выяснил, что ни Белла, ни Майлс там больше не работают. Всё время, которое я мог урвать от сна и отдыха, — между работой и навёрстыванием упущенного в библиотеках — я искал Беллу, Майлса и, в особенности, Рики. В телефонных справочниках Большого Лос-Анджелеса не значился ни один из троих, равно как и во всех Соединённых Штатах: я оплатил «информационный поиск» в национальном бюро в Кливленде. С меня взяли вчетверо больше обычного: Беллу пришлось искать и под фамилией Джентри, и под «Даркин».

Пробовал я искать их и в списках избирателей, в избирательной комиссии графства Лос-Анджелес — тот же результат.

В письме из «Золушки Инк.», подписанном каким-то семнадцатым вице-президентом (вероятно, его и держат

специально для того, чтобы отвечать на дурацкие вопросы), мне уклончиво сообщили, что тридцать лет назад лица с указанными фамилиями действительно служили в фирме, но что в настоящее время фирма ничем не может помочь мне относительно их местоположения.

Для детектива-любителя, у которого мало времени и ещё меньше денег, распутывать следы тридцатилетней давности — занятие безнадёжное. Будь у меня их отпечатки пальцев — я бы обратился в ФБР. Номеров их карточек социального страхования я не знал. Власть предержащие в этой стране, похоже, не опустились до создания полицейского государства, имеющего досье на каждого гражданина. Да и существуй такие досье, мне до них не добраться: кто я такой?

Возможно, щедро субсидируемое детективное агентство могло бы, перекопав горы муниципальных регистрационных книг, газетных подшивок и бог знает чего ещё, отыскать их следы. Но у меня не было ни щедрых субсидий, ни таланта, ни времени искать их.

В конце концов я махнул рукой на Беллу и Майлса, но дал себе слово, что обязательно найму профессионалов для розыска Рики, как только это станет мне по карману. Я уже выяснил, что акций «Золушки» у неё нет. Тогда я написал в «Бэнк оф Америка» — узнать, нет ли у них (или не было ли раньше, когда-либо) на доверительном хранении акций на её имя. В ответ я получил стандартный бланк: подобная информация является конфиденциальной и т. д. Пришлось писать снова: я объяснил, что я — сонник, что она — моя единственная родственница. На этот раз я получил вполне личное письмо, подписанное сотрудником траст-отдела. К сожалению, писал он, информация о подопечных траст-отдела не подлежит разглашению даже в таких исключительных ситуациях, но он считает возможным сообщить, что ни сейчас, ни ранее ни одно из отделений банка не принимало на доверительное хранение ценных бумаг на имя Фредерики Вирджинии Джентри.

Из этого было ясно одно: каким-то образом наши пташечки сумели увести у Рики акции. Распоряжение о переуступке я составил так, что оно могло сработать только через «Бэнк оф Америка». Значит, не сработало. Бедная Рики! Они ограбили нас обоих...

Я сделал ещё одну попытку. В архиве отдела образования в Мохаве нашлась запись об ученице по имени Фредерика Вирджиния Джентри — но её забрали из той школы в 1971-м. Куда именно — не было указано.

Приятно было узнать, что где-то кто-то подтверждает, что Рики вообще существовала на свете. Но ведь она могла перейти в любую из тысяч и тысяч средних школ в Соединённых Штатах. Сколько нужно времени, чтобы написать в каждую? И смогут ли они ответить, даже если представить себе, что они захотят это сделать, — хранят ли они такие данные?

В четверти миллиарда людей одна девочка может исчезнуть, как песчинка на пляже.

Но провал моих поисков позволял мне спокойно заниматься в «Золушку Инк.», зная, что Майлс и Белла там больше не хозяева. Я бы мог обратиться в любую из сотни автомотостроительных компаний, но «Аладдин» и «Золушка» были фирмы солидные, известные, как «Форд» и «Дженерал Моторз» в те времена, когда процветало автомобилестроение. «Золушку» я выбрал отчасти из сентиментальности: интересно было взглянуть, во что превратился мой «свечной заводик».

Пятого марта 2001 года я пришел в их бюро по найму, выстоял очередь к тому окошечку, где принимали инженеров и техников, заполнил десяток анкет, не имевших никакого отношения к технике, и одну, имевшую к ней некоторое касательство, и... «не трудитесь, мы сами вам позвоним...».

Поощивавшись немного в зале, я проскользнул к одному из младших кадровиков. Он с неохотой заглянул в одну из заполненных мною бумажек, не имеющую, на мой взгляд, ни смысла, ни значения, и заявил, что мое образование

теперь ничего не значит — у меня был большой перерыв в работе.

Я сказал, что я — сонник.

— Тогда ваши дела ещё хуже. Да и вообще мы не принимаем на работу людей страшне сорока пяти лет.

— Но мне нет сорока пяти — мне всего тридцать.

— Вы родились в 1940 году. Прошу прощения.

— Ну, и что же мне прикажете делать? Застрелиться? Он пожал плечами.

— На вашем месте я бы попробовал получить пенсию по старости...

Я постарался выйти быстрее, чем успею сказать ему, куда бы ему пойти с его советами. Обойдя метров восемьсот вокруг корпуса, я вошёл в главный вход. Фамилия управляющего была Кёртис. Я спросил, как его найти.

Первые два слоя я пробил, просто сказав с деловым видом, что у меня к нему дело. «Золушка Инк.» не пользовалась своими автоматами в качестве секретарей: их секретарши были из плоти и крови. Кое-как я пробился на несколько этажей вверх и (я так думаю) где-то за две двери до босса застрял, наткнувшись на этакую ниппель-даму, потребовавшую, чтобы я сказал ей, что у меня за дело к её шефу.

Я огляделся. Большая комната; человек сорок людей и ещё разные машины. Она резко повторила:

— Ну, сообщите мне цель вашего прихода, и я справлюсь у секретаря мистера Кёртиса, ведающего приемом посетителей.

Я ответил достаточно громко, чтобы меня услышали все присутствующие:

— Я хочу знать, намерен ли он оставить в покое мою жену?!

Через сорок секунд я был в его кабинете. Он поднял глаза от бумаг.

— Ну? Что ещё за ерунда?

Потребовалось полчаса времени и рытья в старых

бумагах, чтобы он убедился, что я не женат и что я — основатель фирмы. С этого момента дела пошли мирно — джин, тоник, сигареты; меня представили главному инженеру, начальнику отдела сбыта, другим заведующим отделами.

— А мы думали, что вы умерли, — сказал мне Кёртис. — В официальной истории нашей фирмы так и написано. — Это всё слухи. Наверное, какой-нибудь другой Д. Б. Дэвис.

Заведующий отделом сбыта Джек Гэллоуэй вдруг спросил:

— А что вы сейчас поделываете, мистер Дэвис?

— Да ничего особенного. Работал, э-э, в автомобильной промышленности. Но собираюсь уйти оттуда. А что?

— Что? Да разве не понятно? — он повернулся к главному инженеру, Макби. — Слыши, Мак, а? Все вы, инженеры, одинаковы: к вам, можно сказать, ангел-хранитель сбыта слетел и даже облобызкал, а вам и невдомёк. «А что?» А вот что, мистер Дэвис! Вы же — ходячая реклама. От вас же веет романтикой, очарованием старины. Слушайте: ОСНОВАТЕЛЬ ФИРМЫ ВОССТАЛ ИЗ МЁРТВЫХ, ЧТОБЫ УВИДЕТЬ СВОЁ ДЕТИЩЕ! ИЗОБРЕТАТЕЛЬ ПЕРВОГО РОБОТА-СЛУГИ ВИДИТ ПЛОДЫ СВОЕГО ТАЛАНТА! Ну и так далее.

Я торопливо возразил:

— Минуточку, мистер Гэллоуэй. Я не рекламная модель и не кинозвезда. Шумиха эта мне ни к чему. Я сюда не за этим пришел. Я хочу работать у вас... инженером.

Мистер Макби поднял брови, но промолчал.

Мы начали пререкаться. Гэллоуэй стал говорить, что это просто мой долг перед фирмой, которую я создал. Макби больше молчал, но было ясно, что мысль о моем появлении в его отделе не вызывает у него восторга. Он даже спросил меня, что я знаю об интегральных схемах. Я честно признался, что то немногое, что мне известно, я почерпнул из руководств, на которых отсутствовал гриф «секретно».

Наконец Кёртис предложил компромисс:

— Видите ли, какая штука, мистер Дэвис: вы сейчас в очень необычном положении. Можно сказать, что вы основали не только фирму, но и всю нашу отрасль промышленности. Тем не менее, как заметил тут мистер Макби, с тех пор, как вы ушли в Долгий Сон, эта отрасль несколько продвинулась вперед. Давайте мы зачислим вас в штат в качестве консультанта... и присвоим титул почётного инженера-исследователя, скажем.

Я колебался.

— А что это будет значить по сути?

— А что захотите. Однако скажу честно: мы бы хотели, чтобы вы сотрудничали с мистером Гэллоуэем. Мы ведь не только производим эту технику: нам надо её продавать.

— Ну, а конструировать я при этом смогу?

— А это на ваше усмотрение. Возможность такую мы вам предоставим, а дальше делайте, что хотите.

— И возможность пользоваться мастерскими?

Кёртис посмотрел на Макби. Главный инженер ответил:

— Ну, разумеется... в пределах разумного, конечно. Гэллоуэй быстро вмешался:

— Значит, решили. Вы позволите, Би-Джей? Не уходите, пожалуйста, мистер Дэвис: я хочу, чтобы вы сфотографировались рядом с самой первой моделью «Золушки».

Затеяли съёмку. Я был рад увидеть её — первую машину, которую я сам, своими руками собрал, над которой столько попотел. Я хотел попробовать, работает ли она, но Макби не дал мне включить её. Мне показалось, что он опасался за машину: вдруг я не знаю, как с ней обращаться?..

Весь март и апрель мне было очень недурно в «Золушке».

В моём распоряжении были всевозможные инструменты, технические журналы, незаменимые коммерческие катало-

ги, техническая библиотека, «Чертёжник Дэн» (своих чертёжных автоматов «Золушка» не производила, поэтому пользовалась лучшими из имеющихся в продаже — а это была продукция «Аладдина»). А главное, в моих ушах музыкой звучали разговоры профессионалов!

Особенно близко я сошёлся с Чаком Фриденбергом — заместителем главного инженера по комплектующим. По моему мнению, Чак был в этой конторе единственным инженером, стоившим своей зарплаты. Остальные были просто техники с дипломами, включая и Макби. Чтобы стать инженером, диплома и шотландского акцента мало-мало. Когда мы узнали друг друга получше, Чак как-то признался, что придерживается такого же мнения.

— Мак не любит новинок. Он предпочитает всё делать так, как его дедушка когда-то на берегах своего разлюбезного Клайда.

— А что же он тут делает?

Фриденберг не знал точно, но вроде нынешняя фирма раньше была просто производственной компанией, которая купила лицензии на патенты (мои патенты!) у «Золушки Инк.». А лет двадцать назад, чтобы сэкономить на налогах, фирмы слились, и новая фирма взяла название старой, которую основал я. Вот в это время, как полагал Чак, и наняли Макби. Ему же достался, вероятно, и хороший кусок акций.

По вечерам мы с Чаком обсуждали за пивом, что надо фирме, что почём, и вообще говорили за жизнь. Вначале его интересовало мое прошлое — прошлое сонника. Я уже знал, что очень многие испытывают нездоровое любопытство, как будто сонники — уроды какие-нибудь.

Но Чака интересовал сам прыжок во времени — это был вполне здоровый интерес: каким был мир до его рождения, причём в восприятии человека, который помнит этот мир «как будто только вчера».

Он всегда был готов раздробить новую машину, которую я только что выдумал, и много раз ставил меня на

место, если я придумывал что-нибудь давно известное в 2001-м. Под его товарищеским руководством я быстро навёрстывал знания, восполняя свои пробелы и становясь настоящим инженером.

Но когда однажды, теплым апрельским вечером, я обрисовал ему свою идею автомата-секретаря, он произнёс медленно:

— Дэн, ты это придумал в рабочее время или как?

— А? Да нет, не совсем. А что?

— А что у тебя за контракт?

— Контракт? А у меня нет контракта. Кёртис назначил мне жалованье, а Гэллоуэй заставляет фотографироваться и отвечать нанятому для этого рекламному автору на дурацкие вопросы, что и как было.

— Хм... знаешь, дружище, я бы не стал ничего предпринимать, не уточнив своей юридической позиции. Это действительно что-то новенькое. И, по-моему, у тебя эта штука будет работать.

— Я как-то не думал о формальностях...

— Тогда отложи это дело пока. Ты же знаешь, как у фирмы обстоят дела: товары мы делаем хорошие, денежки идут. Но все новинки, которые мы выпустили за последние пять лет — лицензионные. Я ничего не могу протолкнуть через голову Мака. А ты можешь обойти Мака и показать это боссу. Так вот, не делай этого. Если, конечно, не собираешься подарить это фирме просто за зарплату.

Советом я воспользовался. Я продолжал конструировать, но сжигал все чертежи, стоявшие внимания,— мне они были не нужны: всё это уже было у меня в голове. Чувства вины я не испытывал: фирма не захотела нанять меня в качестве инженера. Они предпочли взять меня на роль манекена для Гэллоуэя. А когда моя рекламная ценность истощится до нуля, мне заплатят месячное жалованье, скажут спасибо и выставят вон.

Но к тому времени я стану настоящим инженером и

смогу открыть собственное дело. И если Чак решит уйти со мной — я возьму его в долю.

Джек Гэллоуэй не продал историю обо мне газетчикам. Вместо этого он стал заигрывать с крупными журналами. Он хотел, чтобы «Лайф» сделал обо мне разворот, связав его с тем, старым, тридцатилетней давности — о первой модели «Золушки». «Лайф» на это не клюнул, но в нескольких других журналах в ту весну кое-что появилось в блоке с рекламой. Я хотел отрастить бороду, но потом решил, что меня, во-первых, никто не узнает, а во-вторых, мне наплевать, даже если и узнают.

Иногда я получал дурацкие письма. Например, один тип написал мне, что я буду вечно гореть в адском пламени за то, что посягнул на Божественные предназначения относительно моей судьбы. Я кинул письмо в корзину и подумал, что, если бы Богу действительно было это неугодно, он бы никогда не допустил появления Холодного Сна. Во всех остальных отношениях меня не беспокоили.

Но третьего мая 2001 года мой телефон зазвонил. «Миссис Шульц на линии, сэр. Вы ответите?»

Шульц? Вот чёрт: я же обещал Доути, когда звонил ему в прошлый раз, что разберусь с этим. Но так и не занялся — не хотелось. Я был уверен, что это одна из тех чудачек, что пристают к сонникам с глупыми вопросами.

Но ведь Доути сказал, что она звонила несколько раз с тех пор, как я вышел из хранилища в декабре. В соответствии со своими правилами хранилище не сообщало ей моего адреса, согласившись только передать, что она звонила.

Ну что ж, ради Доути... «Соедините, пожалуйста».

— Хэлло! Это Дэнни Дэвис? — Экрана в моём офисе не было, и она не могла меня видеть.

— Да. Ваше имя Шульц?

— Ах, Дэнни, милый, как я рада слышать твой голос!

Я не ответил. Она заговорила опять:
— Ты что, не узнал меня?
Узнал. Ещё как узнал... Это была Белла Джентри.

7

Я согласился встретиться с нею.

Первым моим побуждением было послать её ко всем чертям и повесить трубку. Но я давно понял, что мстить глупо. Пита местью не вернёшь, а если отомстить удачно, то и в тюрьму угодить недолго. Да я и не думал про Беллу с Майлсом с тех пор, как перестал их разыскивать.

Но Белла почти наверняка знала, где Рики. Я решил встретиться с нею.

Она хотела, чтобы я пригласил её пообедать. Я решил этого не делать: я не очень внимателен к тонкостям этикета, но еду, трапезу можно делить только с друзьями. Встретиться — пожалуйста, но есть и пить с нею у меня не было никакого желания. Я спросил её адрес и сказал, что приеду вечером.

Это оказалась дешёвая меблирашка в той части города, которая ещё не вошла в Новый План. Квартира была на последнем этаже. Ещё не дойдя до её двери, я понял, что от моих акций проку ей было немного, иначе она бы тут не жила. Я позвонил.

Когда я увидел её лицо, то понял, что месть моя опоздала. Годы и она сама отомстили лучше, чем я сумел бы это сделать.

Если даже поверить тому, что она сама когда-то говорила о своем возрасте, то ей было не меньше пятидесяти пяти. А на самом деле, пожалуй,— ближе к шестидесяти. Если женщина возьмёт на себя труд побеспокоиться о себе, то, благодаря гериатрии и эндокринологии, может выглядеть на тридцать ещё лет тридцать после того, как ей сравняется

тридцать. Некоторые звёзды нынешнего завлекино играют роли юных девушек, хотя у них уже внуки.

Белла об этом не позаботилась.

Толстая, оплывшая, с визгливым голосом и манерами котёнка, она, похоже, до сих пор считала своё тело своим главным достоянием: одета она была в неглиже из «стиктайт», что позволяло безошибочно определить в ней существование женского пола, принадлежащее к отряду млекопитающих, перекормленное и страдающее малоподвижностью.

Она же ничего этого, похоже, не замечала. Некогда острый ум потерял чёткость восприятия; осталась только её всепожирающая самоуверенность. С радостным воплем она кинулась мне на шею, и, наверное, поцеловала бы, не вырвясь я вовремя из её объятий.

Я успел схватить её за руки.

— Спокойнее, Белла.

— Но, милый! Я так рада, так счастлива! Так бе з у мно рада видеть тебя!

— Да уж, могу себе представить.— Я шёл к ней с твёрдой решимостью держать себя в руках, выяснить только то, что меня интересовало, и уйти восвояси. Похоже, это будет нелегко.

— А помнишь, каким ты видела меня в последний раз? По уши накачанным зомбионом, чтобы ты могла засунуть меня в хранилище?

Она удивилась и даже обиделась.

— Но, милый, это же было для твоей пользы! Ты же был так болен.— Похоже, она успела сама в это поверить.

— О'кей, о'кей. А где Майлс? Ты вроде теперь миссис Шульц?

Глаза у нее стали круглыми от удивления.

— А разве ты не знаешь?

— О чём?

— Бедный Майлс... ах, бедный мой Майлс. После того, как ты нас покинул, Дэнни, он протянул меньше

двух лет.— Лицо её внезапно исказила гримаса злобы.— Обманул меня, гадина!

— Ай-яй-яй...— («Интересно,— подумал я,— как он умер? Сам упал или подтолкнули? Или мышьяк в суп?») Я решил не отвлекаться от главного, пока у неё игла совсем с дорожки не соскочила.— А что стало с Рики?

— Рики?

— Ну, с Фредерикой, падчерицей Майлса.

— А, с той паршивкой? Откуда я знаю! Она уехала к бабке жить.

— А куда? Как звали бабушку?

— Куда? В Тусон. Или в Юму?.. Ну, куда-то в те края. А может, в Индию. Милый, я не хочу про неё, про эту противную девчонку. Я хочу поговорить с тобой о нас.

— Сейчас, минуточку. Как всё-таки фамилия её бабушки?

— Ой, Дэнни, ну какой ты нудный! Ну откуда мне помнить, как звали её бабку?

— Как её фамилия?!

— Ну, Хенлон. Хейни. Нет, Хайнц. А может, Хинкли?.. Ой, да ладно тебе, милый. Давай выпьем. Выпьем за наше счастливое воссоединение.

Я покачал головой.

— Не употребляю.— И это было почти правда. Обнаружив, что спиртное — ненадёжный друг в тяжелую минуту, я теперь ограничивался пивом в компании Чака Фриденберга.

— Ой, как это скучно, милый! Ну, ты не против, если я немножко приму?

Она уже налиvalа себе. Чистый джин, заметил я, услада одинокой девицы. Но прежде чем выпить, она взяла пластиковый флакончик и вытряхнула на ладонь пару таблеток.

— Будешь?

Я узнал полосатые таблетки: эйфорин. Говорили, что он нетоксичен и не вызывает привыкания, но мнения были

разные. Кое-кто считал, что его надо зачислить в одну группу с морфием и барбитуратами.

— Спасибо. Я и так счастлив.

— Ну, прекрасно.— Она кинула в рот обе, запила джином. Я понял, что если я хочу что-нибудь выяснить, то надо поторапливаться. Скоро от неё уже ничего не добьёшься, кроме смешочеков и хихиканья.

Я взял её под руку и усадил на кушетку. Потом сел напротив.

— Белла, расскажи мне о себе. Ну, чтобы я был в курсе. Как вы с Майлсом сторговались с «Манникс»?

— А? Да никак! — Она вдруг обозлилась.— Это все ты виноват!

— Как я? Меня же там не было!

— Конечно, ты. Им же нужна была та штука... то чудовище на колесиках, что ты слепил из инвалидского кресла. А оно пропало.

— Пропало? А где оно стояло?

Она недоверчиво вперила в меня свои поросячьи глазки.

— Тебе лучше знать. Ты же его спёр.

— Я? Ты что, Белла, с ума сошла? Что я мог взять? Я же лежал в Холодном Сне, как сурок в спячке. Где та машина стояла? И когда она пропала?

По моим понятиям, кто-то и вправду увел «Салли», раз Белла с Майлсом не смогли ею воспользоваться. Но из миллионов людей на всём земном шаре я был самым распоследним, кто мог это сделать. С того страшного вечера, когда они подловили меня на голосовании, я больше «Салли» не видел.

— Расскажи-ка, Белла: где всё-таки она стояла? И почему ты решила, что это я её стащил?

— А кто же, кроме тебя?! Больше никто и не знал, что это за вещь. Так, куча железок! Говорила я Майлсу: не ставь её в гараж!

— Но если её кто-то украл, то я сомневаюсь, что этот

«кто-то» смог бы заставить её работать. Ведь вся документация, все инструкции-то остались у вас.

— Да нет же! Майлс, дубина, сунул их в машину, когда мы решили перепрятать её, чтобы ты её не украл.

«Украд» я пропустил мимо ушей. Вместо возражений я собирался сказать, что Майлс не мог затолкать пять фунтов бумаг в «Салли»: она и без того была плотно нащипгована, словно рождественский гусь. Но тут я вспомнил, что приделал полку-времянку в нижней части колесного шасси — складывать инструменты во время работы. В попытках Майлс мог сунуть мои бумаги туда.

А, не имеет значения. Все эти преступления совершены тридцать лет назад. Я захотел узнать, как у них из рук выскользнула «Золушка Инк.».

— А когда сделка с «Манникс» не выгорела, что вы стали делать?

— Да ничего. Потом ушел Джейк, и Майлс сказал, что придется закрываться. Слабак он был... А Джейк Шмидт мне никогда не нравился. Все вынюхивал... Все спрашивал: почему это ты ушел? Как будто мы могли тебя не пустить! Я-то хотела, чтобы мы наняли хорошего мастера и работали дальше. Фирма стоила дороже. Но Майлс так настаивал...

— Ну, и что дальше?

— Так мы же продали лицензии фирме «Джири мэньюфекчуринг». Разве ты не знаешь? Ты же у них работаешь!

Действительно, полное название нынешней «Золушки Инк.» звучало теперь так: «Бытовые устройства «Золушка» и производственные мастерские «Джири», Инк.», хотя товарный знак по-прежнему был просто «Золушка». Похоже, я выяснил всё, что эта дряхлая развалина могла мне сообщить.

Но мне было интересно другое.

— А после того, как вы продали лицензии «Джири», вы продали свои акции?

— А? Кто это тебе такую глупость сказал? — Новая смена выражения лица, и вот она уже всхлипывает, роется в сумочке в поисках платка, потом бросает это занятие, и слезы текут по её щекам. — Он обманул меня! Пьянь несчастная... Обманул меня!.. Бортанул меня начисто... — Она шмыгнула носом и добавила задумчиво: — Вы все меня надули. А ты, Дэнни, — сильнее всех. Я так к тебе относилась, а ты... — Она опять начала хлюпать.

Я решил, что эйфорин не стоит таких денег. Или, может, она счастлива, когда плачет?

— А как он тебя обманул, Белла?

— Как, как... Уж ты - то должен знать. Он ведь всё оставил этой своей девчонке... а ведь обещал мне!.. я же его прямо нянчила, когда он болел... А она ему даже и не дочка вовсе. Вот.

Это была первая приятная новость, которую я услышал за весь вечер. Видно, Рики всё-таки хоть в чём-то повезло, даже если они и выманили у неё до этого мой сертификат. Я опять вернулся к главному:

— Белла, а как фамилия бабушки Рики? И где они жили?

— Кто?

— Бабушка Рики.

— Рики? А кто это — Рики?

— Дочка Майлса. Подумай, Белла. Это важно.

Тут она взвилась. Она замахала руками, визжа:

— Всё, я поняла: ты её любил, вот что. Эту пронырливую дрянь... её и её паршивого кота.

При упоминании о Пите я почувствовал прилив злобы. Но я попытался подавить её. Я просто сгреб Беллу за плечи и чуток тряхнул.

— Соберись, Белла. Я хочу знать только одно: где они жили? Куда Майлс посыпал письма, когда писал им?

Она попыталась лягнуть меня.

— Я с тобой не разговариваю, вонючка противная! — Потом она как-то внезапно почти пропривела и тихо

сказала: — Не помню. Фамилия бабки была что-то вроде Ханнекер, как-то так... Я её и видела-то всего один раз — в суде, когда прочли завещание.

— Когда это было?

— А как Майлс умер, так вскоре.

— А когда он умер, Белла?

Она опять завелась.

— Больно много ты хочешь знать. Чего ты всё выспрашиваешь — прямо шериф какой-то! — Потом она взглянула на меня примирительно и сказала: — Давай забудем всё. Здесь только ты и я, дорогой... а у нас ещё вся жизнь впереди. Я же ещё не старуха, мне всего тридцать девять... Мой Шульц говорил, что я такая молоденькая — моложе он и не видывал. А уж этот старый козёл такого насмотрелся, я тебе скажу... Мы были бы так счастливы, милый. Мы...

Все, что я мог вынести, я уже получил. Даже игру в детектива.

— Мне пора, Белла.

— Как, милый? Ещё так рано... у нас ещё вся ночь впереди. Я думала...

— Да плевать мне, что ты думала. Я пошёл.

— Ах, милый! Как жалко. А когда мы увидимся? Завтра? Я ужасно занята завтра, но я всё отменю и...

— Мы больше не увидимся, Белла.— Я вышел.

Больше я её не видел.

Придя домой, я сразу же влез в ванну и хорошенько вымылся с мочалкой. Потом присел и попытался оценить свой улов. Судя по всему, фамилия бабушки начиналась с буквы Х — если памяти Беллы можно доверять в этом вопросе,— и жили они где-то либо в Аризоне, либо в Калифорнии. Есть какое-то агентство, специализирующееся на розыске сбежавших супружей. Может, профессионалы сумеют из такой информации что-то извлечь?

А может, и нет. В любом случае это будет долго и дорого. Я не могу ждать, пока это станет мне по карману.

Известно ли мне что-нибудь ещё, за что можно зацепиться?

Майлс умер где-то в семьдесят втором, по словам Беллы. Если умер он здесь, в США, то я сумею уточнить дату смерти, потратив на поиски пару часов, после чего смогу найти и сведения о слушании его завещания в суде, если таковое было. Благодаря этим сведениям я выясню, где жила Рики в то время. Если в судах хранятся такие сведения (я не был в этом уверен). Вот только много ли будет проку в том, что я найду городишко, где она жила двадцать восемь лет назад?..

И вообще, есть ли смысл искать женщину, которой сейчас сорок один год, которая наверняка замужем и имеет семью... Увидев развалину, которая когда-то была Беллой Даркин, я был потрясен. Я начал понимать, что такое тридцать лет. Конечно, Рики и взрослая всё равно такая же хорошая и добрая... вот только помнит ли она ещё меня? Я, конечно, не думаю, что она забыла меня совершенно. Просто я давно стал для неё безликой фигурой, человеком, которого она когда-то звала «дядя Дэнни» и у которого был такой славный котище...

А не живу ли и я, подобно Белле, фантазиями и воспоминаниями о прошлом? А, ладно, ничего страшного не случится — можно попробовать поискать её ещё разок. Ну, будем посыпать друг другу к Рождеству поздравительные открытки. Вряд ли её муж будет сильно возражать против этого.

8

На другой день — в пятницу, четвёртого мая,— вместо конторы я поехал в центральный архив графства. У них был ремонт, и мне велели приехать через месяц. Тогда я поехал в редакцию «Таймс» и просидел над микроскан-

нером, читая микрофильмы, пока у меня в шею не вступило. Но мне удалось выяснить, что если Майлс умер в семьдесят втором или семьдесят третьем, то наверняка сделал это не в графстве Лос-Анджелес, если, конечно, объявления о смерти точны.

Разумеется, нет такого закона, чтобы обязательно помирать в Лос-Анджелесе. Майлс мог умереть где ему заблагорассудилось. Этот процесс властям пока упорядочить не удалось.

Возможно, в Сакраменто есть сводный архив штата. Я решил, что придется и туда съездить, поблагодарил библиотекаршу редакции, поехал пообедать, а потом всё-таки отправился на работу.

Там меня ждали записка и два телефонных звонка — все от Беллы. Я прочитал только слова «Дорогой Дэн», порвал записку, позвонил телефонисткам и велел не соединять меня с миссис Шульц. Потом пошёл в бухгалтерию и спросил начальника отдела, нельзя ли узнать, кто владел старыми, погашенными акциями компании. Он сказал, что попытается выяснить, и я продиктовал ему наизусть номера акций той, первой «Золушки Инк.», которые когда-то мне принадлежали. Мне не пришлось сильно напрягать память: для начала мы выпустили ровно тысячу акций, я взял первых пятьсот десять, а Белле достались в качестве «обручального подарка» самые начальные номера.

Я вернулся к себе в конуру и обнаружил, что меня ждет Макби.

— Где вы были? — поинтересовался он.

— Да так, ходил тут по делу. А что?

— Вряд ли такой ответ можно считать удовлетворительным. Мистер Гэллоуэй уже дважды приходил, разыскивая вас. Мне пришлось сказать ему, что я не знаю, где вы штатесь.

— О господи! Да если я нужен Гэллоуэю, он меня всё равно разыщет. Если бы он так старался рекламировать нашу продукцию за её достоинства, как он ищет разные

«интересные рекламные аспекты», то фирме было бы больше проку.

Гэллоуэй начинал меня раздражать. Он числился ответственным за сбыт, но мне кажется, что свои основные усилия он сосредоточил на том, что морочил голову нашему рекламному агентству. Но я, наверное, необъективен: мне ведь только бы конструировать. Все остальные, кроме конструкторов, по-моему, просто перекладывают бумажки с места на место.

Честно говоря, я знал, зачем я нужен Гэллоуэю, и нарочно шёл помедленнее. Он хотел устроить фотосъемку, нарядив меня в одежду 1900 года. Я ему говорил, что в костюмах 1970 года — пожалуйста, сколько угодно, пока плёнка не кончится, но 1900 год — это за 12 лет до того, как родился мой отец. Он сказал, что никто даже не заметит разницы, а я ответил ему, что яйца курицу не учат. Он заявил, что у меня неправильное отношение к делу.

Эти генераторы фикций, дурачащие публику, полагают, что люди сами не умеют ни читать, ни писать.

Макби сказал:

- Вы неправильно относитесь к работе, мистер Дэвис.
- Да? Весьма сожалею.

— Вы в странном положении. Числитесь по моему отделу, но я должен отдавать вас в распоряжение отдела сбыта и рекламы, когда им надо. Мне кажется, что с нынешнего дня вам следует отмечаться на проходной, как и всем остальным. А когда уходите из конторы в рабочее время, предупреждайте меня. Не забудьте.

Я медленно, пользуясь двоичной записью, сосчитал в уме до десяти.

- Мак, а вы отмечаетесь на проходной?
- Что? Нет, конечно. Я главный инженер.
- Разумеется. У вас и на двери кабинета так написано.

Но вот какая штука, Мак: я был главным инженером этого ящика с винтиками, когда вы ещё не брились. Вы что,

всерьёз полагаете, что я буду пробивать время в карточке на проходной?

Он залился краской.

— Может, и нет. Но я вас предупреждаю: не будете — не получите зарплату.

— Да ну? Нанимали меня не вы, и не вам меня увольнять.

— Ммм... посмотрим. Но уже перевести вас из своего отдела в рекламный я, по крайней мере, сумею — ваше место там. Если, конечно, ваше место вообще на нашей фабрике.— Он взглянул на мою чертёжную машину.— Здесь от вас толку никакого. Я не желаю, чтобы дорогая машина простоявала и дальше.— Он слегка поклонился.— Всего наилучшего.

Я проводил его до двери. Робот-рассыльный привёз пакет и кинул его в корзинку у моей двери, но я на него даже не взглянул. Я пошёл в наш кафетерий и уселся там, выпуская пар. Будучи человеком примитивно-прямо-линейным, Мак полагал, что открытия делаются числом, а не талантом. Ничего удивительного, что фирма не выдала ни одной новой разработки за многие годы.

Ну и чёрт с ними: я и так не собирался торчать тут всю жизнь.

Через час я вернулся в свой кабинет и обнаружил в корзинке для почты конверт с фирменной символикой. Я решил, что Мак уже прислал мне извещение об увольнении, не затягивая дело.

Но письмо оказалось из бухгалтерии. Оно гласило:

Уважаемый мистер Дэвис!

Касательно акций, о которых Вы спрашивали:

Дивиденды по большему блоку выплачивались с первого квартала 1971 по второй квартал 1980 года по первоначально выпущенным акциям и переводились на счет траст-фонда на имя некоего Хайнеке. В 1980 году произошла наша реорганизация, и дальнейшая имеющаяся информация довольно туманна, но, насколько можно судить, вновь изданные эквивалентные акции были проданы фирме «Космополитан Иншуранс Груп», которая владеет ими и сейчас.

Меньший блок акций, как Вы и полагали, принадлежал Белле Д. Джентри до 1972 года, а затем был передан во владение «Сиерра Аксентанс Корпорейшн», которая распродала их в розницу. Дальнейшую историю каждой акции можно уточнить, если желаете, однако это потребует времени.

Если наш отдел может ещё в чем-либо оказать Вам помощь — мы к Вашим услугам.

И. Е. Рейзер, гл. бухг.

Я позвонил Рейзеру, поблагодарил его и сказал, что получил всю информацию, которую хотел. Я узнал, что Рики так и не получила моих акций. Поскольку переуступка моих акций, отраженная в архиве фирмы, была явной подделкой, дело пахло Беллой. Этот Хайнике мог быть либо её подставным лицом, либо вообще фигурант вымышленной. Наверное, она уже пораскинула к тому времени мозгами, как надуть Майлса.

Очевидно, после смерти Майлса у неё было туга с наличными, и она продала меньший блок. Что стало с этими акциями потом, мне уже было совершенно интересно. Я забыл попросить Рейзера проследить и судьбу акций Майлса: это тоже могло быть ниточкой к Рики, даже если потом она и упустила эти акции. Но был уже вечер пятницы. Спрошу в понедельник, решил я. Сейчас мне не терпелось вскрыть ожидавший меня большой пакет — я увидел обратный адрес.

Ещё в начале марта я написал в патентное управление насчёт первых патентов на «Трудягу Тедди» и на «Чертёжника Дэна». Моё убеждение, что «Трудяга Тедди» — просто псевдоним «Универсальной Салли», было несколько поколеблено после моей встречи с «Чертёжником Дэном»: я уж начал подумывать, что если какой-то безвестный гений сумел придумать «Дэна» так близко к моим замыслам, то, наверное, он мог создать и столь же близкое подобие «Универсальной Салли». Моя теория подкреплялась тем, что оба патента были выданы в один год и оба принадлежали (по крайней мере до тех пор, пока их действие не истекло) одной компании — «Аладдину».

Но мне хотелось знать наверняка. И если изобретатель еще жив, то я хотел бы с ним встретиться: у этого парня наверняка есть чему поучиться.

Сначала я написал в патентное управление и получил от них только извещение, что вся информация о патентах, утративших силу ввиду истечения срока действия, хранится в национальном архиве в Карлсбадских пещерах. Я написал в архив и получил... бланк заказа и прейскурант. Пришлось писать в третий раз. Я отправил почтовый перевод и заказ на ксерокопии полных текстов обоих патентов — описания, формулы изобретений, чертежи.

Похоже, что в толстом пакете — ответ на мои вопросы.

Первым шел № 4 307 909 — патент на «Трудягу Тедди». Пропустив описание и формулу изобретения, я полез в чертежи. Формула вообще не имеет никакого значения нигде, кроме патентного суда: формулу пишут, включая в состав изобретения весь белый свет, а там уж дело экспертов-патентоведов обкусывать края, оставляя суть. Вот откуда и берутся патентные поверенные. А вот описание должно быть реалистическим. Но чертежи я умею читать быстрее, чем описания.

Мне пришлось признать, что «Тедди» отличается от «Салли». Он был лучше «Салли»: он умел делать больше, а некоторые узлы оказались проще. Основной принцип конструкции был тот же, но это естественно: любое устройство, созданное на ячейках Торсена и раньше «Салли», но с той же целью, должно было базироваться на тех же принципах, что я заложил в свою «Салли».

Я представил, что это я создаю такую машину... как будто это улучшенная модель «Салли». Мне ведь как-то приходила в голову такая мысль — создать «Салли» без этих бытовых ограничений, свойственных ей изначально.

Наконец я добрался до последней страницы и нашел имя изобретателя.

Я сразу узнал его: это был Д. Б. Дэвис.

Медленно и фальшиво насвистывая «Сейнт-Луи Блюз»,

я тупо глядел на свою фамилию на последней странице патента. Значит, Белла опять солгала. Интересно, подумал я, сказала ли она мне за всю нашу недолгую историю хоть слово правды? Конечно, Белла была патологической лгуньей, но я читал, что у патологических лгунов обычно есть какой-то стереотип: они начинают, отталкиваясь от правды, но затем приукрашивают её, а не выдумывают что-то от начала до конца. Значит, мою модель «Салли» не украли, а отдали другому инженеру, который «пригладил» конструкцию, а потом подали заявку на изобретение на моё имя.

Но ведь сделка с «Манникс» не прошла. В этом я был уверен, так как знал это из архивов фирмы. Да, но Белла сказала, что они не смогли выпускать «Салли», как собирались, и сделка расстроилась из-за этого.

Может, Майлс припрятал «Салли» для себя, а Белле сказал, что её украли? (То есть не украли, а... «переукрали»?)

Но тогда... Я плонул и перестал гадать. Это было явно безнадёжное дело; еще более безнадёжное, чем поиски Рики. Да я быстрее смогу устроиться в «Аладдин» на работу, чем разберусь, как к ним попали исходные патенты и кому от этого какая выгода. Дело это явно нестоящее: сроки действия патентов истекли, Майлс умер, а Белла, если и погрела на этом руки, выручив доллар-другой, то давно уже просадила их. Я удовлетворился единственным важным для себя обстоятельством, которое и требовалось доказать: изобретателем оказался я сам. Моей профессиональной гордости это льстило, а деньги — да кто о них беспокоится, если три раза в день на еду хватает?

Так что я перешёл к второму патенту — № 4 307 910, на первого «Чертёжника Дэна». Чертежи были — загляденье. Я и сам бы их не сумел сделать лучше. Ей-богу, тот парень оказался молодцом. Я поразился, увидев, как экономно были сделаны связи и как число цепей осталось прежним, а вот количество движущихся частей сведено к минимуму.

Он даже применил клавиатуру от электрической пишущей

щей машинки, а в чертежах указал ссылки на соответствующие патенты Ай-Би-Эм. Вот это умно. Это — класс: никогда не изобретай то, что можно купить на каждом углу.

Мне стало интересно, кто этот башковитый малый, и я заглянул на последнюю страницу.

Оказалось, это некий Д. Б. Дэвис.

Очень нескоро, но я все же позвонил доктору Альбрехту. Его разыскали, и я назвался — у меня в конторе не было видеотелефона.

— А я узнал голос,— ответил он.— Привет, стариk. Как у тебя там дела с новой работой?

— Да ничего, недурно. Стать совладельцем фирмы, правда, пока не предлагают.

— Ну, дай им подумать. Они вот так, сразу, не могут. А в остальном всё в порядке? В жизнь вписался?

— Ну ёщё бы! Если бы я знал, как здесь — то есть «сейчас» — здорово, я бы купил себе Холодный Сон раньше. Я бы теперь ни за какие деньги не согласился вернуться в 1970-й.

— Да ладно, брось! Я это время прекрасно помню. Я тогда был мальчишкой, жил в Небраске, на ферме. Ловил рыбу, охотился. Хорошо тогда было. Лучше, чем теперь.

— Ну, каждому своё. Мне тут нравится. Но... Док, я тут звоню не просто чтобы пофилософствовать. У меня назрела одна проблема.. Небольшая проблема.

— Ну, выкладывай. Небольшая — это хорошо: у большинства тут возникают б о л ь ш и е проблемы.

— Док, может Долгий Сон вызывать амнезию?
Он помедлил с ответом.

— Вообще-то, наверное, возможно. Лично я таких случаев не видел. Я имею в виду, без каких-то иных причин.

— А какие причины вызывают потерю памяти?

— Да разные. Самая частая — подсознательное желание самого пациента. Он забывает последовательность событий либо меняет их местами, потому что сами события для него непереносимы. Это — функциональная амнезия в чистом виде. Потом, есть ещё традиционный удар по голове — амнезия вследствие травмы. Ещё может быть амнезия от внушения: либо под воздействием психотропных препаратов, либо под гипнозом. А в чём дело, старина? Забыл, куда засунул чековую книжку?

— Да нет. Насколько я знаю, с чековой книжкой у меня всё в порядке. Но я никак не разберусь с некоторыми вещами, случившимися до того, как я завалился в Сон... и это меня беспокоит.

— Хм... а из тех причин, что я перечислил, что-нибудь подходит?

— Да,— медленно сказал я.— Любая подходит, кроме разве что удара по голове. Да и это могло случиться, когда я был пьян.

— Я еще забыл упомянуть,— сухо сказал он,— о потере памяти под воздействием алкоголя. Слушай-ка, сынок, давай приезжай ко мне, обсудим это дело. А если я не смогу разобраться, что с тобою (я ведь не психиатр), то отправлю тебя к гипноаналитику, который очистит твою память, как луковицу, и скажет тебе всё, даже почему ты опоздал в школу четвёртого февраля, когда учился во втором классе. Но это довольно дорого, так что давай вначале я сам попробую.

Я сказал:

— Док, я и так столько надоедал вам... А насчет вознаграждения вы человек щепетильный.

— Сынок, мои больные — это моя семья. Другой у меня нет. Поэтому вы все меня очень интересуете.

Я еле отделался от приглашения, сказав, что позвоню в начале следующей недели, если до тех пор не разберусь сам. Я решил ещё подумать над этим.

Большинство кабинетов уже опустело. У меня горел свет. Заглянула «Золушка»-уборщица, «увидела», что помещение занято, и молча выкатилась вон. Я остался сидеть.

Через некоторое время в дверь просунулась голова Чака Фриденberга.

— А я думал, ты давно ушёл. Вставай, дома доспиши. Я поднял голову.

— Чак, есть идея. Давай купим бочку пива и две соломинки.

Он подумал.

— А что... Сегодня пятница. А по понедельникам я люблю, чтобы голова немножко гудела: помогает вспомнить, какой это день недели.

— Решено и подписано. Подожди секунду: мне надо кое-что упихать в портфель.

Мы зашли выпить пива, потом в другой бар — поесть. Потом опять попили пива в одном баре с хорошей музыкой и перебрались в другой, уже без всякой музыки, где в кабинках была шумопоглощающая обивка и нас не трогали, только надо было раз в час что-нибудь заказывать. Мы смогли поговорить. Я показал Чаку оттиски патентов.

Чак внимательно рассмотрел прототип «Трудяги Тедди».

— Да, вот это работа, Дэн. Я тобой горжусь, парень. Дашь автограф?

— Лучше посмотри на этот.— Я протянул ему патент на чертёжную машину.

— В некотором смысле этот даже лучше. Дэн, ты отдаёшь себе отчет в том, что, вероятно, оказал большее влияние на современный уровень развития техники, чем, скажем, в своё время Эдисон? Ты это понимаешь, парень?

— Брось, Чак. Это все серьезно.— Я ткнул пальцем в кучу ксерокопий на столе перед нами.— О'кей, одна из этих машин — моя работа. Но я никак не могу быть автором второй — если, конечно, я не перепутал всё на ~~сете~~ насчет своей жизни до того, как я завалился в эту ~~мечту~~ чайку. Если я не страдаю амнезией.

— Ты твердишь это уже двадцать минут. Но, по-моему, у тебя в голове нет никаких коротких замыканий. Ты сумасшедший не больше, чем вообще требуется, чтобы стать инженером.

Я стукнул кулаком по столу, звякнули кружки.

— Я должен знать!

— А ну спокойнее. Что ты собираешься предпринять?

— Что? — Я задумался.— Собираюсь заплатить психиатру, пусть выкопает ответ из моей башки.

Он вздохнул.

— Этого я и ожидал. Ну, давай предположим, что ты заплатишь этому мозгокруту и он скажет, что память у тебя в порядке и что все реле разомкнуты? Что тогда?

— Но этого не может быть!

— Вот и Колумбу то же самое говорили... Ты даже не упомянул самого простого и наиболее вероятного объяснения.

— Какого?

Не ответив, он поманил официанта и велел принести телефонный справочник города и пригородов. Я спросил:

— Что, карету мне вызвать решил?

— Нет ёщё,— он пролистнул страницы в толстенной книге, остановился и сказал: — Глянь-ка сюда.

Я глянул. Он держал палец на колонке «Дэвис». Колонок было много, и в каждой были сплошь одни Дэвисы. Но в той, куда он показывал, была дюжина Д. Б. Дэвисов — от Дабни Дэвиса до Дунканна Дэвиса.

Было там и три Дэниэла Б. Дэвиса. Один из них — я.

— Это из семи миллионов людей. Хочешь прикинуть, сколько наберётся из двухсот пятидесяти миллионов?

— Это ничего не доказывает,— слабо возразил я.

— Да,— согласился он,— не доказывает. Было бы, надо признать, чистейшим совпадением, если бы два инженера, одинаково способных, работали бы в одном направлении, над одной машиной, одновременно, и имели бы при этом одинаковые фамилии и инициалы. Пользуясь теорией

вероятности, мы могли бы подсчитать, насколько мизерно мала вероятность такого совпадения. Но люди склонны забывать — особенно те, кому следовало бы помнить, вроде тебя,— что хотя теория вероятности и позволяет определить, сколь маловероятно подобное событие, она тем не менее с полной определённостью утверждает, что такие совпадения м о г у т б ы т ь. Похоже, здесь как раз такой случай. И такое объяснение мне гораздо больше по душе, чем предположение, что мой собутыльник по пиву своих-нулся с резьбы. Хорошие собутыльники попадаются чертовски редко.

— И что, ты считаешь, я должен делать?

— Во-первых, не тратить время и деньги на психиатров, пока не попробуешь сделать другое. Узнай имя этого Д. Б. Дэвиса, который оформил заявку на этот патент. Это наверняка несложно. Вполне вероятно, его зовут Декстер. Или даже Дороти. И не спеши сходить с ума, если это даже Дэниэл: у него второе имя — «Б» — может быть «Бриггс», а номер карточки социального страхования совсем другой. И третье, что тебе надо сделать. Или, вернее, первое — на время забыть обо всем этом и заказать ещё по кружке.

Так мы и сделали и стали говорить о другом, в основном о женщинах. Чак выдвинул теорию, что между женщиной и машиной много общего: и та, и другая непредсказуемы в поведении. Он стал рисовать пивом на крышке стола диаграммы, подтверждающие его соображения.

Спустя какое-то время я вдруг сказал:

— Эх, вот если бы существовали путешествия во времени, я знаю, что бы я сделал.

— А? Ты о чём?

— О своих проблемах. Смотри, Чак: я попал сюда — я имею в виду, попал в «сейчас», — путешествуя во времени на скрипучей телеге. Но беда в том, что я не могу попасть обратно. Всё, что так тревожит меня, случилось тридцать лет назад. Я бы вернулся обратно и выяснил бы правду...

если бы существовали настоящие путешествия во времени.

Он посмотрел на меня.

— Но они существуют.

— Ч т о?

Он внезапно протрезвел.

— Зря я это брякнул...

Я сказал:

— Может, и зря, но ты уже брякнул. Так что объясни мне, чтó ты имел в виду, прежде чем я опрокину тебе на голову эту кружку.

— Извини, Дэн. Сорвалось.

— Говори!

— Вот этого-то я сделать и не могу.— Он оглянулся по сторонам. Поблизости никого не было.— Это засекречено.

— Путешествия во времени засекречены? Господи, почему?

— Чёрт побери, парень, ты что, никогда на правительство не работал? Да они бы и секс засекретили, если бы могли. Какие тут нужны «почему»? Это просто их политика. Но поскольку это в с ё - т а к и засекречено, извини; не могу. Так что отстань.

— Но... не дури, Чак, мне же это очень важно. Ужасно важно.— Он упрямо смотрел на свою пустую кружку. Я добавил: — Ну, м н е -то ты можешь рассказать. У меня как-никак был допуск «СС». И меня никто его не лишил. Просто я больше не работаю на правительство.

— А что такое «допуск «СС»?

Я объяснил, и он наконец кивнул.

— Ясно. У нас это называется «статус Альфа». Да, парень, ты, видно, был на горячей работёнке. У меня и то только «Бета».

— Тогда почему ты не можешь мне рассказать?

Но он заупрямился, и тогда я сказал презрительно:

— Я думаю, что такого быть не может. Я полагаю, у тебя просто отрыжка с перепою. Ну, бывает!..

Он некоторое время торжественно смотрел на меня.

Потом сказал:

— Дэнни?

— А?

— Я тебе расскажу. Только помни про свой статус Альфа, парень. А расскажу я тебе потому, что это никому не повредит. Я хочу, чтобы ты понял: для тебя и твоих проблем в этом деле решения нет. Это действительно путешествие во времени, да только применить его практически тебе вряд ли удастся.

— Почему?

— Дай досказать, а? Установка не отлажена, и нет никакой надежды, что её когда-нибудь огладят. Она не имеет никакого практического значения, даже для исследователей. Это просто побочный продукт исследований в области антигравитации, вот поэтому его и засекретили.

— Но ведь антигравитацию-то, чёрт возьми, рассекретили!

— Ну и что из этого? Если бы это можно было применять в коммерческих целях — тогда, может быть, это тоже рассекретили бы. Так что молчи.

Боюсь, что я ещё что-то говорил, но лучше уж я скажу, что сразу же приумолк. Когда Чак учился на последнем курсе в Колорадском университете, в Боулдере, он подрабатывал техником-лаборантом. У них там была большая криогенная лаборатория, и сперва он работал в ней. Но университет отхватил жирный кусок — подписал с военными контракт на исследования, связанные с эдинбургской теорией поля. В горах, за городом, построили новую большую физическую лабораторию. Чака перевели туда, в распоряжение профессора Твитчела — Хьюберта Твитчела, который чуть не получил Нобелевскую премию, и это «чуть» его крепко задело.

— Твитчу нашему взбрело в голову, что если бы он дал поляризацию по другой оси, то мог бы не только довести гравитационное поле до нуля, но и изменить его знак!

Ничего не вышло. Тогда данные эксперимента он загрузил в компьютер. Увидев результаты, он выкатил глаза. Мне он их, ясное дело, не показал. В тест-камеру установки — тогда в тех краях ещё были в обращении металлические деньги — он сунул два серебряных доллара, заставив меня перед этим пометить их. Он нажал на кнопку соленоида, и они исчезли.

Не то чтобы трюк был необыкновенный,— продолжал Чак.— Для полного эффекта надо было бы, чтобы он достал их из уха или из носа какого-нибудь мальчишки, согласившегося выйти на сцену. Но его, видимо, результаты опыта устраивали. Меня тоже — мне платили повременно.

Через неделю один из этих долларов появился в камере снова. Только один. Но ещё до этого как-то раз во время уборки — шефа не было,— в камере появилась морская свинка. У нас в лаборатории таких не было, раньше я её там не видел, поэтому захватил с собой и на обратном пути показал нашим биологам. Они сосчитали своих: вроде все были на месте, хотя с морскими свинками, сам знаешь, полной уверенности нет. Тогда я взял её домой — пусть поживет.

После возвращения того единственного доллара Твич навалился на работу так, что даже бриться перестал. В другой раз он поставил такой же эксперимент на двух свинках из биологической лаборатории. Одна из них показалась мне очень знакомой, но получше рассмотреть её я не успел: он нажал свою красную кнопку, и свинки исчезли.

Когда одна из них — та, что не была похожа на мою,— вернулась дней через десять, Твич понял, что дело в шляпе. Тут заявился тип из оборонного отдела — этакий штабист-полковник. Оказалось, тоже профессор. По ботанике... Очень кадровый тип. Твичу он был нужен, как... Но этот полковник заставил нас принести ещё одну присягу, сверх наших допусков. Он решил, что наткнулся на величайшее изобретение в военном искусстве с тех времён, как Цезарь изобрел копировальную бумагу. Что он придумал: берёшь

дивизию, посылаешь её в прошлое или будущее, на то сражение, которое проиграл либо проиграешь,— и победа за нами. Противник даже не догадывается, что произошло. Это всё, конечно, была сущая галиматья, и генеральскую звезду за это дело он не получил. Но гриф «совершенно секретно», который он на это дело поставил, пристал и стоит, насколько мне известно, по сию пору: о рассекречивании я не слышал.

— Для военных нужд это вполне можно использовать,— возразил я,— как мне кажется, если придумать камеру, способную отправлять в путешествие сразу дивизию солдат. Нет, погоди минутку: я понял, в чём тут собака зарыта. Они у вас всегда шли парами. Значит, нужны две дивизии: одна пойдет в прошлое, другая — в будущее. Одну вы, естественно, просто теряете... По-моему, умнее всего просто иметь дивизию в нужном месте и в нужное время.

— Ты прав, хотя рассуждаешь и неверно. Совсем не обязательно посыпать в разные стороны две дивизии или двух свинок, вообще два одинаковых объекта. Надо просто уравнять массы. Можно послать дивизию солдат и кучу камней, которые весят столько же. Это же просто правило действия и противодействия — третий закон Ньютона.— Он опять начал рисовать по столу пролитым пивом.— MV равняется MV ... базисная формула реактивного движения. Производная формула путешествий во времени — $MT = mt$.

— Все равно не понимаю, в чём я не прав. Камни — штука недорогая.

— Пошевели мозгами, Дэнни. Ракету можно на что-то нацелить, ядри её в загиб. А как целиться в прошлую неделю? Ну-ка, покажи, где она сейчас? Никакого понятия, которая из масс отправится вперед, а которая — назад. Способа ориентировать оборудование во времени мы ещё не нашли.

Я примолк в тряпочку. Действительно, может полу-

читься неловко, если генералу вместо дивизии солдат забросят кучу камней. Неудивительно, что экс-профессор так и не стал генералом. Чак тем временем продолжал:

— Тут надо рассматривать две массы как пластины конденсатора, заряженные до одинакового темпорального потенциала. Потом происходит разряд: шмак! — одна из них направляется в середину будущего года, а вторая — в историю. Вот только жаль, что никогда не знаешь, какая куда. Но худшее — не это. Ты же не сможешь вернуться.

— А кто собирается возвращаться?

— Ну смотри, какой в этом смысл для исследователя, если нельзя вернуться? Или для коммерческого применения? В какую бы сторону ты ни прыгнул, деньги твои там — не деньги, а связаться с тем временем, откуда ты прибыл, ты не сможешь. Нет оборудования. А оборудования и энергии на это надо много, уж ты мне поверь. Мы, например, получали энергию от генераторов Арко. Дороге удовольствие... Это — ещё один недостаток.

— А ведь вернуться можно, — предположил я, — с помощью Холодного Сна.

— Да? Это если попадешь в прошлое. Можешь ведь ненароком попасть и в другую сторону — заранее-то не угадаешь. Да и то, если попадешь в достаточно недалёкое прошлое, скажем, не глубже войны. Но какой смысл? Хочешь узнать что-то про 1980 год, скажем, — возьми да спроси или поройся в старых газетах. Это если бы можно было как-то сфотографировать распятие Христа... Да только нельзя. Не только потому что обратно не вернёшься: туда тоже не попадёшь. Просто на всём земном шаре не наберётся столько энергии. Здесь тоже действует обратно пропорциональная квадратичная зависимость.

— И всё равно нашлись бы люди, готовые попробовать ради самого эксперимента. Неужели никто не рискнул?

Чак опять огляделся по сторонам.

— Я и так наболтал тут лишнего...

— Ну, так ещё чуть-чуть уже не повредит.

— Я думаю, что рискнули трое. Я думаю. Первым стал один преподаватель. Я был в лаборатории, когда пришел Твитч с этим гусем, Лео Винсентом. Твитч сказал, что я могу идти домой. Я поошивался на улице, и вскоре Твитч вышел, а этот Лео Винсент — нет. Насколько мне известно, он ещё там. В Боулдере он после этого не преподавал, это точно.

— А ещё двое?

— Студенты. Вошли они все вместе, а вышел один Твитч. Но один студент явился в аудиторию на другой день, а второго не было целую неделю. Вот сам и прикинь.

— Ну, а ты сам не чувствуешь искушения?

— Я? У меня что, голова квадратная? Твитч настаивал, говорил, что это просто мой долг перед наукой. Но я сказал: нет уж, спасибо, благодарю покорно, я лучше пойду пивка попью. Вот если он захочет — я что ж, я пожалуйста: на кнопочку-то я нажму с удовольствием.

— А я бы рискнул. Я бы разобрался в том, что меня мучает... а потом вернулся бы с помощью Холодного Сна. По-моему, дело того стоит.

Чак глубоко вздохнул.

— Всё, дружок, хватит тебе пива на сегодня, больше не получишь: ты уже пьян. Ты меня совсем не слушаешь. Во-первых,— он начал рисовать большие цифры пивом по столу,— неизвестно, попадёшь ли ты в прошлое. Вместо этого можешь залететь в будущее.

— Ну что ж, риск — дело благородное. Нынешнее время нравится мне гораздо больше, чем то, моё. Может, лет через тридцать понравится ещё больше...

— О'кей, можешь опять воспользоваться Долгим Сном: это безопасней. Или просто сиди, не дергайся и жди, пока это время наступит. Я так и собираюсь сделать. Только перестань перебивать. Во-вторых, даже если тебя забросит в прошлое, ты можешь здорово промахнуться по 1970-му: насколько я понимаю, Твитч работал вслепую, никакой

калибровки у него не было. Я, правда, был просто подай-принеси... В-третьих, лаборатория эта построена в 1980-м на том месте, где раньше была сосновая роща. Предположим, что очутишься в этом месте десятью годами раньше, чем она была построена, прямо на том месте, где торчит ствол одной из сосен? Взрыв будет — как от кобальтовой бомбы. Жаль, что ты этого не увидишь.

— Но... Я вообще не уверен, что появлюсь вблизи лаборатории. Не исключено, что я попаду в космос, в то место, где была раньше эта лаборатория в то время, когда Земля... то есть... ну, ты понял.

— Я-то понял, а вот ты — нет. Ты останешься в том же пространственно-временном континууме, в котором был. Про математику не беспокойся: просто вспомни, что было с морскими свинками. Но если попадёшь туда, где была лаборатория, то можешь устроить фейерверк. И в-четвёртых: как ты собираешься возвращаться сюда, пусть даже посредством Холодного Сна, даже если ~~ты~~ попадёшь в нужную сторону и в нужное время и живым?

— А что? Один раз я уже сделал это. Что мне помешает сделать это во второй раз?

— Ну да. Только где ты возьмёшь на это денег?

Я открыл рот — и закрыл его. Этот аргументставил меня в дурацкое положение. Когда-то деньги у меня были. Теперь — не было. Даже то немноже (и явно недостаточное), что мне удалось скопить, я не мог бы взять с собой. Да если бы я даже ограбил банк (а я об этом ремесле знал маловато...), украл миллион и взял с собой, то истратить его в 1970-м я всё равно не смог бы: дело кончилось бы тюрьмой. Фальшивомонетчиков в семидесятом не жаловали... Не говоря уже о номерах и рисунке, у нынешних денег даже цвета были другие.

— Попробую накопить там, в семидесятом.

— Умница. Только пока копишь, рискуешь оказаться здесь снова, только уже естественным путем — без шевелюры и зубов.

— О'кей, о'кей. Давай вернёмся к тому, последнему моменту. Был ли там когда-нибудь большой взрыв? Там, где теперь стоит лаборатория?

— По-моему, не было.

— Значит, я *не окажусь* на месте дерева, потому что я *не оказался* там. Ты понял?

— Я тебя понял раньше, чем ты открыл рот. Опять старый добрый парадокс времени. Только я на это не куплюсь. Я тоже немало поломал голову над теорией пространства-времени. Может, побольше твоего. Всё наоборот. Взрыва не было, и ты не окажешься в том месте, где стоит дерево... потому что ты никогда не совершишь этот прыжок во времени. Ты понял меня?

— А если всё-таки совершу?

— Не совершишь. Из-за моего «в-пятых». Слушай внимательно: сейчас я тебя добью окончательно. Ты никуда не прыгнешь, потому что эта штука засекречена и ты просто не сумеешь к ней подойти. Тебя не подпустят. Так что, Дэнни, давай забудем об этом деле. У нас получился очень интересный, прямо-таки интеллектуальный вечерок. Утром ФБР уже станет меня искать. Так что давай ещё по одной, и если в понедельник я случайно буду на свободе, я позвоню главному инженеру «Аладдина» и узнаю, как этого Д. Б. Дэвиса звали или зовут: может, он и сейчас у них работает. Тогда мы можем позвать его пообедать и поболтать с нами про технику. Да и вообще я бы хотел познакомить тебя со Спрингером, их главным инженером: он очень славный малый. И забудь ты эту чушь с путешествиями во времени: сроду им эту штуку до ума не довести. Не следовало мне вообще рассказывать тебе о ней... и если ты скажешь кому-нибудь, что я тебе это говорил, то я посмотрю тебе прямо в глаза и заявлю, что ты врёшь. Мой допуск ещё может мне когда-нибудь пригодиться.

Тут мы взяли ещё по одной. Пока я добрался до дому и влез под душ, я понял, что он прав. Пытаться решить мои проблемы, прыгая из времени в другое время,— это

всё равно что лечить перхоть гильотиной. А главное, Чак скорее всего сумеет узнать всё, что меня интересует, у Спрингера за рюмочкой виски: без суеты, без нервотрепки, без затрат и риска. А нынешнее время мне нравится.

Забравшись в кровать, я протянул руку и взял накопившиеся за неделю газеты. Я теперь получал «Таймс» ежедневно, пневмопочтой, с тех пор как стал солидным, добродорядочным гражданином. Я не очень ею занимался: голова у меня постоянно была занята какими-нибудь инженерными проблемами, и мелькание газетных новостей либо раздражало меня своей занудностью, либо, наоборот, попадалось что-то интересное и отвлекало от работы.

Однако я никогда не выкидывал газету до тех пор, пока хотя бы не просмотрю заголовки и тот раздел объявлений, где помещена личная информация. Нет, не о рождении и смертях, не о браках и разводах — о «пробуждениях», то есть о проснувшихся сонниках. Мне всё казалось, что однажды я наткнусь на знакомую фамилию, и тогда я поеду встретить человека, которого знал до Сна, чтобы сказать ему доброе слово и, может быть, чем-нибудь помочь. Вряд ли такое могло случиться, но я продолжал искать, и этот поиск давал мне какое-то удовлетворение.

Наверное, подсознательно я воспринимал всех сонников как свою «родню». Ну, это как служба в одном подразделении: если ты служил там, пусть даже не со мною, а в другое время, значит, ты мой друг, по крайней мере до такой степени, что за это стоит выпить по рюмочке.

Особых новостей в газетах не было, кроме космического корабля, по-прежнему числившегося пропавшим без вести где-то между Землей и Марсом. Но это скорее была не новость, а её прискорбное отсутствие. Не нашёл я и имён старых знакомых среди недавно проснувшихся сонников. Я лёг и стал ждать, когда погаснет свет.

Около трёх ночи я вдруг проснулся и сел. Автомат включил свет, и я заморгал, щурясь. Мне приснился

страшный сон — не кошмар, но почти — будто бы я не заметил в объявлении среди других имён имени Рики.

Я знал, что этого быть не могло. И всё равно, увидев, что скопившаяся за неделю стопка газет лежит на прежнем месте, я почувствовал огромное облегчение. Я ведь мог запихать их в шахту мусоропровода, как я частенько делал.

Притащив их опять в кровать, я стал снова просматривать объявления. Теперь я читал всё подряд: рождения, смерти, браки, разводы, усыновления, погружения и пробуждения, потому что мне подумалось: возможно, мой взгляд зацепился за имя Рики неосознанно, когда я краем глаза видел другие колонки, просматривая «пробуждения». Может, Рики вышла замуж или у неё родился ребенок...

Я чуть не пропустил то, что вызвало этот неприятный сон. В номере от второго мая 2001 года среди состоявшихся накануне, во вторник, пробуждений было: «Хранилище Риверсайд... Ф. В. Хайнеке».

Ф. В. Хайнеке?

Хайнеке была фамилия бабушки Фредерики, я это теперь знал точно. Я просто был в этом убежден. Не знаю, почему я был так уверен. Но она была глубоко спрятана где-то в глухом уголке моей памяти и не вспыльвалась, пока я не наткнулся на неё в газете. Когда-то я наверняка слышал эту фамилию от Майлса и Рики, а может быть, и встречался с почтенной бабулей в Сандии. Так или иначе, попавшаяся на глаза в «Таймс» фамилия нашла свою ячейку в моей памяти, и я вспомнил.

Оставалось только доказать это. Мне надо было убедиться, что «Ф. В. Хайнеке» — это и есть Рики.

Меня трясло от волнения, от страха и предвкушения. И хотя новые, современные привычки у меня уже вполне сформировались, я начал застегивать одежду, вместо того чтобы просто сложить швы вместе и надавить. Одевание превратилось в пытку. Но уже через несколько минут я спустился в вестибюль, где у нас был телефон-автомат (в моей комнате телефона не было; номер в справочнике — это

номер этого самого автомата). Тут выяснилось, что придётся опять бежать наверх: свою карточку с номером кредитного счёта на телефон я оставил в комнате. Вот как я разволновался.

Когда я принёс её вниз, у меня так тряслись руки, что я еле попал карточкой в прорезь. Воткнув наконец её в щель, я набрал служебный номер.

— Слушаю. Что вам угодно?

— Э-э, я... мне надо хранилище Риверсайд. Это в Риверсайде.

— Ищу... нашла... линия свободна. Ждите ответа.

Наконец осветился экран, и на меня взглянул заспанный, угрюмый человек.

— Вы, должно быть, набрали не тот номер. Это хранилище. У нас ночью закрыто.

Я поспешно сказал:

— Не отключайтесь, пожалуйста. Если это хранилище Риверсайд, то мне именно оно и нужно.

— Ну, и чего вам надо? В такой-то час?

— У вас есть клиент. Ф. В. Хайнеке. Из недавно пробудившихся. Я хотел узнать...

Он покачал головой.

— Мы не даём по телефону информацию о наших клиентах. И уж во всяком случае не посреди ночи. Позвоните после десяти утра. А ещё лучше — приезжайте.

— Обязательно. Но я хочу узнать только одно: как расшифровываются инициалы Ф. В.?

— Я же вам сказал. Мы...

— Дослушайте меня, ради Бога! Я не собираюсь врываться к вам. Я сам сонник. Соутелл. Гоже недавно пробудился. Так что я прекрасно знаю всё про заботу о покое клиентов и все правила. Но вы уже опубликовали имя клиента в газете. Мы оба — и вы, и я — знаем, что хранилища обычно дают в газеты полные имена погруженных в сон и пробужденных. А газеты для экономии места урезают их до инициалов. Так?

Он чуть подумал.

— Возможно.

— Тогда что случится, если вы сообщите мне полное имя вместо инициалов «Ф. В.»?

Он поколебался мгновение.

— Пожалуй, что ничего страшного, если это всё, что вас интересует. Но больше я вам ничего не сообщу. Ждите.

Он исчез с экрана, и мне показалось, что его не было целый час.

— Света маловато,— сказал он, щурясь и взглядываясь в карточку.— Фрэнсис. Нет, Фредерика. Фредерика Вирджиния.

В ушах у меня зазвенело, и я чуть не упал в обморок.

— Слава Богу!

— Эй, с вами всё в порядке?

— Да. Спасибо... Спасибо вам от всего сердца! Да, я в полном порядке.

— Хммм... Наверное, беды не будет, если я скажу вам ещё одно: может, не поедете зря. Она уже выбыла.

9

Я бы мог добраться скорее, наняв такси до Риверсайда, но с наличными у меня было тугу. Жил я в Западном Голливуде; ближайший круглосуточный банк был в центре, в районе Большого Кольца Ленты. Пришлось ехать на ленте в центр и зайти в банк за наличными. Одним из серьезных элементов прогресса, который я ещё не успел до этого оценить, оказалась единая сберегательно-чековая система: одна ЭВМ на весь город и радиоизотопный код на моей чековой книжке позволили мне получить на руки наличные так же быстро, как в ближайшем ко мне отделении сберегательного банка, напротив «Золушки Инк.».

Потом я перебрался на экспресс-ленту до Риверсайда. Когда я добрался туда, светало.

Кроме ночного техника, с которым я разговаривал, и его жены, работавшей там же дежурной медсестрой, там ещё никого не было. Боюсь, что я произвел на них плохое впечатление: безумные глаза, суточная щетина на щеках, запах пива. И отсутствие убедительной версии — я не успел придумать, что бы им наврать.

И тем не менее миссис Ларриган, дежурная сестра, оказалась очень доброжелательной. Она достала из папки фотографию.

— Это ваша кузина, мистер Дэвис?

Это была Рики. Вне всякого сомнения, это была Рики! Ну, не та Рики, которую я знал когда-то,— это была уже не девочка, а молодая женщина, лет двадцати с небольшим, с взрослой прической, очень красивая. Она улыбалась.

Но её глаза не изменились, и какая-то неуловимая привлекательная черточка, делавшая её когда-то таким очаровательным ребенком, тоже осталась в ней. Это было то же лицо: зрелое, наполненное женственностью, красивое, но безошибочно — то же самое.

Стереофото вдруг потеряло объёмность и резкость: на мои глаза набежали слёзы.

— Да,— выдавил я из себя. Голос у меня прерывался.— Да. Это Рики.

Мистер Ларриган сказал:

— Напрасно ты показываешь ему это.

— Фу ты, Хэнк, да пусть себе смотрит! Тоже беда!

— Ты знаешь правила,— он повернулся ко мне.— Я же сказал вам по телефону, мистер: мы не даём информацию о наших клиентах. Приходите в десять, когда откроется административное здание.

— Или в восемь,— добавила его жена.— Доктор Бернстайн уже придет.

— Ну, Нэнси, тебе бы помалкивать. Если хочет получить информацию — пусть идёт к директору. Делать доктору Бернстайну больше нечего, кроме как на вопросы отве-

чать. Да она, кстати, была вовсе и не его пациенткой.

— Ну чего ты, Хэнк! Вы, мужчины, любите правила ради правил. Раз он так спешит её увидеть, к десяти он может быть уже в Броули.— Она повернулась в мою сторону: — Приходите лучше всего к восьми. Мы с мужем действительно ничего больше не можем вам сказать.

— А что вы сказали насчет Броули? Она что, поехала туда?

Не будь рядом ее мужа, она, наверное, сказала бы мне и про это. Но как только она открыла рот, он посмотрел на неё так выразительно, что её решительность куда-то исчезла. Она ответила только:

— Вы поговорите с доктором Бернстайном. Если вы ещё не завтракали, то совсем рядом есть очень хорошее кафе.

Пришлось идти в «очень хорошее кафе» (что оказалось сущей правдой), где, помимо завтрака, я смог купить в туалетной комнате в одном автомате свежую сорочку, а в другом — тюбик пасты «брадобрей». Я умылся, привёл себя в порядок и, сменив сорочку, выкинул старую в урну. Когда я вернулся в хранилище, я выглядел вполне респектабельно.

Но Ларриган, похоже, успел уже нашептать про меня доктору Бернстайну. Он оказался молод (видимо, недавно окончил институт) и очень официален.

— Мистер Дэвис, вы утверждаете, что вы тоже сонник. Тогда вам должно быть известно, что многие преступники пользуются доверчивостью и дезориентированностью недавно пробудившихся сонников. У большинства сонников есть немалые средства; они обычно немного не в своей тарелке; одиночество и боязнь нового окружения делают их лёгкой добычей для мошенников и проходимцев.

— Но я только хочу узнать, куда она уехала. Я её кузен. Но я купил себе Холодный Сон раньше неё и даже не предполагал, что она тоже собирается это сделать.

— Вот и все так обычно говорят — утверждают, что

родственники.— Он пристально на меня взглянул.— А я нигде не мог видеть вас раньше?

— Сильно сомневаюсь. Разве что на ленте, где-нибудь в городе — могли случайно ехать рядом.— Люди часто принимают меня за кого-то знакомого: у меня такая типичная внешность — очень стандартное лицо; оно лишено уникальности, словно горошина в банке с горохом.— А может, доктор, вы позвоните в Соутелл и справитесь обо мне у доктора Альбрехта?

Он посмотрел на меня, словно судья на подсудимого.

— Ступайте к директору, когда тот придет. Пусть он и звонит в Соутелл... или в полицию — как сочтет нужным.

Я ушёл. И тут я, наверное, сделал ошибку. Вместо того, чтобы пойти к директору и, вполне вероятно, получить от него всю необходимую информацию (думаю, доктор Альбрехт поручился бы за меня), я схватил гравитакси и двинул прямиком в Броули.

Чтобы отыскать её след в Броули, понадобилось три дня. Да, она тут жила. Да, у неё была бабушка. Но бабушка умерла двадцать лет тому назад, а Рики воспользовалась Сном. Броули не Лос-Анджелес: тут всего сто тысяч жителей — пустяки в сравнении с семью миллионами. Отыскать в архивах информацию двадцатилетней давности было достаточно просто. А вот свежие, недельной давности следы отыскать было гораздо труднее.

Отчасти это объяснялось тем, что я искал одинокую молодую женщину; с нею, как оказалось, был спутник. Узнав об этом, я вспомнил лекцию доктора Бернстайна о жуликах, обирающих сонников-новичков, и заспешил ещё сильнее.

Я поехал за ними в Калексико: ошибка. Пустышка. Вернулся обратно в Броули. Начал сначала, опять нашёл след и проследил их путь до самой Юмы.

В Юме я прекратил поиски: Рики вышла замуж. Запись в журнале, который мне показали в конторе местного управления, так поразила меня, что я бросил всё и немед-

ленно махнул в Денвер, успев только бросить открытку Чаку с просьбой выгнать все пожитки из моего стола и отвезти ко мне домой.

В Денвере я остановился ровно на столько, чтобы посетить магазин зубоврачебных принадлежностей. Я не бывал в Денвере с тех пор, как он стал столицей: после Шестинедельной войны мы с Майлсом сразу уехали в Калифорнию. Город ошеломил меня: я даже не сумел отыскать Колфакс-авеню. Я знал, что все важные правительственные учреждения и службы теперь упрытаны глубоко в отрогах Скалистых гор. Но если так, то в городе осталось ещё навалом неважных: столпотворение было — почище, чем в Большом Лос-Анджелесе.

В магазине я купил десять килограммов золота, изотоп 197, в виде трёхмиллиметровой проволоки. Заплатил за него по 86 долларов 10 центов за килограмм — явно переплатил, учитывая, что техническое золото шло долларов по семьдесят; приобретение нанесло огромный моральный ущерб единственной тысячедолларовой банкноте в моем кармане. Но техническое золото идёт в продажу в таких сплавах, которых в природе не бывает, либо включает изотопы 196 и 198, либо — по индивидуальным заявкам лабораторий — имеет и то и другое. Мне для моих надобностей требовалось золото, неотличимое от выплавленного из натуральных золотых самородков. Кроме того, после облучения в Сандии я с большой опаской относился к радиации и не хотел иметь дела с радиоактивными изотопами.

Я обмотал золото вокруг себя и отправился в Боулдер. Десять килограммов золота — это, в сущности, вес собранной для пикника сумки. А по объёму оно занимает не больше, чем квarta молока. Правда, в виде проволоки оно более громоздко, чем в слитке: в общем, в качестве корсета рекомендовать не могу. Но так оно было всегда при мне. А носить при себе слитки было бы ещё труднее.

Доктор Твитчел по-прежнему жил там же, в Боулдере, хотя и не работал: он теперь был почётным профессором-консультантом и проводил большую часть того времени, что не спал, в баре факультетского клуба. Четыре дня я караулил его, чтобы поговорить в каком-нибудь другом баре: в факультетский бар чужаков вроде меня не пускали. Поймав же, обнаружил, что угостить его выпивкой совсем не сложно.

Он был фигурант трагической в классическом древнегреческом смысле: большой — великий! — человек, потерпевший крах. Его место было в одном ряду с Эйнштейном, Бором и Ньютоном. А вышло так, что лишь несколько специалистов по теории поля понимали истинное значение его работ. Когда я с ним познакомился, оказалось, что его блестящий ум затуманен разочарованием, возрастом и алкоголем. Как будто смотришь на развалины прекрасного храма: крыша рухнула, упали многие колонны, и все эти руины обвил плющ.

И всё равно он и теперь, на закате дней своих, был умнее, чем я в свои лучшие годы. Я и сам не дурак и могу оценить настоящего гения, если с ним сводит судьба.

Когда я впервые увидел его, он поднял голову, посмотрел прямо на меня и сказал:

— Это опять вы...

— Сэр?

— Вы были одним из моих студентов, не так ли?

— О нет, сэр, не имел такой чести.— Обычно, когда люди говорят, что мы встречались, я отмахиваюсь. На этот раз я решил этим воспользоваться, насколько удастся.— Вы, наверное, приняли меня за моего кузена, доктор. Выпуск шестьдесят шестого года. Он одно время у вас учился.

— Возможно. В чем он специализировался?

— Он ушёл из колледжа, не получив степени. Но он всегда восхищался вами. Он никогда не упускал случая упомянуть, что учился у вас.

Если сказать матери, что у неё красивый ребенок, вряд ли она обидится. Твитчел разрешил мне присесть за его столик, а потом — и заказать на двоих выпивку. Величайшей слабостью почтенного старца было его профессиональное тщеславие. Те четыре дня, что я пытался поймать его, я прилежно учил наизусть то, что удалось найти про него в университетской библиотеке, так что знал теперь, какие работы он написал и где выступал с докладами, какими почётными степенями награждён и какие книги выпустил. Одну из его книг я попробовал осилить, но уже на девятой странице сдался: базы не хватало. Хотя кой-каких словечек поднабрался.

Я намекнул ему, что занимаюсь науковедением: собираю материал для книги «Невоспетые гении».

— А о чём будет эта книга?

Я робко признался, что хотел бы начать книгу с рассказа о его жизни и трудах... если, конечно, он согласится немного изменить своей привычке избегать популярности. Я бы очень хотел получить от него некоторые сведения...

Он заявил, что это дребедень, что он даже слушать об этом не желает. Но я заметил, что это его долг перед будущими поколениями, и он согласился подумать. На другой день он уже решил, что я собираюсь написать его биографию, а не просто включить главу о нём в книгу. С этого момента он заговорил, и всё говорил... говорил... я еле успевал записывать. Записывал я всерьёз: я бы не рискнул делать вид, что записываю. Время от времени он просил меня прочитать ему, что он там наговорил, а я написал.

Но про путешествия во времени он не обмолвился ни словечком.

Наконец я рискнул:

— Доктор, а правда, что если бы не некий полковник, что был тут когда-то расквартирован, то Нобелевскую премию вам бы на блюдечке принесли?

Он виртуозно матерился минуты три подряд.

— А кто вам сказал?

— Видите ли, доктор, когда я проводил одно фактографическое исследование для министерства обороны... я не говорил вам об этом?

— Нет.

— Ну, так вот, когда я там работал, я узнал всю эту историю от одного молодого учёного из соседнего сектора. Он читал весь доклад и сказал: совершенно очевидно, что вы были бы самым известным учёным в современной физике, если бы вам разрешили опубликовать вашу работу.

— Хррммм... Пока всё так.

— Но я понял, что она была засекречена с подачи этого полковника... э-э, Плашбóтама.

— Трэшбóтэма. Трэшбóтэма, сэр. Жирный толстозадый идиот. Он бы не нашёл свою шляпу, если бы она была прибита у него к голове. Чего, кстати, он вполне был достоин.

— Да, очень прискорбно.

— Что? Что Трэшбóтэм был дурак? Так это природа виновата, а не я.

— Очень прискорбно, что мир лишился исторического открытия. Насколько я понимаю, вам не положено об этом рассказывать?

— Кто вам сказал? Я могу рассказывать всё, что мне угодно!

— Я так понял, сэр, из рассказа моего знакомого из министерства.

— Хррммм!..

Это было всё, что мне удалось в тот вечер от него услышать. Чтобы он решил показать мне лабораторию, понадобилась ещё неделя.

Большую часть здания занимали теперь другие исследователи, но свою лабораторию он так и не отдал, хотя и не пользовался ею больше. Он заявил, что она засекреченная, и никого близко к ней не подпускал. Не дал он и демонтировать свою установку. Когда он отпер дверь и впустил

меня внутрь, в лаборатории пахло, как в склепе, который не открывали много лет.

Ему было нипочём: он уже успел достаточно выпить. Вообще ёмкость на выпивку у него ещё была о-го-го. Он стал читать мне лекцию по математическому обоснованию теории времени и темпорального смещения (слов «путешествие во времени» он не употреблял), но предупредил, чтобы я не записывал. Не послушайся я его, мало что изменилось бы: он начинал абзац словами «Отсюда очевидно, что...» и переходил к таким сложным материям, которые были очевидны, я думаю, только господу Богу да ему самому, но уж никак не нам, простым смертным.

В одну из пауз я сумел вклиниваться:

— Мой друг сказал мне, что вам так и не удалось откалибровать установку. Значит, вы не можете заранее определить точную величину предполагаемого темпорального смещения?

— Что? Чушь собачья! Молодой человек, если это нельзя измерить — это не наука.— Он немного побулькал, как кипящий чайник. Потом продолжал: — Вот, смотрите. Я вам покажу.— Он отвернулся и стал крутить ручки. От его оборудования на виду были только «темпоральный локализатор» — просто невысокая платформа, окруженная металлической сеткой,— да пульт управления, вроде тех, что используются для автоклавов или вакуумных камер. Наверное, если бы мне дали подойти к пульту поближе, я смог бы разобраться, как им управлять. Но мне было довольно резко велено держаться в сторонке. Я увидел восьмиканальный рекордер Брауна, несколько мощных соленоидных пускателей и ещё полдюжины других, тоже хорошо известных устройств, но без схемы прибора толку от них было ноль.

Он повернулся ко мне и решительно спросил:

— Есть у вас какая-нибудь мелочь в карманах?

Я достал из кармана пригоршню монет. Он порылся в ней и выбрал две пятидолларовые монеты — два новень-

ких, симпатичных пластиковых шестиугольника, выпущенных в этом году. «Лучше бы он взял монеты помельче,— подумал я,— у меня уже маловато их остается».

— Нож у вас найдется?

— Да, сэр.

— Нацарапайте на каждой монете свои инициалы.

Что я и сделал. Потом он велел мне положить их рядышком в камере.

— Заметьте время. Я установил смещение ровно на одну неделю, плюс-минус шесть секунд.

Я посмотрел на часы. Доктор Твитчел сосчитал:

— Пять... четыре... три... два... один... пошёл!

Я взглянул на платформу. Монет не было. Мне не пришлось делать вид, будто у меня глаза на лоб полезли: одно дело — услышать об этом опыте от Чака, и совсем другое — увидеть самому.

Доктор Твитчел отрывисто сказал:

— Вернёмся сюда через неделю, и вы увидите, как появится одна из них. А вторая... Вы видели на платформе обе? Вы сами их туда положили?

— Да, сэр.

— А где был я?

— У пульта управления, сэр.— Он действительно был в добрых пяти метрах от огораживающей платформу сетки и не приближался к ней ни на шаг.

— Отлично. Идите сюда.— Он сунул руку к себе в карман.— Вот одна из ваших монет. Вторую получите через неделю.— Он вручил мне зелёную пятидолларовую монету. На ней были мои инициалы.

Я ничего не сказал: трудно говорить, когда у тебя отвисла челюсть.

Он продолжал:

— Вы рассердили меня своими замечаниями на прошлой неделе. В среду я заглянул сюда (а я не был тут уже больше года) и обнаружил на платформе эту монету. Тут я понял, что установка была в действии. То есть будет.

Вот я и решал целую неделю, показать её вам или нет.

Я посмотрел на монету. Пощупал её.

— Значит, когда мы пришли сюда, она уже была у вас в кармане?

— Разумеется.

— Получается, что она была одновременно и у меня в кармане, и у вас? Как же это может быть?

— Господи, у вас что, глаз нет, молодой человек? У вас голова на плечах натуральная или муляж? Неужели вы не можете осмыслить простой факт только потому, что он лежит за пределами привычного? Сегодня вы принесли эту монету с собою, и мы зашвырнули её на неделю назад: вы сами видели. Неделю назад я её здесь нашел. Положил в карман. Принёс сегодня сюда. Ту же самую монету... точнее, более позднюю репликацию её пространственно-временной структуры: на неделю старше, старее. Но обычатель назвал бы её «та же самая». Хотя сходства между ними не больше, чем между младенцем и взрослым человеком, который из него вырос.

Я взглянул на него:

— Доктор, отправьте меня в прошлое. На неделю назад!

Он взглянул сердито:

— И речи быть не может!

— Почему? Разве на людях эта штука не работает?

— Что? Разумеется, работает.

— Тогда почему нет? Я не боюсь. И представьте только, как это было бы здорово для будущей книги... если бы я мог на собственном опыте убедиться и подтвердить, что темпоральный сдвиг Твичела действует.

— Вы уже убедились на собственном опыте. Можете так и написать.

— Пожалуй,— задумчиво произнес я,— но мне же не поверят. Этот опыт с монетами... Я верю, потому что я видел его. Но любой, кто прочтёт мои записки, решит, что я просто подвергся внушению, что меня надули каким-то ловким трюком.

— Вот чёрт бы вас подрал, сэр!

— Так это же не я — люд и скажут. Они не поверят, что я действительно видел то, что описываю. Вот если бы вы отправили меня на неделю назад, я бы мог описать свои собственные ощущения и...

— Сядьте. И выслушайте меня.

Он сел; мне сесть было некуда, но он этого не заметил.

— Я уже ставил эксперименты на людях, давным-давно. И именно поэтому я решил никогда больше этого не делать.

— Почему? Они погибли?

— Что? Не порите ерунды.— Он посмотрел на меня угрожающе и добавил: — И не смейте ни о чём таком писать в своей книге.

— Как скажете, сэр.

— Эксперименты показали, что живые существа переносят темпоральное перемещение без вреда. Я доверился коллеге — молодому преподавателю, который вел у нас рисование и другие подобные предметы на архитектурном факультете. Он, пожалуй, был больше инженером, нежели ученым, но мне он нравился: у него был очень живой ум. Этого молодого человека — ничего, наверное, не случится, если я скажу вам его имя,— звали Леонард Винсент; он так жаждал испробовать это... Он хотел испытать Большое Перемещение — на пятьсот лет. Я не сумел отказать. Я уступил.

— И что произошло?

— А откуда я знаю? Пятьсот лет! Мне никогда не узнать...

— Вы думаете, он попал на пятьсот лет в будущее?

— Или в прошлое. Он мог очутиться в пятнадцатом веке. Или в двадцать пятом. Шансы совершенно равные. Принцип неопределенности, симметричное уравнение... Я даже иногда думаю... да нет, не может быть. Так, случайное сходство имён.

Я не стал спрашивать, что он имеет в виду, потому что

в этот момент вдруг тоже обнаружил это сходство имён, и волосы у меня на голове встали дыбом. Но я быстро выбросил это из головы: у меня были другие проблемы. Да, кроме того, это и было наверняка лишь случайное сходство: не мог же человек в пятнадцатом веке попасть из Колорадо в Италию...

— И я решил впредь не поддаваться подобному искушению. Это ведь не наука: это ничего не добавляет к знанию. Если он попал в будущее — на доброе здоровье. А вот если в прошлое... тогда, получается, я отправил своего друга на расправу варварам, а может, и на съедение диким зверям.

«А может быть,— подумал я,— вы обрекли его на участь Великого Белого Бога». Но я промолчал.

— Я ведь не прошу, чтобы вы отправили меня слишком далеко. То есть надолго.

— Давайте больше не будем об этом, прошу вас.

— Как скажете, доктор.— Но я был не в силах остановиться.— Э-э, позвольте сделать одно предложение?

— Ну? Высказывайтесь.

— Мы могли бы получить почти тот же результат простой репетицией.

— Что вы имеете в виду?

— Совсем понарошку: сделаем всё так, как будто мы действительно собирались переместить во времени живой объект — объектом буду я — вплоть до того момента, когда надо нажать кнопку. Тогда я смогу понять смысл процедуры. Пока, честно говоря, я его не вполне понимаю.

Он немного поворчал, но ему так хотелось продемонстрировать мне свою игрушку... Он взвесил меня и отобрал металлические гири, равные моему весу: сто семьдесят фунтов.

— Это те же самые весы, на которых я взвешивал беднягу Винсента.

Вдвоём мы уложили грузы на одном краю платформы.

— Какое время установим? — спросил он.— Выбирайте, вам решать.

— Э-э, вы сказали, что время можно установить точно?

— Да, сэр, именно так я и сказал. А вы сомневаетесь?

— Нет-нет-нет! Ну-с, так. Сегодня двадцать четвёртое мая... Предположим, мы... Как, скажем, насчёт такого смещения: тридцать один год, три недели, один день, семь часов, тринадцать минут и двадцать пять секунд?

— Бледно, молодой человек. Когда я говорю «точно», то имею в виду «с точностью до одной стотысячной». У меня просто не было возможности откалибровать установку с точностью до одной стомиллионной.

— Да?.. Понимаете, профессор, мне очень важно, чтобы всё было как на самом деле — я ведь так мало об этом знаю. Ну, давайте просто поставим тридцать один год и три недели. Или это тоже — излишество?

— Ничуть. Максимальная ошибка не превысит двух часов.— Он опять что-то повернулся.— Можете занять свое место на сцене, юноша.

— И это — всё?

— Всё. Всё, кроме энергии. Конечно, с сетевым напряжением, которого хватило на перемещение двух монет на неделю, я бы не смог совершить такого броска. Но, поскольку мы не собираемся включать установку на самом деле, это не имеет значения.

Я был разочарован. Наверное, и вид у меня был соответствующий.

— Значит, у вас нет всего необходимого, чтобы выполнить подобное перемещение? Значит, это всё только теоретически?..

— Чёрт подери, сэр! Ничуть не теоретически.

— Так у вас же нет достаточной энергии...

— Раз вы так настаиваете, будет и энергия. Подождите.— Он ушёл в угол и снял трубку телефона. Телефон, похоже, установили, когда лаборатория ещё была новенькая: такого старого аппарата я не видел с тех пор, как вышел из хранилища.

Последовала беседа с дежурным электриком. На повы-

шенных тонах. Нецензурной бранью профессор не воспользовался: он прекрасно обходился без неё, но при этом хлестал языком гораздо больнее, чем те «артисты», мастера жанра, которые пользуются обычными ругательствами.

— Меня не интересует, что вы думаете, почтеннейший. Прочтите свою инструкцию. Я имею право получить все возможности лабораторного корпуса в своё распоряжение. В любое время, когда захочу. Читать умеете? Или мы встретимся завтра в десять в кабинете ректора, чтобы он прочёл вам ваши обязанности? Ах, вы умеете читать? Может, и писать тоже? Или чтением ваши таланты исчерпываются? Тогда запишите: полную аварийную мощность на высоковольтные шины Мемориальной Лаборатории Торнтона ровно через восемь минут. Повторите!

Он положил трубку.

— Вот люди!..

Подойдя к пульту, он что-то поправил. Потекли минуты. Вдруг я даже с того места, где стоял, увидел, как стрелки приборов метнулись вправо, а наверху загорелась красная лампочка.

— Вот и энергия,— объявил он.

— И что теперь?

— Ничего.

— Я так и думал.

— Что вы хотите сказать?

— То, что сказал: ничего не будет.

— Боюсь, что не вполне вас понимаю. Более того: я надеюсь, что неправильно вас понял. Я имел в виду, что если я не нажму кнопку, то ничего не произойдёт. Но если я нажму её, то вы переместитесь ровно на тридцать один год и три недели.

— А я говорю, что ничего не будет.

Его лицо потемнело.

— Сэр, я полагаю, что вы намеренно ведёте себя столь сквербительно.

— Считайте как хотите, доктор. Я приехал сюда про-

верить правдивость дошедших до меня слухов. И я их проверил. Я увидел пульт управления с красивыми лампочками. Похоже на декорацию для фильма ужасов про сумасшедшего профессора. Я увидел салонный фокус с парой монеток. Фокус слабый, надо заметить: монеты вы выбирали сами, а я пометил их так, как вы велели. Да любой циркач может показать этот фокус лучше вас. Я выслушал долгую лекцию. Но разговоры — штука дешёвая. То, что вы якобы изобрели, невозможно. Кстати, в министерстве это знают. Ваш доклад никто не запрещал: его просто подшили в ту папку, куда складывают все проекты вечных двигателей. Наверняка время от времени его достают почитать смеха ради.

Я думал, стариана хватит удар не сходя с места. Но единственным рефлексом, который у него остался, на который я мог рассчитывать, было его тщеславие. Надо было дожимать старика.

— Спуска́тесь сэр. Выходите. Я сейчас выпорю вас. Выдеру голыми руками.

Я думаю, он был так разъярен, что, пожалуй, мог бы и выпороть, несмотря на разницу в возрасте, весе и физической силе. Но я ответил:

— Я тебя не боюсь, папаша. И твоей фальшивой красной кнопки тоже не боюсь. Валий, нажимай!

Он взглянул на меня. На кнопку. Но не двинулся с места. Тогда я хихикнул и сказал:

— Правильно ребята говорили: ложная тревога. Твитч, вы напыщенный старый обманщик. Полковник Трэшботэм был прав.

Это сработало.

10

Он с размаху ударил по кнопке. Я хотел крикнуть ему: «Не надо!» — но было поздно. Я уже куда-то падал. По-

следней судорожной мыслью было: я не хочу! Я всё выкинул на ветер. Я довёл почти до апоплексического удара несчастного старика, не сделавшего мне ничего худого. И я даже не знал, в какую сторону двигаюсь. Хуже того, я вообще не был уверен, попаду ли я туда, куда хочу попасть... И тут я упал.

Свалился я, наверное, с высоты не более метра-полутора, но был совершенно не готов к этому падению и рухнул, как куль.

И тут же кто-то спросил:

— Откуда это вы свалились, чёрт возьми?

Спрашивавший оказался мужчиной лет сорока, лысым, но крепким и поджарым. Он стоял, руки в боки, лицом ко мне. Умное, интеллигентное лицо его было приятным, несмотря на то, что он явно был в этот момент на меня зол.

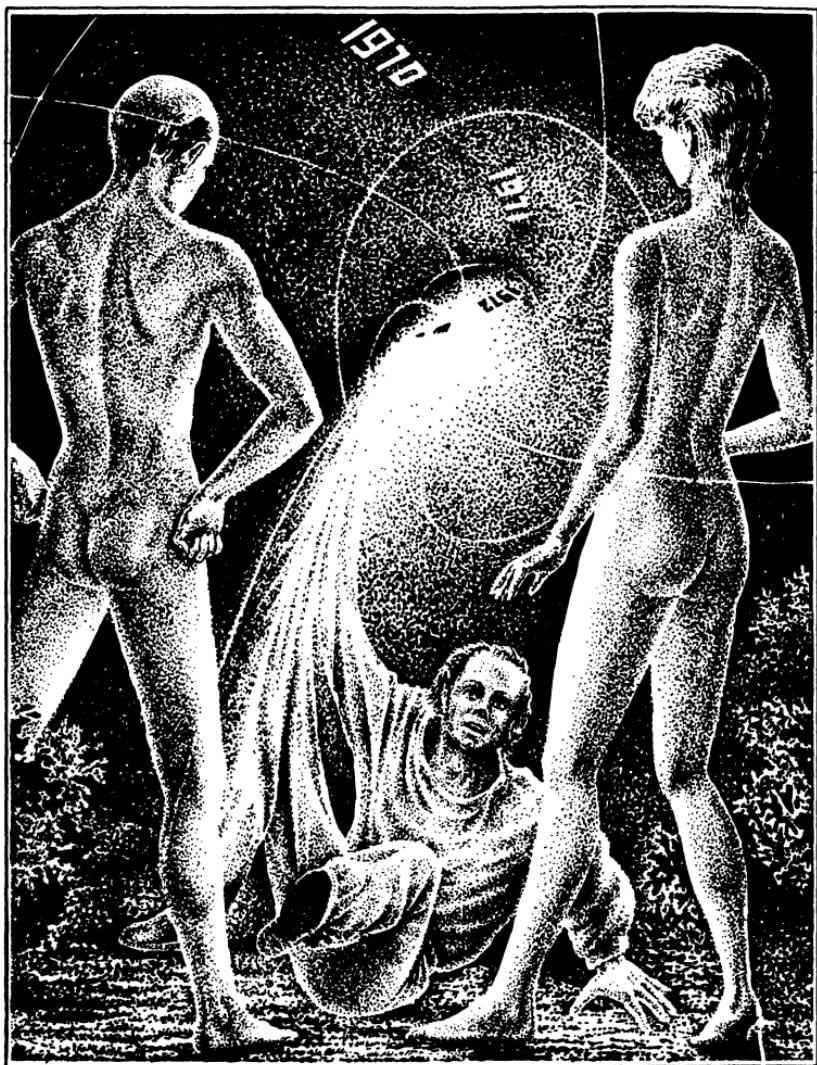
Я сел. Оказалось, что сижу я на покрытой слоем опавшей хвои гранитной гальке. Рядом с мужчиной стояла женщина — привлекательная, даже красавая, ~~и~~ много моложе его,— смотрела на меня ошеломлённо, но молчала.

— Где я? — спросил я самым дурацким манером. Мне следовало спросить «когда я?», но это прозвучало бы ещё глупее, и вдобавок я об этом не подумал. Достаточно было взглянуть на них, и было ясно, куда я *не* попал: я был явно не в 1970-м. Но и не в 2001-м тоже: в 2001-м в таком виде ходили только на пляже. Похоже, меня занесло в другую сторону.

Потому что ничего, кроме ровного, густого загара, на них не было. Но им, видимо, этого хватало: они явно не чувствовали неловкости.

— Давайте по очереди,— возразил он.— Я спросил вас, как вы сюда попали.— Он взглянул вверх.— Парашют в ветвях вроде не запутался, так? И вообще, что вы здесь делаете? Это — частные владения. Вы здесь явно без разрешения. И что это за маскарадный костюм вы напялили?

На мой взгляд, одет я был вполне нормально. Особенно по сравнению с ними. Но спорить я не стал: другие

времена — иные нравы. Похоже, у меня тут будут неприятности.

Она положила руку ему на плечо.

— Не надо, Джон,— сказала она ласково.— По-моему, он ушибся.

Он глянул на неё и снова уперся своим острым взглядом мне в лицо.

— Вы ушиблись?

Я попытался встать — это у меня получилось.

— По-моему, нет. Так, пара синяков будет. А какое сегодня число?

— А? Число? Сегодня первое воскресенье мая. Третье мая, по-моему. Так, Дженн?

— Да, милый.

— Слушайте,— сказал я торопливо,— я сильно ушиб голову. Наверное, я потерял ориентировку. Какое сегодня число? Только полностью — месяц и год?

— Что?

Мне бы лучше было помалкивать, пока я не узнаю год сам — из газеты или с настенного календаря. Но я больше не в силах был ждать: я должен был узнать это немедленно.

— Какой год?!

— Крепко тебя, браток, тряхнуло. Семидесятый.— Он опять уставился на мою одежду.

Облегчение мое было безмерным. Получилось! Я попал куда следует! Я не опоздал!

— Спасибо,— сказал я.— Огромное вам спасибо. Вы даже не представляете...— Он всё ещё смотрел на меня так, словно решал, не пора ли вызвать подкрепление, и я поспешил добавить: — У меня бывают внезапные приступы потери памяти. Однажды я так потерял... целых пять лет.

— Я думаю, это очень неприятно,— процелил он.— Теперь вам лучше? На вопросы отвечать можете?

— Ну что ты пристал к человеку, милый? — ласково сказала она.— По-моему, он славный. Наверное, он просто ошибся.

— Посмотрим. Ну?

— Вроде бы сейчас я себя чувствую прилично. Но буквально минуту назад у меня ещё всё путалось.

— О'кей. Как вы сюда попали? И почему вы так странно одеты?

— Честно говоря, я не совсем представляю, как я сюда попал. И уж точно не знаю, куда я попал. Эти приступы налетают так внезапно... А что касается моей одежды — можно сказать, что это просто некоторое чудачество. Ну... ну вот, скажем, вы тоже необычно одеты. Точнее, раздеты.

Он посмотрел на меня и ухмыльнулся.

— Да уж, при определённых обстоятельствах, наверное, наша одежда — точнее, её отсутствие — тоже вызвала бы вопросы. Но мы предпочитаем, чтобы оправдывались незванные гости. Видите ли, вы здесь — чужой, одетый или раздетый. А вот мы — свои, независимо от одежды. Вы попали на территорию денверского клуба nudistов.

Джон и Дженнин Саттон оказались современными, невозмутимыми, дружелюбными людьми. Джона явно не удовлетворили мои скользкие объяснения. По-моему, он хотел устроить мне перекрёстный допрос, но Дженнин удержала. Я крепко держался за свою байку про «приступы амнезии» и утверждал, будто бы последнее, что я помню, — вчерашний вечер, когда я был в Денвере, в Нью-Браун-Пэллас. Наконец он сказал:

— Ну что ж, всё это очень интересно, просто увлекательно. Я думаю, кто-нибудь из наших, кто едет в Боулдер, захватит вас, а оттуда вы доберётесь до Денвера на автобусе.— Он опять глянул на меня.— Но если я приведу вас в клуб, то всё это будет чертовски подозрительно.

Я оглядел свой костюм. Я испытывал неловкость от того, что я был одет, а они — нет. Я имею в виду, что не я, а именно я чувствовал себя не в своей тарелке.

— Джон, если я разденусь, это упростит проблему? — Такая перспектива меня не смущала. В нудистских клубах я раньше не бывал,— чего мне там делать? — но мы с Чаком пару раз ездили на выходные в Санта-Барбара, а на пляже кожа кажется естественной, а одежда — нет.

Он кивнул.

— Безусловно, да.

— Дорогой,— сказала Дженнни,— а ведь он может быть нашим гостем.

— Хмм... пожалуй. Любимая, ты, наверное, греби к людям. А там побеседуй, дай понять, что мы ждём гостя из... откуда лучше сказать, Дэнни?

— Хм, из Калифорнии. Из Лос-Анджелеса. Я действительно оттуда.— Я чуть не брякнул «Большой Лос-Анджелес» и понял, что придётся следить за собой: кино опять «кино», а не «завлекино»...

— Ага, из Лос-Анджелеса. Дэнни из Лос-Анджелеса — этого вполне достаточно. Мы зовём друг друга только по имени. Так что, милая, распусти слух, что мы ждём гостей. Да с таким видом, словно уже предупреждала об этом. А через полчаса скажи, что идёшь к воротам встречать нас. И приходи сюда. Не забудь прихватить мою сумку.

— Сумку, милый? Зачем?

— Спрятать этот маскарадный костюм. Даже для чудаков вроде Дэнни он выглядит... необычно.

Я встал и пошёл за кусты — Дженнни ушла, и предлага уйти в раздевалку у меня не было. А за кусты прятаться пришлось: не мог же я раздеться на виду у Джона, демонстрируя, что у меня вокруг талии обёрнуто золото на двадцать тысяч долларов (в семидесятом цена золота была где-то около шестидесяти долларов за унцию). Снял я это богатство быстро: вместо корсета я сделал из золота пояс, который было гораздо легче снимать и надевать при мытье — впереди я приделал шнурки для крепления.

Сняв одежду и пояс, я завернул золото в тряпки и попытался сделать вид, будто моя одежда весит ровно столько,

сколько она должна весить. Джон посмотрел на свёрток, но промолчал. Он предложил мне сигарету — пачка сигарет была у него прикреплена к лодыжке. Сигареты оказались такого сорта, который я уже и не мечтал когда-нибудь ещё попробовать.

Я помахал ею в воздухе, но она не зажглась. Джон дал мне прикурить.

— Ну,— тихо сказал он,— теперь мы одни. Ты ничего не хочешь мне сказать? Мне ведь придётся поручиться за тебя в клубе, и я, по крайней мере, имею право убедиться, что от тебя не будет неприятностей.

Я сделал затяжку: вкус был грубый, я отвык от таких сигарет.

— Джон, чего-чего, а неприятностей от меня не будет. Неприятности — это то, чего я хочу меньше всего.

— Хммм... наверное. Значит, «приступы головокружения»?

Я задумался. Ситуация была совершенно невозможная. Джон имел право знать. Но он, безусловно, не поверил бы мне. Я бы на его месте не поверил. А если он поверит мне, будет ещё хуже: начнётся тот самый шум, которого я так хочу избежать. Наверное, если бы я был настоящим путешественником во времени, выполняющим научные исследования, то я бы стремился к известности, предъявляя бы доказательства и предлагал учёным исследовать себя.

Но я не был путешественником-учёным. Я был лицом сугубо частным и собирался при этом провернуть одно дельце, привлекать внимание к которому с моей стороны было бы глупо. Я просто тихо и незаметно искал свою Дверь в Лето...

— Джон, если я расскажу правду, то ты мне не поверишь.

— Ммм... наверное. И всё же... прямо с неба падает человек. Но не расшибается в лепешку. На нём странная одежда. Он не знает, где он и какой сегодня день. Дэнни, я читал Чарльза Форта, как и большинство грамотных лю-

дей. Но я никогда не думал, что увижу что-то подобное своими глазами. Конечно, увидев, я не рассчитываю, что объяснение будет простым, как разгадка карточного фокуса. И всё же?

— Джон, судя по тем оборотам, которые ты употребляешь, ты юрист. Я не ошибаюсь?

— Нет. Я юрист. А что?

— Могу я рассчитывать на конфиденциальность нашего разговора?

— Хмм... Ты что, хочешь стать моим клиентом?

— Если ты ставишь вопрос так, то да. Мне, похоже, потребуется совет юриста.

— Выкладывай. Это конфиденциально.

— О'кей. Я из будущего. Путешественник во времени.

Некоторое время он молчал. Мы лежали на песке: я — чтобы согреться (май в Колорадо солнечный, но прохладный), Джон, похоже, привык и просто загорал, размышляя и жуя хвоинку.

— Ты прав,— сказал он,— я не верю. Давай лучше держаться версии с приступами амнезии.

— А я тебе говорил, что ты не сможешь в это поверить. Он вздохнул.

— Скажем так: не хочу. Я не хочу верить в переселение душ, в привидения и прочую такую чертовщину. Я люблю простые вещи — их я понимаю. Наверное, и большинство людей тоже. Так что мой тебе первый совет: пусть это останется нашей конфиденциальной беседой. Не раззванивай про это дело.

— Это меня устраивает.

Он перевернулся на другой бок.

— Я думаю, будет весьма разумно, если мы сожжём твою одежду. Я что-нибудь тебе подберу. Она горит?

— Вряд ли. Плавится, я думаю.

— И лучше обуйся. Мы тут обычно ходим в ботинках; твои сойдут. Если начнут спрашивать, говори — на заказ шил. Ортопедические, для улучшения походки.

— А они действительно такие.

— Ну и о'кей.— Прежде чем я успел двинуться с места, он начал разворачивать мою одежду.— Что за чёрт?!

Было уже поздно, пришлось разрешить ему развернуть узел.

— Дэнни,— спросил он подозрительным тоном,— это действительно то, на что это похоже?

— А на что это похоже?

— Смахивает на золото.

— Да. Оно самое и есть.

— Где ты его взял?

— Купил.

Он пощупал золотой пояс, помял мёртвый, податливый металл, взвесил его в руке.

— О господи! Дэнни, слушай внимательно. Я задам тебе один вопрос, и будь осторожен, когда станешь на него отвечать. Потому что клиенты, которые мне лгут, мне не нужны. Я им отказываю. А соучастником я быть не хочу. Ты приобрёл это законным путем?

— Да.

— Может быть, ты не знаешь Указа 1968 года о Золотом Запасе?

— Знаю. Я приобрел это золото законно. Я намерен продать его Монетному двору в Денвере за доллары.

— Может, ты ювелир?

— Нет. Джон, я сказал тебе сущую правду; хочешь — верь, а хочешь — нет. Там, откуда я, это продают в магазине, совершенно законно. А теперь я хочу обратить это в доллары, и чем скорее, тем лучше. Я знаю, что хранить это запрещено. Что мне будет, если я приду в Монетный двор и попрошу взвесить это?

— В конечном итоге ничего. Если будешь держаться своих «припадков». Но пока поверят, могут крепко помотать нервы.— Он взглянул на золото.— Наверное, лучше его пока припрятать.

— Закопать, что ли?

— Ну, до этого дело не дойдет. Но если ты сказал мне правду, то... Давай так: ты нашёл это золото в горах. Там ведь обычно старатели находят золото.

— Ну... как скажешь. Я могу немножко и солгать, без злого умысла — золото-то действительно моё и куплено законным путем.

— Какая же это ложь? Когда ты впервые увидел это золото? Назови дату: когда ты стал владельцем этого золота?

Я стал вспоминать. Это было в тот день, когда я уехал из Юмы. Значит, где-то в мае 2001-го. Недели две назад. Назад? Тыфу!

— Ну, скажем так, Джон... впервые — это самая ранняя дата! — я увидел это золото сегодня, третьего мая 1970 года.

Он кивнул.

— Ну вот, значит, нашёл в горах.

Саттоны не собирались уезжать до утра понедельника, и я тоже остался в клубе. Другие члены клуба были очень дружелюбны, но удивительно нелюбопытны — никто не совал нос в мои личные дела. Мне ещё не доводилось бывать в таких компаниях. Потом-то я узнал, что это — стандартный признак хороших манер в нудистских клубах. Но тогда они показались мне самыми вежливыми и воспитанными людьми на свете.

У Джона и Дженни был отдельный домик. Я устроился на койке в клубном общежитии. Там было чертовски свежо. Наутро Джон раздобыл мне рубашку и пару джинсов. Моя одежда с завернутым в неё золотом была спрятана в багажник его машины — между прочим, «ягуар-император»; сразу видно, что хозяин — приличный человек, не рвань. Но это и так было ясно по его манерам.

Я заночевал у них, и к вторнику у меня уже было немногого денег. Золота я с тех пор не видел, но в течение следующих двух недель Джон вручил мне его точную стоимость

за вычетом обычных комиссионных, что берут ювелиры. С Монетным двором он напрямую не стал связываться — я это знаю, потому что видел квитанции от скупщиков золота. За свои услуги он с меня ничего не взял и никаких подробностей не сообщил.

Меня они, впрочем, и не интересовали. Появились деньги — появились и дела. Ещё в тот, первый вторник — пятого мая — мы с Дженни немного покрутились по округе на её машине и нашли подходящую квартиру. Я привёз туда кульман, верстак, армейскую койку и, пожалуй, почти ничего больше. Свет, газ, вода и туалет там были. Больше мне ничего и не надо, подумал я: надо было беречь каждый цент.

Чертить на старомодном кульмане было долго и утомительно, а времени у меня было в обрез. Сначала я создал «Чертежника Дэна», а затем воссоздал «Салли», только на этот раз «Салли» стала «Питом» — многоцелевым автоматом, способным делать почти всё, что может человек, при условии правильной накачки его торсеновских ячеек. Я знал, что «Пит» недолго останется таким: его потомки — целая орда! — станут устройствами специализированными. Просто я хотел максимально расширить формулу изобретения.

Для получения патента не надо действующих моделей — только чертежи и описания. Модели были нужны мне самому — такие модели, которые будут работать безупречно, которые сможет демонстрировать любой инженер. Они должны быть такими, чтобы было сразу видно — они практичны, они экономичны, их будут покупать, если начать их серийный выпуск, это выгодное помещение капитала. Патентное ведомство набито чертежами устройств, которые работают, но в коммерческом отношении никчёмны.

Работа шла и быстро и медленно: быстро — потому что я точно знал, что я делаю; медленно — потому что у меня не было ни инструмента, ни помощников. Скрепя сердце я истратил немного денег на инструменты, и дело

пошло живее. Работал я с утра и до упаду, семь дней в неделю, и только раз в месяц проводил уикенд с Джоном и Дженин в этом их голозадом клубе под Боулдером. К первому сентября обе модели у меня работали как надо, и я засел за описания и чертежи. Внешнюю отделку по своим чертежам я заказал в одной фирме; там же мне отхромировали все подвижные наружные части. Это было единственное, что я не стал делать сам, и хотя мне было очень жаль тратить на это деньги, это было необходимо. Разумеется, я на сто процентов использовал возможности каталогов готовых запасных частей: без стандартных компонентов я бы не сумел сделать свои игрушки, да и после этого их коммерческая ценность была бы невелика. Но я не любил тратить деньги на заказное украшательство.

На разъезды времени у меня почти не было, и слава Богу. Однажды, покупая сервомотор, я наткнулся на одного типа из Калифорнии. Он окликнул меня, и я ответил, не успев подумать.

— Эй, Дэн! Дэнни Дэвис! С ума сойти: встретить тебя здесь. А я думал, ты в Мохаве.— Мы обменялись рукопожатиями.

— Заехал ненадолго по делам. Через несколько дней вернусь.

— А я — сегодня к вечеру. Позвоню Майлсу, скажу, что виделся с тобой.

Моя тревога, видимо, отразилась на моем лице.

— Вот этого не надо.

— А чего? Вы же с Майлсом такие закадычные друзья — водой не разлить.

— Ну... знаешь, Морт, Майлс не знает, что я здесь. Мне сейчас положено быть в Альбукерке по делам фирмы. Но я на денёк смотался потихоньку сюда, по сугубо личным делам. Усекаешь? К делам фирмы это не относится. И мне бы не хотелось обсуждать эти вопросы с Майлсом.

Он взглянул на меня понимающе.

— Женщина?

- Ммм... да.
  - Замужняя?
  - Ну, можно сказать, что так.
- Он толкнул меня в бок локтем и подмигнул.
- Я усёк. Старина Майлс у нас таких твёрдых правил, да? О'кей, я тебя прикрою. Другой раз, глядишь, и ты меня прикроешь. Она как, ничего?

«Я бы тебя лопатой прикрыл, трепло паршивое», — подумал я. Мортон был дрянной коммивояжер, потому что тратил больше времени, охмуряя официанток, чем занимался своими прямыми обязанностями. Да и товар, который он пытался сбыть своим покупателям, был весь в него — такой же дрянной, совершенно не соответствующий тому, что написано в рекламе.

Но я поставил ему выпивку и потчевал разными байками про «замужнюю женщину». Пришлось выслушать и его похвальбу о его, я уверен, столь же вымышленных похождениях. Еле удалось от него отделаться.

В другой раз я попытался угостить выпивкой доктора Твитчела, и безуспешно.

Я случайно сел рядом с ним в баре на Чампа-стрит и увидел его лицо в зеркальной стене напротив. Первым моим желанием было спрятаться под стойку.

Потом я опомнился и сообразил, что из всех живущих в 1970-м его можно опасаться меньше всего. Всё должно быть в порядке, потому что всё было в порядке в 2001-м... то есть не было, а будет... нет, не так... Тут я бросил свои попытки сформулировать эту мысль: ясно, что если путешествия во времени станут явлением массовым, то к грамматике английского языка придётся добавить ещё несколько времён для передачи подобных ситуаций. По сравнению с такими сложными наклонениями древнелатинский или литературный французский покажутся примитивными.

В любом случае, в будущем, в прошлом ли, Твитчела мне сейчас опасаться не приходилось. Можно было расслабиться.

Я разглядывал его лицо в зеркале и думал, что, наверное, это просто похожее лицо. Но тут ошибки быть не могло: в отличие от меня, у Твитчела было очень своеобразное лицо: решительное, уверенное, чуть надменное и очень привлекательное. Лицо Зевса. Я вспомнил, как изменилось это лицо за тридцать лет. Но сомнений быть не могло. Мне стало стыдно за то, как я обошелся со стариком. Как бы это... компенсировать?

Твитчел заметил, что я рассматриваю его отражение в зеркале, и повернулся ко мне.

— Что-нибудь не так?

— Нет-нет. Э-э... вы — доктор Твитчел, не так ли? Из университета?

— Из Денверского университета, сэр. Мы встречались?

Я чуть не проболтался: я забыл, что в семидесятом он ещё преподавал в городском университете. Трудно вспоминать сразу в две стороны.

— Нет, доктор. Но я был на ваших лекциях. Можно сказать, что я — один из ваших поклонников.

Он усмехнулся, но на лесть не поддался. Из этого — и некоторых других признаков — я сделал вывод, что у него пока не возникло настоятельной потребности в лести окружающих: он был уверен в себе, и его волновала только его самооценка.

— А вы уверены, что не приняли меня за какого-нибудь киноактёра?

— Ну что вы! Нет! Вы — доктор Хьюберт Твитчел. Великий физик.

Усмешка снова скривила уголки его рта.

— Физик. Скажем так. Просто физик. Во всяком случае, стараюсь быть физиком.

Мы немного поболтали о том о сём. Я попытался не отстать от него и после того, как он доел свой сэндвич. Я сказал, что буду очень польщён, если он позволит угостить его рюмочкой коньяка или виски. Он отрицательно покачал головой.

— Я вообще мало пью, а уж в такую рань — никогда. Но всё равно спасибо. Было очень приятно познакомиться. Заглядывайте ко мне в лабораторию, если будете в университете.

Я сказал, что когда-нибудь непременно загляну.

Но вообще я не часто допускал подобные проколы в семидесятом (я имею в виду своё повторное пребывание в этом времени), потому что время было всё-таки знакомое, понятное, а большинство из тех, кто мог узнать меня, жили в Калифорнии. Но я решил больше не рисковать: если я ещё раз увижу знакомое лицо, то сделаю вид, что я — не я, и что я его в упор не узнаю.

Но даже мелочи способны портить жизнь. Однажды я не мог застегнуть «молнию» — отвык. Застёжки на «стиктайт» гораздо удобнее. Всего за шесть месяцев я так привык к многим мелочам 2001 года, что очень страдал от их отсутствия. Пришлось снова начать бриться. Однажды я простудился: это случилось из-за того, что я забыл о способности одежды промокать под дождем. Сюда бы этих эстетов-консерваторов, что вечно хвалят прогресс и восхваляют «добрьи старые времена»: тарелки, в которых пища остывает; рубашки, которые надо гладить; зеркала в ванных комнатах, которые запотевают именно тогда, когда надо в них посмотреться. Простуды. Грязь под ногами. Грязь в легких. Я уже привык жить лучше, и семидесятый год постоянно раздражал меня по мелочам.

Но, как говорится, собака привыкает к своим блохам; привык и я. В 1970-м Денвер был своеобразным городом — изящным, со старомодным оттенком. Я даже полюбил его. Ничего похожего на те строения Нового Плана, которые я увидел (или увижу?), когда приехал (или приеду?!?) туда из Юмы. В городе ещё было менее двух миллионов населения. По улицам (улицы ещё были) ходили автобусы (автобусы тоже ещё были!) и другой колёсный транспорт. И Колфакс-авеню я нашёл без труда.

Денвер ещё только привыкал к своему новому статусу

столицы, и чувствовалось, что ему эта роль не по нутру, словно подростку, впервые надевшему строгий вечерний костюм. Ему по-прежнему был по душе звон бубенчиков на высоких ковбойских ботинках, хотя город и чувствовал, что придется расти и становиться столицей огромной страны, метрополией, с посольствами, шпионами и изысканными ресторанами. Город рос во все стороны, как гриб после дождя, чтобы хватало места бюрократам и лоббистам,резидентам и машинисткам. Стены возводились с такой быстротой, что приходилось проверять, не попала ли в их кольцо случайно забредшая настройплощадку с ближайшего пастбища корова. Но в ширину город не очень разросся: всего на несколько миль от Аврора-стрит на восток, от Хендerson-авеню на север и от Литтлтон-бульвара на юг. Если ехать к Воздушной академии, то до неё ещё осталось несколько миль открытого пространства. На западе город, понятное дело, уходил в горы, и федеральные чиновники уже бродили по подземным туннелям.

Денвер периода федерального бума мне ~~не~~ ^{был}ился. Но мне так не терпелось вернуться в своё время!

И всё из-за мелочей. Вскоре после того, как я поступил на работу в «Золушку», я мог себе позволить залечить все зубы. Я уже думал, что мне никогда больше не придётся идти к дентопластологу. Но тут, в семидесятом, у меня не было антикариесных таблеток, и вскоре в одном из зубов образовалось дупло. Зуб болел, а то бы я не обратил на это внимания. Пришлось идти к дантисту. Вот провалиться мне: я просто забыл, что он увидит у меня во рту. Он заморгал, завертел зеркальцем и воскликнул:

— О господи! Кто вас лечил?!

— Хо хы хохочихе?

Он убрал свои лапы у меня изо рта.

— Кто занимался вашими зубами?

— А? Ну, это в экспериментальном порядке, это... в Индии.

— Но как они это делают?!

— А я откуда знаю?

— Хмм... подождите минутку. Я сделаю снимок.— Он стал снимать чехол с трубки рентгеновского аппарата.

— Э-э, нет,— запротестовал я.— Обработайте-ка мне лучше полость в зубе, законопатьте его чем-нибудь, и я пошёл.

— Но...

— Извините, доктор, но я страшно тороплюсь.

Он выполнил мою просьбу, то и дело отрываясь от работы, чтобы снова и снова взглянуть на мои зубы. Я заплатил наличными, а не чеком, так что имя моё так и осталось ему неизвестно. Наверное, можно было разрешить ему сделать снимок, но осторожность уже вошла у меня в привычку. Никакого вреда бы не было, сделай он тот снимок. И пользы тоже: на снимке всё равно не было бы видно, как была проведена регенерация моих зубов. А рассказать ему я не мог, потому что ничего в этом не понимаю.

В собственном прошлом удивительно легко что-нибудь сделать. Пока я корпел по шестнадцать часов в день над «Дэном» и «Питом», я попутно сделал и ещё одно важное дело. Анонимно, через юридическую фирму Джона, я заказал одному крупному детективному агентству провести проверку прошлого Беллы. Я дал им её адрес, марку и номерной знак автомашины (на рулевом колесе хорошо сохраняются отпечатки пальцев) и высказал предположение, что она, вероятно, была уже замужем в разных местах и, возможно, за ней что-то числится у полиции. Настоящую проверку, вроде тех, про которые вы читали в книгах, я себе позволить не мог: приходилось беречь деньги.

Когда через десять дней от них не было ни слуху ни духу, я уже решил, что плакали мои денежки. Но через несколько дней Джону в контору принесли толстый пакет.

Оказалось, что Белла — девушка деловая. Она родилась на шесть лет раньше, чем сказала нам, к тому же успела пару раз выйти замуж ещё до того, как ей стукнуло восемнадцать. Одно из этих замужеств, впрочем, было не в

счёт: у того типа уже была жена. Если она и развелась со вторым, то этого агентству установить не удалось.

С тех пор она сходила замуж ещё четырежды, хотя один из этих браков был сомнительным: скорее всего, она просто выдала себя за вдову погибшего на войне солдата (который был мёртв и поэтому возразить не мог), чтобы получить соответствующие льготы. Ещё один брак был расторгнут (она была ответчицей). Один из её мужей умер. За остальными она, похоже, все ещё числилась замужем.

В полиции на неё тоже имелось много интересного, но за уголовное преступление её, как выяснилось, судили только однажды — в Небраске, и то срок не дали — выпустили под залог. Установить это удалось только по отпечаткам пальцев: она сбежала, сменила имя и завела новый номер в картотеке социального страхования. Агентство спрашивало, следует ли им сообщить обо всём этом полиции штата Небраска.

Я ответил, что бы не беспокоились: она числилась в розыске уже девять лет, а обвинялась-то всего-навсего в том, что работала наводчицей у вымогателя. Интересно, подумал я: а что бы я ответил, будь это торговля наркотиками? Съездив в будущее, труднее принимать решения.

Я выбился из графика в работе над чертежами, и октябрь наступил быстрее, чем я рассчитывал. Описания я только набросал — они были тесно увязаны с чертежами, — а к формулам ещё и не подступал. Хуже того: я ещё не начал организовывать дело в целом, чтобы оно стало на ноги. Этого нельзя было сделать до тех пор, пока я не смогу продемонстрировать готовые действующие модели. На деловые контакты времени тоже не хватало. Я уже начал подумывать, что, наверное, зря не предложил доктору Твитчелу поставить регуляторы на тридцать два года вместо тридцати одного и жалких трёх недель. Я недооценил необходимое мне время и переоценил свои силы.

Я не показывал свои игрушки Саттонам не потому, что

хотел скрыть от них свою работу. Просто я не хотел бесконечных разговоров и бесполезных советов посреди незаконченной работы. Мы договорились вместе ехать в клуб в последнюю субботу сентября. Накануне, чувствуя, что не успеваю, я работал допоздна. Утром меня разбудил мучительный грохот будильника. Времени было в обрез, как раз чтобы побриться и собраться к тому времени, как они за мною заедут. Я нашарил кнопку будильника и нажал. Звон прекратился. Слава Богу, подумал я, что в 2001-м от таких дьявольских исчадий избавились. С трудом встав, я пошёл в аптеку за угол — позвонить друзьям и предупредить, что я не могу поехать с ними: работать надо.

Ответила Дженнини:

— Дэнни, нельзя так вкалывать. Вот увидишь — после уикенда на природе тебе станет лучше.

— Извини, Дженнини, я не еду. Ничего не поделаешь, надо. Извини.

Джон снял трубку параллельного телефона и спросил:

— Что ещё за чепуха?

— Джон, мне надо поработать. Просто никак не могу поехать. Привет ребятам.

Я вернулся домой, спалил пару тостов, подверг яичницу вулканизации и опять засел за «Чертёжника Дэна».

Через час они забарабанили мне в дверь.

Ни один из нас в те выходные в клуб не попал. Вместо этого я устроил им демонстрацию своих произведений. «Чертёжник Дэн» не произвел на Дженнини большого впечатления (это не женская машина, если, конечно, женщина не инженер), но от «Пита» у неё были круглые глаза. Она ухаживала за домом с помощью «Золушки» второй модели и сразу увидела, насколько больше умеет моя машина.

Джон, напротив, сразу оценил значение «Дэна». А когда я показал ему, как я ставлю свою подпись, нажимая на клавиши, и подпись была явно моя (хотя, честно говоря, я тренировался), то он был просто в восторге.

— Дружище, ты же оставишь без работы тысячи чертёжников!

— Не оставлю. Талантливых инженеров в этой стране все меньше с каждым годом. Моя машина просто поможет как-то заполнить эту брешь. Через одно поколение такие машины будут в каждой конструкторской или архитектурной конторе. По всей стране. И без этих машин люди будут как без рук. Как сегодня механик без электродрели.

— Ты говоришь так, словно знаешь наверняка.

— Я знаю наверняка.

Он взглянул на «Пита» — я отправил его убирать на моём верстаке,— перевел взгляд на «Дэна».

— Дэнни... иногда я думаю, что ты, наверное, сказал мне правду в тот день, когда мы встретились.

Я пожал плечами.

— Можешь назвать это даром предвидения... но я действительно знаю это. Я уверен. И разве это имеет значение?

— Пожалуй, что нет. А что ты собираешься дальше делать с ними?

Я нахмурился.

— Вот в том-то и дело, Джон. Я хороший инженер; да и механик, когда приходится, неплохой. Но вот бизнесмен я никакой — уже проверено. Тебе патентным законодательством баловаться не доводилось?

— Я же тебе ужё говорил. Это работа для специалиста.

— А ты знаешь такого? Чтобы честный, но хитрый, как чёрт? Я теперь подошёл к рубежу, когда мне нужен как раз такой. А ещё мне надо учредить корпорацию, чтобы возиться со всем этим. И продумать вопросы финансирования. Но времени осталось немного: время меня просто поджимает.

— Почему?

— Пора возвращаться туда, откуда прибыл.

Довольно долго он сидел, не проронив ни слова. Наконец спросил:

— Сколько у тебя есть времени?

— Ну, около девяти недель. Точнее, девять недель, начиная с ближайшего четверга.

Он посмотрел на мои машины, потом на меня.

— Тебе придётся пересмотреть свой график. Работы у тебя, по-моему, ещё на девять месяцев. Да и то ты ещё не сумеешь начать производство. Если повезёт, ты только будешь готов его начинать.

— Не могу, Джон.

— Прямо уж, не можешь!

— Я имею в виду, что этот график уже нельзя переделать. Это теперь не в моей власти.— Я уронил голову на руки. Я смертельно устал: в день мне удавалось спать часов пять, не больше. Я был так измотан, что уже был готов поверить в судьбу, в предзнаменование: бороться с судьбой можно, но победить — никогда.

Я поднял голову.

— Ты возьмешься за это дело?

— А? За какую его часть?

— За всё. Я сделал всё, что умел.

— Это крупный заказ, Дэнни... А ведь я могу обчистить тебя. Ты это понимаешь? Кстати, дело это может оказаться золотой жилой.

— Непременно окажется. Я знаю.

— Тогда как же ты мне доверяешь? Тебе бы правильнее нанять меня консультантом, за определенное вознаграждение.

Голова болела и мешала мне думать. Однажды я уже взял себе партнёра и доверился ему. Но, чёрт возьми, сколько ни обжигайся, всё равно надо верить людям. Иначе будешь спать, как заяц,— с открытыми глазами. Застраховаться от этого невозможно. Жить вообще смертельно опасно: от этого умирают. В конце.

— Господи, Джон, ты же знаешь ответ. Ты мне поверил. Теперь мне опять нужна твоя помощь. Я могу на неё рассчитывать?

— Конечно, можешь,— мягко вклинилась, входя в ком-

нату, Дженни,— хотя я и не слышала, о чем вы тут говорили. Дэнни, а твоя машина может мыть посуду? Ни одной чистой тарелки нету.

— Что, Дженни? Наверное, может. Ну конечно, может.

— Тогда скажи ей, пусть вымоет. Я хочу посмотреть.

— Ой... Я её на это занятие не программировал. Сейчас сделаю, раз ты хочешь. Только чтобы сделать это как следует, понадобится несколько часов. После этого, конечно, «Пит» сможет это делать. А вот в первый раз... Понимаешь, мытьё посуды требует принятия множества оперативных решений. Это — в определённой степени умственная работа, понимаешь? Это же не такая примитивная штука, как класть кирпичи или водить грузовик.

— Слышали?! Наконец-то нашелся мужчина, который понял, что такое домашняя работа. Ты слышал, что он сказал, дорогой? Не надо, Дэнни, не отвлекайся на его обучение сейчас. Я сама вымою.— Она огляделась по сторонам.— Да, Дэнни, мягко говоря, живёшь ты, как свинья.

Честно говоря, я совершенно упустил из виду, что «Пит» может работать и на меня. Я слишком увлекся, «обучая» его работать на других, заряжая его различными профессиональными навыками, а сам просто заметал мусор в угол или не обращал на грязь в доме внимания.

Теперь я начал учить его всяким домашним делам. Емкости его «мозга» на это хватало: я установил в него втрое больше торсеновских ячеек, чем было у «Салли». И время у меня теперь на это было: дело взял в свои руки Джон.

Дженни печатала нам описания. Джон нанял патентного поверенного — помочь составить формулы изобретений. Не знаю, заплатил ли ему Джон или дал участие в прибылях,— я не спрашивал. Я всё оставил на его усмотрение, даже то, как разделить наши акции. Это не только позволяло мне заниматься своим делом. Я решил: если он сумеет по-честному решить этот вопрос, то уже никогда не поддастся искушению, как Майлс. И кроме того, я, честно говоря,

не очень беспокоился об этом. Не настолько меня интересовали деньги сами по себе. Либо Джон и Дженни достойны моего доверия, либо придётся искать себе пещеру и уходить в отшельники.

Я настаивал только на двух вещах.

— Джон, я считаю, что мы должны назвать корпорацию «Аладдин». Инженерно-конструкторская корпорация «Аладдин».

— Забавное название. А чем плохо «Дэвис энд Саттон»?

— Так надо, Джон.

— Что, опять твое предвидение тебе подсказывает?

— Возможно, возможно. Товарным знаком у нас будет изображение Аладдина, потирающего лампу, и появляющегося над нею джинна. Я тебе набросаю примерно. И ещё одно: штаб-квартира корпорации пусть лучше будет в Лос-Анджелесе.

— Что? Это ты слишком уж многоного хочешь. Если, конечно, ты хочешь, чтобы корпорацией управлял я. А чем тебе не подходит Денвер?

— Да Денвер тут ни при чём. Отличный город. Но фабрику тут открывать глупо: подберешь хорошее место для фабрики, построишь, а однажды этот федеральный анклав решит, что им это место нужнее, отберёт, и ты остался без средств производства до тех пор, пока не построишь новую в другом месте. Кроме того, свободных рабочих рук мало, сырьё возят за тридевять земель, строительные материалы можно купить только на чёрном рынке. А в Лос-Анджелесе квалифицированной рабочей силы хоть отбавляй, Лос-Анджелес — порт, Лос-Анджелес — это...

— А как насчёт смога? Нет, мне это не по душе.

— Со смогом справляется очень скоро. Поверь мне. А ты разве не заметил, что и в Денвере тоже появился смог?

— Ну, подожди минутку, Дэн. Я уже понял, что мне придётся тут воевать, пока ты там где-то будешь проворачивать свои делишки. О'кей, я согласен. Но у меня должно

быть хотя бы право выбора решений, прежде всего — относительно условий труда!

— Так необходимо, Джон.

— Дэн, ни один человек в здравом уме не согласится переехать из Колорадо в Калифорнию. Наша часть стояла там во время войны, так что я знаю. Вот Дженнинг, к примеру: она родилась в Калифорнии, это её тайный позор. И она ни за какие деньги не согласится туда вернуться. Здесь есть зима, смена времён года, свежий горный воздух, прекрасные...

Дженнинг пристально посмотрела на него.

— Ну, я бы не стала утверждать столь категорично, что я никогда не соглашусь вернуться в Калифорнию.

— Что я слышу, дорогая?

Дженнинг тихо вязала в уголке. Она никогда не открывала рта, если ей было нечего сказать. Сейчас она отложила вязанье — верный признак.

— Если бы мы перебрались туда, дорогой, ~~но~~ могли бы вступить в клуб «Оукдейл». Там можно купаться в открытом бассейне круглый год. Когда в прошлые выходные я увидела ледок в бассейне в Боулдере, я подумала: как было бы здорово, если мы...

Я остался в Денвере до последней минуты — до второго декабря 1970 года. Мне пришлось занять у Джона три тысячи долларов: цены на компоненты были грабительские; но я предложил ему закладную на мои акции в обеспечение долга. Он подождал, пока я подпишу закладную, порвал её и бросил клочки в мусорную корзинку.

— Вернёшь, когда вернёшься.

— Это будет только через тридцать лет, Джон.

— Так долго?!

Я задумался. Он ни разу не попросил меня рассказать ему всё от начала до конца, с тех пор — шесть месяцев назад — когда заявил, что не верит в главное звено этого рассказа, но что всё равно поручится за меня в клубе, несмотря на это.

Я сказал, что, по моему мнению, пора мне уже рассказать ему всё как есть.

— Разбудим Дженни? Она тоже имеет право знать.

— Ммм... нет. Пусть вздремнёт, пока ты здесь. Разбудим, когда соберёшься уходить. Дженни — человек очень бесхитростный. Она не задаётся вопросами, кто ты и откуда,— ты ей понравился. Если ты считаешь, что ей надо знать всё это, то я расскажу ей, когда она проснётся.

— Ну, как знаешь.— Он выслушал мой рассказ, не перебивая, только подливал в стаканы: мне — имбирного (у меня было основание не пить спиртного), себе — виски на донышке. Когда я добрался до того места, как очутился на склоне горы в окрестностях Боулдера, я остановился.— Вот,— сказал я.— Хотя я упустил из виду один момент. Я потом несколько раз смотрел на то место. куда свалился из будущего. Упал я с высоты не более полуметра. Если бы лабораторию построили — то есть если её построят — чуть углубясь в гору, меня бы похоронило заживо. Вы оба при этом, наверное, тоже погибли бы. А может, и целый город: не представляю, что происходит, когда волны превращаются в массу в той точке, где уже есть другая масса.

Джон молча продолжал курить.

— Ну,— спросил я,— что ты думаешь?

— Дэнни, ты мне тут порассказал кучу вещей о том, каким станет Лос-Анджелес. То есть «Большой Лос-Анджелес». Когда мы увидимся, я скажу тебе, насколько верно ты угадал.

— Верно, не сомневайся. Разве что в мелочах память подвела.

— Хмм... Звучит у тебя это логично. Но пока не увижу своими глазами, я буду считать, что ты — самый славный лунатик из тех, что мне доводилось видеть. Не сказать, чтобы ты от этого стал плохим инженером... или другом. Ты мне нравишься, парень. На Рождество я подарю тебе новую смирительную рубашку.

— Тебе виднее.

— А куда мне деваться? Иначе мне придётся признать, что я сам начисто сошёл с ума. А это будет очень неприятно Дженнни.— Он взглянул на часы.— Пожалуй, пора её будить. Она с меня скальп снимет, если я отпушу тебя, не дав с нею попрощаться.

— Мне и в голову не пришло бы уехать, не попрощавшись с нею.

Они отвезли меня в Денверский международный аэропорт, и у ворот Дженнни поцеловала меня на прощание. Я успел на одиннадцатичасовой рейс на Лос-Анджелес.

11

На другой день — третьего декабря 1970 года — таксист высадил меня за квартал от дома Майлса. Высадил достаточно загодя — я точно не знал, в котором часу я туда приехал в первый раз. Когда я подошёл к дому, уже стемнело, но я разглядел, что у дома стоит только одна машина. Я остановился метрах в ста, в таком месте, откуда можно было наблюдать за этим участком улицы, и стал ждать.

Через пару сигарет я увидел, как подъехала другая машина, остановилась. Погасли фары. Я подождал для верности ещё пару минут и поспешил к ней. Это была моя машина.

Ключей у меня не было, но это не беда: я так задумывался над своими техническими проблемами, что вечно терял или забывал ключи. Поэтому давным-давно я припрятал запасные в багажнике. Теперь я выудил их оттуда и влез в машину. Дорога в том месте, где я припарковал машину, шла немного под уклон. Не включая ни двигатель, ни фары, я выжал сцепление, и машина покатилась. Доехав до угла, я свернул, завёл двигатель и, по-прежнему не включая фар, припарковал машину позади дома Майлса, рядом с воротами его гаража.

Гараж был заперт. Я заглянул в пыльное окошечко и увидел внутри какой-то предмет, накрытый брезентом. Судя по очертаниям, это была наша добрая старая «Салли».

В 1970 году в Южной Калифорнии не строили таких гаражей, что устояли бы перед человеком, вооружённым монтировкой и решимостью открыть гаражную дверь. Больше минуты у меня это не отняло. А вот разобрать «Салли» на части и уложить в багажник моей машины оказалось делом куда более долгим. Но сперва я убедился, что мои чертежи и описания там, где я их оставил. Там они и были. Я кинул их на пол машины, потом занялся самой «Салли». Никто лучше меня не знал, как она собрана, а то, что я не очень беспокоился, повреждая ту или иную часть, заметно ускорило дело, и всё равно я провозился, раскручивая её, почти час.

Я как раз сунул в багажник последнюю часть — шасси от кресла — и попытался закрыть крышку багажника (до конца её закрыть не удалось), когда услышал, что Пит начал выть. Чертыхнувшись — долго провозился! — я обежал вокруг гаража и очутился на их заднем дворе. Тут-то и началось.

Я дал себе слово, что не упущу ни одного мгновения из триумфа Пита. Но оказалось, что увидеть это мне не удастся. Задняя дверь была открыта, и свет заливал сетчатую дверь от москитов, но, хотя я слышал топот, грохот, боевой клич Пита и визг Беллы, они ни разу не соизволили появиться в поле моего зрения. Тогда я подполз к сетке, надеясь хоть краем глаза глянуть на это кровопролитие.

Чёртова дверь оказалась заперта! Это было единственным нарушением составленного мною расписания. Я лихорадочно достал складной нож, сломал ноготь, открывая его, прорезал сетку и успел отпереть задвижку как раз в тот момент, когда Пит с маху влепился в сетку, как мотоциклист-каскадёр в забор. Я еле успел отпрянуть.

Приземлился я на розовый куст. Не знаю, пытались ли

Белла с Майлсом преследовать его во дворе. Сомневаюсь; я бы на их месте не рискнул. Но я был так занят, выпутываясь из куста, что даже не следил за этим.

Встав на ноги, я спрятался за кустами и прокрался к стене дома: я хотел убраться подальше от открытой двери и падающего через неё света. Теперь оставалось только дождаться, пока Пит присмиреет. В том состоянии, в каком он был в тот момент, я бы к нему не прикоснулся. А уж в руки не взял бы точно. Я котов знаю.

Но каждый раз, когда он проходил мимо меня в сторону двери, издавая утробное «а ну, выходи!», я тихонько звал его:

— Пит... Ну, иди сюда, Пит. Ну, тихо, тихо... Всё в порядке... Ну, иди к папуле...

Он узнал меня и даже дважды взглянул в мою сторону, но и только. У котов всё идёт своим чередом: раз у него есть срочное дело, значит, ему некогда терять головой о мои ноги. Но я твёрдо знал: когда его зло~~д~~ иссякнет, он придёт.

Сидя в засаде, я услышал шум льющейся воды из ванных комнат. Значит, они ушли приводить себя в порядок и остали меня — того, первого меня — одного в комнате. Тут меня посетила жуткая мысль: а что будет, если я сейчас влезу в комнату и перережу себе глотку? Тому, беспомощному? Но я отогнал её: не настолько уж я любопытен, а самоубийство — эксперимент отчаянный, просто крайний, даже если обстоятельства теоретически заманчивы.

Но я так и не сумел просчитать это построение до конца.

Да и вообще заходить внутрь мне не хотелось, чтобы случайно не столкнуться с Майлсом. Дело могло кончиться трупом в кузове какого-нибудь грузовика.

Наконец Пит остановился, в метре от моей протянутой руки.

— Мпп-урр,— сказал он, что означало: «Пошли, зададим им трёпку; ты — по верхам, а я снизу».

— Нет, малыш. Концерт окончен.

— Ну, муррр!

— Домой пора, Пит. Ну, иди к Дэнни.

Он сел и стал умываться. Потом поднял голову, и я протянул ему руки. Он прыгнул мне в объятия и мурлыкнул, спрашивая: «Где же ты был, когда началась эта заваруха?»

Я отнёс его к машине и посадил на водительское место — это было единственное относительно свободное место в машине. Он понюхал железки на своем излюбленном заднем сиденье и укоризненно огляделся.

— Придётся тебе ехать у меня на коленях,— сказал я ему.— И не возникай.

Фары я включил, только когда мы выехали на улицу. Я свернул на восток и поехал к Большому Медвежьему озеру — к скаутскому лагерю. За первые же десять минут я выкинул столько частей от «Салли», что для Пита появилось место на заднем сиденье. На своём законном месте он сразу пришёл в хорошее настроение. А когда через несколько миль я добрался до лежащих на полу бумаг, то остановился, сгрёб их и сунул в люк ливневого стока. Шасси я не стал выбрасывать до тех пор, пока мы не добрались до гор: кувыркаясь по склону, оно очень звонко и весело громыхало на прощание.

Около трёх ночи я остановился у мотеля рядом с поворотом к лагерю и снял комнату, изрядно переплатив из-за неурочного часа. Пит опять чуть не испортил всю обедню, высунув голову из сумки и что-то громко сказав, едва хозяин мотеля успел закрыть за собою дверь.

— В котором часу,— спросил я хозяина, догнав его за дверью,— приходит утром почта из Лос-Анджелеса?

— Вертолёт садится в семь тринадцать вон на том пятачке.

— Отлично. Разбудите меня, пожалуйста, в семь.

— Мистер, если вы можете в таких прекрасных местах спать до семи, то я вам завидую. Но я запишу.

К восьми утра мы с Питом позавтракали. Я, кроме того, побрился и принял душ. Осмотрев Пита при дневном свете, я убедился, что из битвы он вышел невредимым, разве что с парой ушибов. Мы расплатились и тронулись. Я свернул на дорогу к лагерю. Казённый грузовик — вероятно, почта — свернул на ту же дорогу прямо перед нами. Я решил, что день будет удачный.

В жизни не видел столько девчонок одновременно. Они резвились, как котята, такие одинаковые в своих зелёных формах. Когда я шёл по лагерю, многие из них смотрели на Пита и, наверное, хотели его погладить, но не решались и смущенно отворачивались. Дойдя до домика с надписью «штаб», я обратился к dame в такой же зеленой униформе.

Она явно подозревала меня в дурных намерениях. Впрочем, когда незнакомые мужчины приезжают навестить девочек, которые вот-вот станут девушками, подозрительность объяснима.

Я объяснил бдительной dame, что я дядя одной девочки, Дэниэл Б. Дэвис, и что у меня для неё важное сообщение насчёт семейных дел. В ответ она возразила, что все остальные посетители, кроме родителей, допускаются только вместе с родителями и что в любом случае время для посещений — только с четырёх часов.

— Я не прошу разрешения побывать у Фредерики. Я должен только сообщить ей кое-что. Это очень срочно.

— В таком случае вы можете написать ей записку, а я передам её девочке, когда у неё кончатся занятия ритмической гимнастикой.

Моё огорчение было неподдельным.

— Я бы не хотел писать об этом. Лучше я сам, лично скажу девочке.

— Что, кто-то умер?

— Не совсем. Но в семье неприятности. Простите, мэм, но я не могу вам рассказать. Это касается матери моей племянницы.

Она заколебалась, но ещё держалась. Тут в разговор

вступил Пит: я держал его на руках, как ребёнка. Оставлять его в машине я не хотел — Рики наверняка захочет с ним повидаться. Он долго терпел подобное обращение, но теперь, видно, его терпению пришёл конец:

— Му-у-у-рр??!

Она посмотрела на него и сказала:

— А у меня дома такой же. Как из одного помёта! Я торжественно произнёс:

— Это кот Фредерики. Пришлось взять его с собою, потому что... ну, в общем, пришлось. О нём некому позабочиться.

— Ох ты, бедная зверюшка! — она почесала его под подбородком, сделав это — слава Богу! — как положено. Пит тоже воспринял ласку как положено (опять слава Богу!..): вытянул шею, закрыл глаза — сразу видно, что доволен. Он всегда очень сдержан и строг с чужими, если они неправильно себя ведут.

Покровительница юных дев велела мне сесть за столик под деревом, рядом с штабом. С одной стороны, вроде бы для частной беседы условия подходящие, а с другой — всё-таки под её присмотром. Я поблагодарил, сел и стал ждать.

Я не видел, как подошла Рики. Я только услышал: «Дядя Дэнни!» — а когда повернулся: «Ой, и Пит тут! Как здорово!!»

Пит взмурлыкнул оглушительным муром и кинулся к ней. Она ловко поймала его на лету, усадила поудобнее и на несколько секунд начисто забыла про меня — у них был свой ритуал. Потом подняла глаза и сказала степенно:

— Дядя Дэнни, я так рада, что ты приехал!

Я не обнял её. Я к ней пальцем не прикоснулся. Я вообще считаю, что лапать детей не надо, а Рики была такая строгая — она терпела все эти объятья только тогда, когда уж деваться было некуда. Наши отношения, с тех пор как ей сравнялось шесть, строились на взаимном уважении личности и достоинства другого.

Но я посмотрел на неё: голенастая, тощая, быстро вы-

тянувшаяся, но ещё не налившаяся соком юности,— маленькой девчонкой она была гораздо красивее. Её шорты и футболка, её облупившийся от загара нос, ссадины, синяки и грязные (в меру!) локти тоже не прибавляли женского очарования. От будущей женщины в ней были только намётки, только огромные серьёзные глаза на худом, измазанном копотью лице.

Она была прекрасна.

Я ответил:

— Я тоже очень рад тебя видеть, Рики.

Неуклюже поддерживая Пита одной рукой, другой она полезла в оттопыривающийся карман.

— А я так удивилась: мне только что отдали письмо от тебя. Меня позвали сюда как раз с раздачи почты — я даже не успела прочитать его. Ты, наверное, пишешь, что приедешь сегодня?

Она достала скомканный в маленьком кармане конверт.

— Нет, Рики. Там сказано, что я уезжаю. Но потом, когда я отправил его, я решил, что надо самому заехать к тебе попрощаться.

Она погрустнела и опустила глаза.

— Уезжаешь?

— Да. Я тебе всё объясню, Рики, только это долго. Давай присядем.— Мы уселись за стол под пондерозой, друг напротив друга, и я стал рассказывать. А Пит улёгся между нами, положил лапы на лежащий на столе измятый конверт, изобразил этакого сфинкса и запел тихонько, словно шмель в клевере, щурясь от удовольствия.

Я испытал огромное облегчение, узнав, что она уже в курсе насчёта женитьбы Майлса и Беллы,— мне очень не хотелось первым сообщать ей эту новость. Она на секунду подняла на меня глаза и сразу же опять уткнулась взглядом в стол. Совершенно без выражения она сказала:

— Да, я знаю. Мне папа об этом написал.

— Ах, вот оно что...

Она вдруг как-то повзрослела; на лицо набежала обида.

— Я туда больше не вернусь, Дэнни. Я к ним не пойду.

— Но... слушай, Рики-Тики, я тебя понимаю. Я тоже не хочу, чтобы ты туда возвращалась. Я бы сам тебя забрал, если бы мог. Но куда же тебе деваться? Он твой папа, а тебе всего одиннадцать.

— Он не мой папа. И я к нему не поеду. За мною моя бабушка приедет.

— Что? Когда приедет?

— Завтра. Она из Броули приедет. Я ей всё написала и спросила: можно, я у неё поживу? Я не хочу жить у папы, раз она там.— Она сумела вложить в это «она» столько неприязни — ни одно взрослое ругательство не смогло бы передать такого отвращения.— Бабушка пишет, что раз я не хочу там жить, то и не надо — он меня не удочерили, а она — мой «законный попечитель», так она написала.— Рики с тревогой глянула мне в глаза.— Это правда, да? Они же не могут заставить меня? А?

На меня тёплой волной нахлынуло облегчение. Вот уже много месяцев я ломал голову и не мог найти ответа на мучивший меня вопрос: как уберечь девчонку от тлетворного влияния Беллы хотя бы на два года? Мне казалось, что за два года у Беллы с Майлсом всё рухнет.

— Раз он тебя не удочерили, Рики, то бабушка, я думаю, сможет забрать тебя к себе жить, если вы обе будете достаточно настойчивы.

Тут я нахмурился и закусил губу:

— Ты знаешь, а ведь могут быть проблемы. Тебя могут с нею не отпустить отсюда.

— А как это они меня не отпустят? Я сяду в машину — и всё.

— Всё не так просто, Рики. Лагерное начальство — им приходится всё делать по правилам. Твой папа — то есть Майлс — он тебя сюда привёз; и они вряд ли отдадут тебя кому-то, кроме него.

Она надула губы:

— А я к нему не поеду. Я к бабушке хочу.

— Да. Но я, наверное, знаю, как это облегчить. На твоём месте я бы не стал никому говорить, что уезжаю. Я бы просто сказал, что бабушка хочет свозить тебя прогуляться на прогулку,— а самой взять и не вернуться.

Напряжение её чуть убавилось.

— Ладно.

— Э-э... не собирай сумку и не бери с собой ничего такого — догадаются, что ты сбегаешь. Не бери одежду, кроме той, что будет на тебе. Деньги и всё ценное, что хочешь увезти, положи в карманы. Ничего такого, что тебе было бы очень жалко оставить, у тебя тут нет, я думаю.

— Наверное, нет.— Однако она приуныла.— У меня тут новенький купальник...

Ну как объяснить ребёнку, что бывают ситуации, когда надо бросить свои пожитки? Это невозможно. Они кидаются в горящий дом, чтобы вытащить оттуда куклу или плюшевого мишку.

— Ммм... Рики, пусть твоя бабушка скажет, что вы поедете к озеру Эрроухэд купаться... а потом обедать в ресторан и что ты вернёшься к отбою. Тогда ты сможешь взять с собой купальник и полотенце. Но уж больше ничего. Бабушка будет говорить так, если ты попросишь?

— Я думаю, будет. Да, будет. Она говорит, что люди должны иногда немного приврать, а то жить станет невозможно. Но она говорит, что этим можно только иногда пользоваться, но никак не злоупотреблять.

— Умная у тебя, похоже, бабушка. Сделаешь, как я сказал?

— Именно так и сделаю, Дэнни.

— Ну и хорошо.— Я взял со стола измятый конверт.— Рики, я уже тебе сказал, что уезжаю. И очень надолго.

— На сколько?

— На тридцать лет...

Глаза у неё сделались круглые, как тарелки. Когда тебе

всего одиннадцать, тридцать лет — это не просто «надолго». Это — навсегда. Я добавил:

— Прости меня, Рики. Но так нужно.
— Почему?

На этот вопрос я не мог ей ответить. Правдивому ответу она бы не поверила, а врать не годилось.

— Рики, это очень-очень трудно объяснить. Но я должен. Я ничего тут не могу поделать.— Я чуть помедлил, решаясь. Потом добавил: — Я собираюсь лечь в Долгий Сон. Ну, ты слышала — Холодный Сон.

Она слышала. Дети легче взрослых привыкают к новым понятиям. Холодный Сон — излюбленная тема детских комиксов. На лице у неё отразился ужас, и она возразила:

— Но, Дэнни, я же никогда тебя больше не увижу!

— Увидишь. Не скоро, но обязательно увидишь. И Пита тоже. Ведь Пит едет со мною и тоже будет спать вместе со мной.

Она посмотрела на Пита и стала ещё безутешнее.

— Дэнни... А может, вы с Питом поедете в Броули, будете там жить у нас? Так же лучше! Бабушка будет Пита любить. И тебя тоже — она говорит, что когда в доме есть мужчина, это очень хорошо...

— Рики, милая... ну, я не могу. Не дразни меня.— Я вскрыл конверт.

Она сердито наступилась, подбородок её задрожал.

— Это всё из-за неё!

— Что? Если ты про Беллу, то нет. Не совсем из-за неё.

— А она не ложится спать Холодным Сном с тобою?

Кажется, меня передёрнуло.

— Господи помилуй, нет, конечно! Я бы её близко не подпустил!

Кажется, Рики чуть отмякла.

— Знаешь, я так из-за неё на тебя разозлилась... Прямо до ужаса.

— Ты прости меня, Рики. Мне очень жаль, честное

слово. Ты была права, а я — нет. Но к этому делу она никакого отношения не имеет. У меня с нею всё кончено, во веки веков, вот крест святой. Теперь насчёт этого.— Я вынул сертификат на все свои владения в «Золушке Инк.».— Знаешь, что это такое?

— Нет.

Я объяснил:

— Это тебе, Рики. Меня очень долго не будет, и я хочу, чтобы это было твоё.— Я взял лист бумаги с распоряжением о переуступке акций, порвал его, а клочки сунул в карман. Оставлять его было рискованно: мы ещё были на тропе войны, а порвать лист бумаги для Беллы — раз плюнуть. Перевернув сертификат, я стал изучать раздел «изменение владельца», размышляя, как бы это полнее оформить переуступку на хранение в «Бэнк оф Америка» на имя...— Рики, а как твоё полное имя?

— Фредерика Вирджиния Фредерика Вирджиния Джентри. Ты же знаешь.

— Разве Джентри? Ты же, кажется, сказала, что Майлс тебя не удочерил?

— Сколько я себя помню, я всегда была Рики Джентри. А моя настоящая фамилия — как и бабушкина. Это папина фамилия: Хайнеке. Только меня так никто не зовёт...

— Теперь будут.— Я написал: «Фредерике Вирджинии Хайнеке» и добавил: «...с тем, чтобы она вступила в право собственности по исполнении ей двадцати одного года». По спине у меня бегали мураски: та, первая переуступка, на отдельном листе, была недействительной с самого начала!..

Собираясь расписаться, я заметил, что из домика выглядывает наша надзирательница. Я взглянул на часы: мы говорили уже целый час. А время дорого. Но я хотел, чтобы всё было железно.

— Мэм!

— Да?

— Нет ли поблизости нотариуса? Или мне придётся ехать в посёлок?

— Я — нотариус. Что вам угодно?

— О, хорошо! Прекрасно! А печать у вас есть?

— Я никогда с нею не расстаюсь.

Так что я подписал сертификат у неё на глазах, и она немного отступила от своих строгих правил (когда Рики заверила её, что хорошо знает меня, а Пит молчаливо засвидетельствовал мою благонадёжность, как действительного члена тайного братства кошатников) и написала: «...известного мне лично как поименованный Дэниэл Б. Дэвис...».

Когда поверх моей и своей подписи она поставила печать, я вздохнул с облегчением. Пусть теперь Белла попробует добраться до этого!

Она с любопытством взглянула на сертификат, но ничего не сказала. Я торжественно заявил:

— Случившейся беды не воротишь, но это хоть немного поможет: девочке надо учиться!

Она не взяла платы, шмыгнула носом и ушла в домик. Я повернулся к Рики и сказал:

— Отдай бабушке. Пусть сдаст в отделение «Бэнк оф Америка» в Броули. А они уж обо всём позаботятся.— Я положил сертификат перед нею.

Она не притронулась к нему.

— Это стоит много денег, да?

— Изрядно. А будет стоить ещё больше.

— Мне этого не надо.

— Но, Рики, я хочу, чтобы это было твоё.

— Не надо. Я не возьму.— Её глаза наполнились слезами, голос задрожал.— Ты... Ты уезжаешь навсегда, и тебе на меня наплевать.— Она всхлипнула.— Как тогда — когда ты собрался на неё жениться. Ты же мог просто взять Пита и уехать к нам с бабушкой. Не нужны мне твои деньги!

— Рики. Послушай, Рики. Уже поздно: я не могу взять их обратно, даже если бы захотел. Они теперь твои.

— А мне всё равно. Я к ним не притронусь.— Она

протянула руку, погладила Пита.— Пит бы не уехал, не бросил бы меня... Это ты его заставляешь. Теперь у меня даже Пита не будет.

Я спросил неуверенно:

— Рики? Рики-Тики-Тави? Ты хочешь ещё увидеть Пита... и меня?

Она ответила так тихо, что я еле разобрал:

— Конечно хочу. Но ведь не увижу... Не смогу.

— Сможешь!

— Как? Ты же сам сказал, что вы уходите в Долгий Сон... на тридцать лет.

— Да. Так надо, Рики. Но вот что ты можешь сделать. Будь умницей, поезжай жить к бабушке, ходи в школу — а деньги пусть себе копятся. А когда тебе исполнится двадцать один — если ты, конечно, ещё будешь хотеть увидеть нас с Питом,— у тебя хватит денег, чтобы тоже купить себе Долгий Сон. А когда ты проснёшься, ~~я~~ уже буду тебя там ждать. Мы оба с Питом будем ~~тебя~~ ждать. Честное-пречестное.

Выражение лица у неё изменилось, но она не улыбнулась. Она долго думала; потом спросила:

— Ты правда там будешь?

— Да. Только давай условимся о дате. Если сделаешь это, Рики,— делай так, как я тебе скажу. Застрахуйся в «Космополитан Иншуранс Компани» и обязательно скажи, чтобы тебя определили на хранение в Риверсайдское хранилище. И обязательно напиши распоряжение: разбудить первого мая 2001 года. В этот день я там буду тебя ждать. Если хочешь, чтобы я был рядом, когда ты откроешь глаза,— тоже оставь соответствующее распоряжение, а то меня не пустят дальше приёмной. Я это хранилище знаю — у них с этим строго.— Я вынул конверт, который подготовил перед выездом из Денвера.— Можешь всё это не запоминать. Я тут тебе всё написал. Просто сбереги это письмо, а в двадцать один год решай. Но мы с Питом будем там тебя встречать, можешь не сомневаться, независимо от то-

го, появившись ты там или нет.— Я положил приготовленную мною инструкцию на сертификат.

Я думал, что уговорил её, но она опять не притронулась ни к конверту, ни к сертификату. Она смотрела на них... Потом спросила:

— Дэнни?

— Да, Рики?

Она не подняла глаз. Спросила шепотом, тихо-тихо, еле слышно — но я услышал:

— А если я... ты на мне женишься?

В глазах у меня всё поплыло, шум в ушах превратился в рёв реактивного лайнера. Но я ответил отчётливо, ровно и гораздо громче, чем она спросила:

— Да, Рики. Это именно то, чего я хочу. Поэтому-то я так этого и добиваюсь.

Я оставил ей ещё одну вещь — запечатанный конверт с надписью: «Вскрыть в случае смерти Майлса Джентри». Я ничего не стал ей объяснять — просто велел сохранить его. В конверте были доказательства разнообразных похождений Беллы — как на ниве брачных афёр, так и в других областях. Если это попадёт в руки опытного юриста, суд опротестует завещание Майлса в пользу Беллы без колебаний.

Потом я подарил ей своё кольцо, полученное в день выпуска в институте,— больше у меня ничего подходящего не было.

— Теперь оно твоё,— сказал я,— мы помолвлены. Оно тебе пока велико, ты спрячь его. Когда проснёшься, я уже приготовлю тебе другое.

Она крепко сжала кольцо в кулаке:

— Мне не надо другого.

— Ну и ладно. А теперь попрощайся с Питом, Рики: нам пора. У нас уже нет ни минутки.

Она обняла Пита и посмотрела мне прямо в глаза

острым, пронзительным взглядом, хотя слёзы текли у неё по щекам, оставляя чистые дорожки.

— До свидания, Дэнни.

— Нет, Рики. Не «до свидания» — просто «пока!». Мы тебя ждем, помни.

В посёлок я вернулся без четверти десять. Оказалось, что вертолёт уходит в центр города через двадцать пять минут. Я успел отыскать единственный в посёлке магазин, торговавший подержанными автомобилями, и совершил одну из самых скорых сделок в истории: за полцены я продал свою машину — лишь бы за наличные. Я успел также незаметно пронести Пита в автобус (водители обычно следят, чтобы в салон не попадали коты, которых вдобыток перед этим укачало в вертолёте). В кабинет мистера Пауэлла мы попали в самом начале двенадцатого.

Пауэлл был очень недоволен, что я передумал насчёт «Мьючел», и был настроен прочесть мне лекцию за то, что я потерял бумаги.

— Не могу же я просить одного и того же судью завизировать ваши бумаги второй день подряд. Это крайне странно.

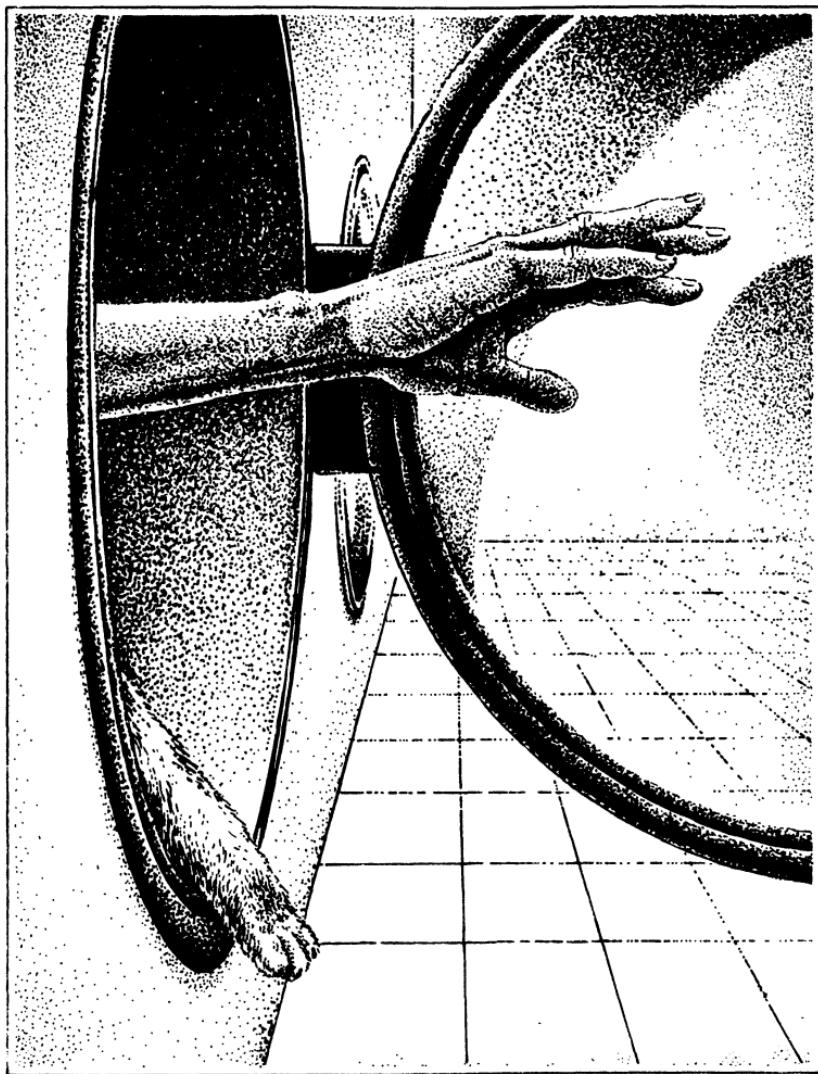
Я помахал перед ним деньгами — убедительно крупными купюрами.

— Бросьте огрызаться, сержант. Вы за меня берётесь или нет? Если нет — так и скажите: тогда я помчался в «Сентрал Вэли». Потому что я ложусь спать сегодня.

Он ещё попыхтел, но быстро сдался. Потом он ворчал насчёт продления срока сна на полгода и отказался гарантировать точную дату пробуждения.

— Обычно в контракте указывают: плюс-минус один месяц, на случай непредвиденных административных трудностей.

— В моём контракте такого не будет. Вы напишете «27 апреля 2001». И мне совершенно безразлично, что там

будет наверху — «Мьючел» или «Сентрал Вэли», мистер Паузлл. Я покупаю, вы продаёте. Если у вас нет нужного мне товара — я пойду искать его у других.

Он изменил контракт, и мы оба подписались.

Ровно в двенадцать я опять попал к доктору — на последний осмотр. Он посмотрел на меня и спросил:

— Не пили? Явились трезвый?

— Трезвый как судья, сэр.

— Тоже мне, сравнение... Посмотрим. Раздевайтесь.

Он осмотрел меня почти так же тщательно, как «вчера». Наконец он отложил свой резиновый молоточек и сказал:

— Я просто удивлён. Вы сегодня в гораздо лучшей форме, чем вчера. Просто удивительно.

— Э-э, доктор, вы и не представляете, насколько вы правы.

Я держал и успокаивал Пита, пока ему вводили снотворное. Потом лёг, и они принялись за меня. Я думаю, что мог бы не спешить — подождать ещё демёк-другой. Но, честно говоря, мне безумно хотелось туда, в 2001 год.

Около четырёх часов пополудни я мирно уснул. Пит тоже уснул, примостившись у меня на груди.

12

В этот раз мои сновидения были более приятными. Единственный неприятный сон (не кошмар, а просто скверный сон), который я помню — долгий, бесконечный и очень нудный: холодно; я слоняюсь, дрожа от холода, по бесконечным, разветвляющимся коридорам, открывая дверь за дверью в твёрдой уверенности, что уж следующая-то непременно окажется Дверью в Лето и за нею меня ждёт Рики. Пит мешает, задерживает меня, снуёт под ногами — знаете, у кошек есть такая манера? Он вроде бы идёт за мною, но

только впереди. Такие вещи кошки позволяют себе иногда, если уверены, что на них не наступят и не дадут пинка.

У каждой новой двери он протискивается у меня между ног и высовывается наружу; убедившись, что там зима, он норовит отпрянуть назад, чуть не сбивая меня с ног.

Но мы оба не теряем надежды, что за следующей дверью — Лето...

Я проснулся легко, без дезориентации. Доктор, будивший меня, был поражён, когда я попросил завтрак, «Грейт Лос-Анджелес Таймс» и не стал тратить время на пустую болтовню. Но не объяснять же ему, что я здесь уже во второй раз,— он бы всё равно не поверил.

Меня ожидала записка от Джона, написанная неделю назад:

Дэн, дружище!

Ладно, я сдаюсь. Как ты это сделал?

Подчиняюсь твоей просьбе не встречать тебя, хотя Дженн и возражает. Она велела передать тебе привет и сказать, что мы ждём тебя и надеемся, что ты скоро пожалуешь. Я пытался ей объяснить, что ты будешь занят некоторое время. Мы оба в полном порядке, хотя я теперь предпочитаю ходить там, где раньше бегал бегом. А Дженн стала ещё лучше, чем была.

Hasta la vista, amigo*.

Джон.

P. S. Если прилагаемого чека недостаточно — позвони. Тут ещё много. По-моему, мы неплохо потрудились.

Я хотел позвонить Джону — просто поздороваться и сказать ему, что у меня, пока я спал, родилась идея: устройство, превращающее мытьё из обязанности в сибаритское наслаждение. Но передумал: есть другие дела, более важные. Так что я сделал кое-какие наброски, пока мысль не ускользнула, и прилёг поспать. Пит прикорнул, уткнувшись носом мне под мышку. Никак я его от этого не отучу: лестно, конечно, но уж больно неудобно.

---

* До свидания, дружище (испан.) (прим. перев.).

В понедельник, тридцатого апреля, я выписался из хра-нилища и отправился в Риверсайд, где снял комнату в старой гостинице «Мишин Инн». Как я и ожидал, вышел небольшой шум из-за Пита. Подкупить автоматического коридорного, естественно, не удалось. Вряд ли подобные новшества можно рассматривать как улучшение обслуживания. К счастью, администратор на мои аргументы поддался легче: он готов был слушать их, пока они новенькие и хрустят. Я не заснул: я был слишком возбуждён.

Наутро, ровно в десять, я явился к директору Риверсайдского хралища.

— Мистер Рэмси, меня зовут Дэниэл Б. Дэвис. У вас есть на хранении клиент по имени Фредерика Хайнике?

— Надеюсь, у вас есть документы, удостоверяющие личность?

Я предъявил ему своё водительское удостоверение, выданное в Денвере в 1970 году, и свидетельство о пробуждении из хралища «Форест Лоун». Он посмотрел на них, на меня и вернул мне документы. Я встревоженно сказал:

— По-моему, её пробуждение назначено на сегодня. Не имеете ли вы распоряжений разрешить мне присутствовать? Я не имею в виду саму процедуру пробуждения — я имею в виду последнюю минуту, перед тем как ей введут последний рестимулянт и она придет в сознание.

Он выпятил губы и напыжился.

— В инструкции, оставленной данным клиентом, не содержится распоряжений разбудить её сегодня.

— Нет? — Я почувствовал обиду и разочарование.

— Нет. Точная формулировка её пожелания такова: вместо того чтобы разбудить её сегодня, она велела вообще не будить её до тех пор, пока не явитесь вы. — Он внимательно осмотрел меня с ног до головы и улыбнулся. — У вас, должно быть, золотое сердце: не могу представить, чтобы она решила так из-за вашей обворожительной внешности.

Я облегчённо вздохнул:

— Спасибо, доктор!

— Можете подождать в фойе или погуляйте часика два — раньше вы нам не понадобитесь.

Я вернулся в фойе, взял Пита и пошёл с ним гулять. Он ждал меня, пока я ходил к директору, сидя в новой дорожной сумке, и был очень недоволен, хотя я и купил очень похожую на его старую сумку и даже вставил на кануне специальное окошечко, через которое видно только изнутри. Наверное, в сумке просто ещё пахло «не так».

Мы зашли в «очень хорошее кафе», но я не чувствовал голода, хотя практически не завтракал. Пит доел за меня яичницу, а от дрожжевой соломки брезгливо отвернулся. К половине двенадцатого мы вернулись в хранилище. Наконец меня впустили, и я увидел её.

Я увидел только её лицо — тело было накрыто простыней. Но это была моя Рики, выросшая, взрослая женщина, похожая на задремавшего ангела.

— Она находится под постгипнотическим внушением,— тихо сказал доктор Рэмси.— Встаньте вон та~~м~~, и я её разбужу. Э-э, я думаю, вам бы лучше оставить вашего кота в сторонке.

— Нет, доктор.

Он начал что-то говорить, но пожал плечами и повернулся к пациентке.

— Проснись, Фредерика. Проснись. Пора просыпаться.

Её веки дрогнули, и она открыла глаза. Через несколько секунд, сфокусировавшись, её взгляд упёрся в нас; она сонно улыбнулась.

— Дэнни... и Пит.— Она протянула к нам руки, и я увидел у неё на большом пальце левой руки свое старое колечко.

Пит замурлыкал и прыгнул к ней на койку. Довольный, счастливый оттого, что снова видит её, он стал исступленно теряться о её плечо.

Доктор Рэмси хотел, чтобы Рики осталась хотя бы на сутки, но Рики и слышать об этом не хотела. Я взял такси,

подъехал прямо к дверям хранилища, и мы махнули в Броули. Бабушка её умерла в 1980-м, и с Броули её ничего всерьёз не связывало. Но у неё там хранилось кое-какое имущество, прежде всего книги. Их я отправил в «Аладдин» под присмотр Джона Саттона. Рики была поражена тем, как изменился её родной городок,— она повсюду ходила, крепко взяв меня за руку. Но ностальгии — этому постоянному спутнику сонников — она не поддалась. Она просто попросила меня скорее увезти её из Броули.

Я опять взял такси, и мы уехали в Юму. Там я вывел красивым почерком в регистрационной книге в мэрии своё полное имя: Дэниэл Бун Дэвис, чтобы ни у кого не осталось сомнений, какой именно Д. Б. Дэвис придумал этот шедевр. Через несколько минут я уже стоял рядом с нею, держал её за руку — такую хрупкую и тонкую — и, запинаясь, произносил: «Я, Дэниэл, беру тебя в жены... ...пока смерть не разлучит нас».

Шафером у меня был Пит, а свидетелями мы уговорили расписаться случайных посетителей мэрии.

Мы немедленно убрались из Юмы в загородную гостиницу — ранчо в окрестностях Тусона. Мы сняли коттедж подальше от основного здания, чтобы никого не видеть (в прислуках там держали нашего доброго «Трудягу Тедди»). Пит учинил совершенно грандиозную драку с котом, который был хозяином на этом ранче до нашего приезда. После этого пришлось держать его в комнате и следить за ним на прогулке. Впрочем, это обстоятельство оказалось единственным недостатком нашего пребывания там. Рики была прирожденная жена и хозяйка, словно именно она изобрела брак и семью. Ну, а я — я был счастлив: у меня же была Рики!

Мне трудно что-нибудь добавить к моему повествованию. Воспользовавшись тем, что акции Рики по-прежнему

оставались единственным крупным блоком, я живо отправил Макби этажом повыше — на должность «почётного конструктора-консультанта» — и усадил в его кресло Чака. Джон командует «Аладдином», хотя постоянно грозится уйти на пенсию. Пустые угрозы. Контролируем компанию я, он и Дженни — об этом позаботился он, когда издавал акции. Ни в одной из компаний я не вхожу в совет директоров. Я не управляю ими, поэтому они... конкурируют. Конкуренция — хорошая штука. Правильно её Дарвин придумал.

А я — я теперь просто «Дэвис Инжиниринг Компани» — комната с кульманом, маленькая мастерская и по-жилой механик, который считает меня сумасшедшим, но детали по моим чертежам делает достаточно точно. Когда очередное изделие готово, я продаю лицензию на него.

Я разыскал свои заметки про Твитчела. Потом я написал ему, сообщил о своем возвращении благодаря Холодному Сну и извинился за то, что позволил себе «усомниться» в его открытии. Я спрашивал его, не хочет ли он про честь рукопись, когда она будет завершена. Он не ответил — наверное, всё ещё злится на меня.

Но книгу я пишу, и она обязательно будет во всех крупных библиотеках, даже если мне придётся издать её за свой собственный счёт. Я слишком многим обязан старику: благодаря ему у меня есть Рики. И Пит. Я назову книгу «Невоспетый гений».

Джон и Дженни не стареют. Благодаря гериатрии, свежему воздуху, солнышку, тренировкам и безмятежному складу ума Дженни выглядит ещё очаровательнее в свои... кажется, шестьдесят три. А Джон — Джон считает, что я ясновидящий, и не желает видеть очевидного. Ну, как это я сумел сделать всё это?! Однажды я попытался объяснить это Рики, но ей стало плохо, когда она узнала, что, пока мы были в свадебном путешествии, я одновременно — без дураков! — был и в Боулдере. А когда я при

езжал к ней в скаутский лагерь, я в то же самое время лежал замороженный в Сан-Фернандо-Вэли.

Она побледнела. Тогда я сказал:

— Давай разберём всё это теоретически. С математической точки зрения тут всё логично. Предположим, мы берём морскую свинку. Белую с коричневыми пятнами. Сажаем её в темпоральную камеру и отправляем на неделю назад, в прошлое. Но ведь тогда получается, что неделю назад мы уже нашли эту морскую свинку в этой камере, значит, она уже сидела в клетке вместе с самой собою. Значит, теперь у нас уже две одинаковые свинки. То есть одна и та же свинка, только одна из них на неделю старше другой. Получается, что когда мы взяли одну из них и отправили на неделю в прошлое, то...

— Подожди минуту! Которую из двух?

— Которую? Так они же — одна и та же свинка. Конечно, ту, что на неделю младше, потому что...

— Ты же сказал, что она всего одна. Потом, что их две. Затем ты сказал, что две — это просто одна. Но ты собирался взять одну из двух... а там, ты говоришь, всего одна...

— Я же и пытаюсь объяснить тебе, как это две могут быть одной. Если взять младшую...

— А как отличить, которая младше? Они же совершенно одинаковые!

— Ну, можно отрезать кончик хвоста у той, которую отправляешь в прошлое. Когда она вернётся, то...

— Ой, Дэнни, какой ты жестокий! И кроме того, у морских свинок нет хвостов.

Она решила, что доказала свою точку зрения. Зря я взялся объяснять ей это.

Но Рики не из тех, кто ломает голову над вещами несущественными. Видя, что я расстроился, она тихо сказала:

— Ну, иди сюда, дорогой.— Взъерошив мне остатки волос, она поцеловала меня.— Мне вполне достаточно

одного тебя. Двух было бы многовато. Ты мне скажи: ты рад, что дождался, пока я вырасту?

В ответ я сделал всё, что мог, чтобы убедить её, что рад.

Но моё объяснение далеко не всё объясняет. Кое-что я и сам не понимаю, хотя я сам катался на этой карусели и считал обороты. Почему я не нашёл сообщения о своём пробуждении? Я имею в виду второе пробуждение, не в декабре 2000-го, а в апреле 2001-го. Должен был наткнуться на него: я ведь внимательно просматривал эти страницы. Второй раз меня пробудили 27 апреля 2001 года, в пятницу. Значит, на следующее утро в «Таймс» должно было появиться объявление. Но я его не видел. Теперь я отыскал его; вот оно: «Д. Б. Дэвис», в номере за субботу, 28 апреля 2001 года.

В философском смысле даже одна строчка способна изменить мир не меньше, чем исчезновение целого континента. Неужели старые рассуждения о множественных вселенных и разветвляющихся потоках времени верны? Неужели я попал в другую вселенную из-за того, что нарушил условия игры? Хотя я и нашёл в ней Пита и Рики? Значит, где-то (точнее, к о г д а т о) есть другая вселенная, где Пит выл до отчаяния, а потом убежал и одичал? И где Рики так и не сумела сбежать с бабушкой, а осталась страдать от мстительного гнева Беллы?

Нет. Одной строчки мало. Наверное, я просто заснул в тот вечер, не дойдя до строчки со своим именем. А утром выкинул газету в мусоропровод, решив, что прочёл её всю. Я такой рассеянный, особенно когда думаю о работе.

Но что бы я сделал, если бы увидел его? Поехал бы туда, встретил сам себя и рехнулся? Нет. Ибо, если бы я увидел его, я бы никогда не сделал то, что я сделал потом — «потом» для первого меня — и что привело к появлению объявления. Значит, этого никак не могло случиться. Регулировка здесь идёт по принципу отрицательной обратной связи с встроеннымми предохранителями, потому что само существование той строчки текста зависело от

того, увижу я её или нет. Очевидная на первый взгляд возможность того, что я увижу её, входила в число «невозможных состояний» данной схемы.

Есть только один реальный мир с одним прошлым и одним будущим. «Как было вначале, и ныне, и во веки веков пребудет в этом бесконечном мире. Аминь». Только один... но большой и сложный, и в нём есть место и для свободы воли, и для путешествий во времени, и для всего остального. Можешь делать всё, что угодно, в пределах правил... но всё равно вернёшься назад, к своей двери.

Я не единственный, кому удалось путешествовать во времени. У Форта описано слишком много случаев, которые ничем иным объяснить невозможно; у Амбруза Бирса — тоже. Мне кажется, что старый доктор Твитчел нажимал свою кнопку гораздо большее число раз, чем он сказал мне. Не говоря уже о других учёных, в прошлом и будущем, которые тоже могли придумать что-то подобное. Но я не думаю, что из этого когда-нибудь выйдет что-то путное. В моём случае об этом знали только трое, да и то двое из них отказались в это верить. Занимаясь путешествиями во времени, вы не много добьётесь. Как говорил Форт, придёт время железных дорог — будут и железные дороги.

Но у меня из головы не выходит Леонардо да Винчи. Неужели это Леонард Винсент? Неужели он сумел пройти через весь континент и вернуться в Европу с Колумбом? В энциклопедии есть вехи его жизни; но он мог сам приложить к этому руку. Я-то знаю, как это делается, — я сам этим немножко занимался. Тогда, в Италии, в пятнадцатом веке, не было удостоверений личности, номеров социального страхования и отпечатков пальцев. Может, он и сумел совершить это чудо.

Но вы только представьте себе: один, лишённый всего, к чему привык; он знал тайны полёта, энергии, тысяч разных вещей. Он отчаянно пытался воспроизвести их, нарисовать, чтобы их можно было сделать, — но его ждала неудача: нельзя сделать того, что мы делаем сегодня, не

опинаясь на предшествующий технологический опыт, накопленный веками.

Да танталовы муки и то слаще.

Я думаю, как можно было бы использовать путешествия во времени с коммерческой целью, если бы их рассекретили: делаешь короткий скачок, создаёшь машину для возвращения, берёшь с собою узлы и запасные части и снова в прошлое. Но однажды ты можешь сделать один лишний скачок и уже не сможешь вернуться: время ещё не приспело для «железных дорог». Нет чего-то элементарного — скажем, какого-то особого сплава,— и всё, ты попался. А главное — нельзя заранее определить, в какую сторону тебя забросит, вот в чём беда. Только представьте себе: очутиться при дворе короля Генриха VIII с грузом субфлексивных фазotronов, предназначенных для покупателя в двадцать пятом веке!

Нет, нельзя торговать моделью, в которой случаются сбои, помехи и неисправности.

Но о парадоксах времени и причинно-следственных анахронизмах я не беспокоюсь: если в тридцатом веке какой-нибудь инженер сумеет добиться безупречной работы установки, сделает сеть передающих станций, создаст систему торговли и обслуживания таких станций — значит, Создатель сотворил вселенную именно так. Он дал нам руки, глаза и мозг. Всё, что мы творим, не может быть парадоксом. Создателю не нужны настырные догматики — проводники Его законов природы: эти законы сами себя охраняют. Чудес не бывает.

Философия, впрочем, занимает меня не больше, чем Пита. Каков бы ни был мир на самом деле, он мне нравится. Я нашел свою Дверь в Лето, и больше я не стану путешествовать во времени — вдруг сойду не на той станции? Может быть, мой сын станет,— но тогда я скажу ему, чтобы ехал в будущее, а не в прошлое. В прошлое — только в исключительных случаях, когда надо что-то исправить. Будущее лучше, чем прошлое. Несмотря ни на что, мир с каждым

годом становится все лучше, потому что разум человеческий, изменяя окружающий мир, делает его лучше. Делает руками... инструментами... внутренним чутьем, наукой и техникой.

Большинство нынешних длинноволосиков не умеют сами гвоздя забить. Посадить бы их в камеру доктора Твитчела да забросить в двенадцатый век — пусть наслаждаются.

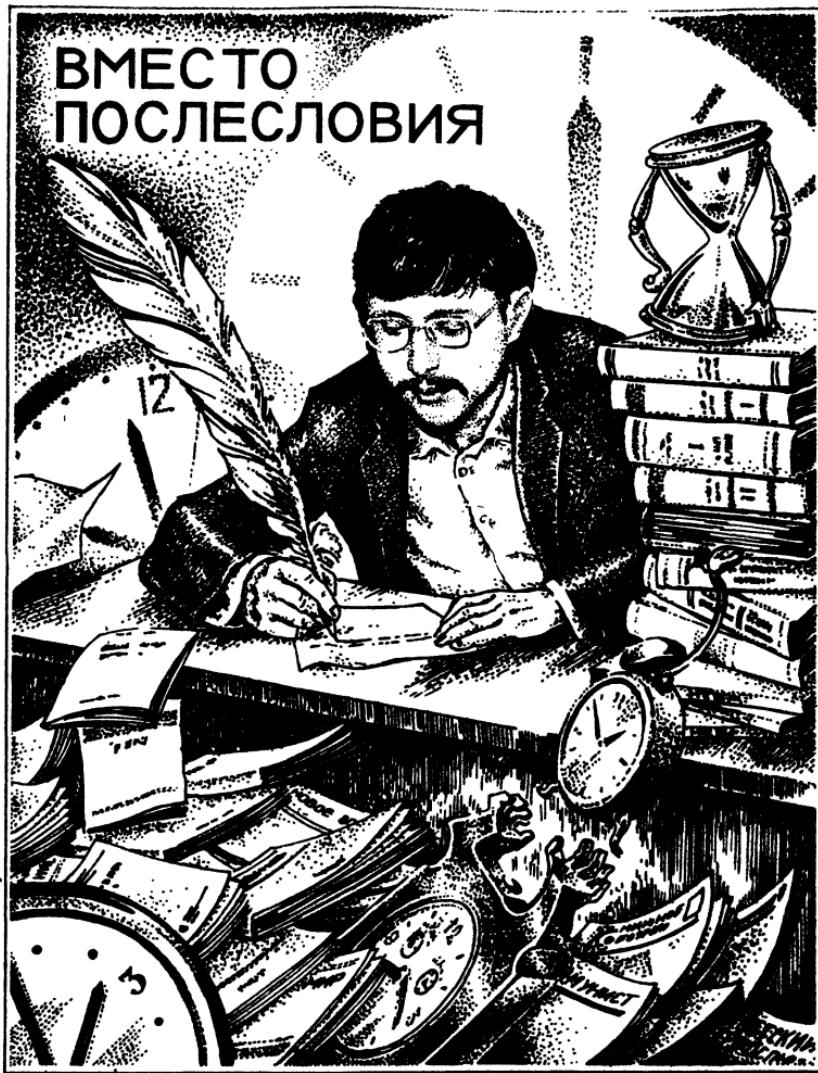
Но я ни на кого не держу зла, и мое время мне нравится. Вот только Пит стареет, толстеет и уже не связывается с молодыми котами. Очень скоро он уснёт слишком долгим сном. Я всем сердцем надеюсь, что его отважная душа найдёт свою Дверь в Лето, где колышутся под летним ветром поля валерианки, где кошки говорчивы и где любой подставит тебе колени или ногу, чтобы ты мог потеряться об неё,— но никто не пнёт ботинком.

Рики тоже поправилась, но это здоровая полнота, и это временно. Она стала от этого только прекраснее и всё так же звонко восклицает «Ну-у?!», когда удивляется, но чувствует себя при этом не очень уютно. Я сейчас разрабатываю устройства, способные облегчить её состояние. Быть женщиной вообще не очень удобно, и я хочу — и уверен, что сумею,— сделать что-нибудь такое, чтобы ей легче жилось. Трудно согнуться, поясница ноет — над этим я работаю сейчас. Я сделал ей гидравлическую кровать, которую, вероятно, запатентую. Надо бы ещё сделать что-то, чтобы было легче залезать в ванну и вылезать из неё, но я пока не придумал, что именно.

Для старины Пита я тоже изобрел «кошачий туалет» для плохой погоды — автоматический, самоопорожняющийся, гигиеничный и без запаха. Однако Пит настоящий кот — он предпочитает ходить на улицу и по-прежнему убеждён, что если попробовать все двери, то одна из них обязательно окажется Дверью в Лето.

И знаете... Я думаю, он прав.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ ПРОЩЕ ВРЕМЕНИ?

(Несколько соображений о путешествиях
в прошлое и будущее)

*Ведь кузнечик скакет,
А куда — не видит.*

Козьма Прутков

Говорят, что в наши фантастические времена, когда прошлое, по мнению британского остроумца, у нас непредсказуемо, а будущее весьма неопределенno, произведения профессиональных фантазеров как-то бледнеют. Кое-кто считает, что жанр НФ вообще отойдет на задний план. Лично я так не думаю. Напротив, я полагаю, что именно сейчас нам очень может помочь как раз НФ, и в особенности — та её часть, которая вплотную занимается путешествиями во времени (в прошлое ли, в будущее — куда автору захочется). Точнее даже, не самими путешествиями, а их последствиями — социальными, психологическими, политическими, нравственными (да-да, бывают и такие).

Какая тут связь?

А вот какая. Мы привыкли писать историю без черновиков, по-живому, как бог на душу положит. Почему-то мы всегда утешаем себя тем, что всё можно исправить, что у нас есть резервы, а потом выясняется, что и исправить нельзя, и резервов нет. Время ускоряется стремительно, и в каких-то случаях последствия могут стать непредсказуемыми.

«Старый метод — сначала проводить испытания, а потом исправлять ошибки — больше не годится. Мы живем в эпоху, когда одна ошибка может сделать уже невозможными никакие другие испытания». Эту толковую мысль высказал американский фантаст Джон Кемпбелл, который у нас не слишком известен (по-моему, незаслуженно), зато хорошо известен у себя в Штатах. И далее он добавил: «Научно-фантастическая литература дает людям средство экспериментировать там, где экспериментировать на практике стало нельзя». Тут, как говорится, ни убавить, ни прибавить. Фантасты, отправляя своих героев путешествовать во времени, старались промоделировать, «проиграть» те ситуации, которые в тех или других обстоятельствах могли бы осуществиться. «Мы не предсказываем будущее, мы его предотвращаем», — говорил другой американский фантаст Рэй Брэдбери.

Не скажу, как другие повести и романы Хайнлайна, а «Дверь в Лето», что вы сейчас прочли, не принадлежит к числу глубоких философских произведений. Чего нет, того нет. С предвидениями там тоже не густо. Упоминается, правда, мельком некая ядерная война между Востоком и Западом, но, по автору, этот конфликт оказался для Америки не слишком обременительным. Простим писателю эту наивность: из нашего 1990-го видно то, что не было заметно ещё в 1957-м, когда произведение впервые увидело свет. Толком тогда ещё не было известно про губительное воздействие радиации, о «ядерной зиме» никто и не думал, слово «экология» актуальным ещё не успело стать. К самой ядерной войне отношение было прямо-таки легкомысленное (к счастью, в период Карибского кризиса президенту Кеннеди уже хватило политического здравомыслия понять, что может закончиться обмен даже очень небольшими «толстяками» или «малышами»). Но, повторяю, о конфликте в повести говорится мельком: писатель просто отдавал дань бытовавшим в обществе стереотипам.

А сама по себе вещь Хайнлайна — добродетельное произведение, где путешествие во времени автор использует для того, чтобы дать возможность герою поквитаться с обидчиками и соединить свою судьбу с судьбой любимой девушки. По-моему, получилось очень хорошо и трогательно. И вообще, путешествия во времени для того, чтобы поправить свои личные дела, — совсем недурной способ применения машины, «изобретенной» Гербертом Уэллсом. Коллеги Роберта Хайнлайна по ремеслу нередко употребляли эти машины для целей куда менее благородных. Их герои что-то там крали в прошлом или будущем, использовали машины, чтобы захватить какую-нибудь власть или, на худой конец, просто прошвырнуться в другие эпохи с туристскими намерениями — людей посмотреть, себя показать, сувениров привезти. Один даже застрелил Магомета — не из выгоды, а так, эксперимента ради. Так что на этом фоне мистер Дэвис из повести Хайнлайна просто образец добродетели, без шуток.

Другое дело, что в ряду подобных произведений «Дверь в Лето» не открыла каких-то новых горизонтов и не обогатила ничем особенно новым собственно идею путешествий во времени. Но Хайнлайн и не стремился здесь быть первопроходцем — благо открытия его предшественниками и коллегами были сделаны, и можно было, не изобретая

излишних велосипедов, учесть их при построении сюжета. А сюжет он построил неплохо.

Открытия же в этой области были сделаны другими, и наш святой долг назвать эти имена. Для экономии времени и места ограничимся тремя: Герберт Уэллс, Айзек Азимов и Рей Брэдбери.

«Машина времени». «Конец Вечности». «И грянул гром».

Как вся русская классическая литература вышла из гоголевской «Шинели», так и вся англо-американская фантастика на тему хронопутешествий базируется на этих трех вещах.

Первый, Уэллс, придумал принцип. До него, конечно, кто-то тоже разгуливал по разным эпохам, посыпал героев в путешествия то туда, то сюда, и следопыты от литературоведения назовут несколько имен. Однако в литературе — в отличие от изобретательства — первый не тот, кто раньше других придумал, а тот, кто придумал и отменно об этом написал. Уэллс, изобразивший и сам рукотворный аппарат для перемещений во времени, и своего джентльмена-путешественника, написал просто здорово. Помните: викторианская Англия, неяркий свет свечей и Путешественник, входящий в зал навстречу своим гостям: «Не хотите ли взглянуть на саму Машину Времени?» И — легкая ажурная конструкция, вроде билана братьев Райт: никель, слоновая кость, горный хрусталь. В одной небольшой повести Уэллс разом расширил координаты обитаемого мира на порядок, возникло четвертое измерение, столь же неисчерпаемое, как первые три, но неосозаемое, таинственное. Жутко-тайновое. Если вспомнить мифологию, то ужасный Сфинкс задавал путешественникам загадку, как раз связанную с метаморфозами человека во Времени. Герой Уэллса обуздал эту стихию, подчинил себе, но в будущем его все равно ждал Белый Сфинкс — непостижимый символ бесконечно далекого и бесконечно непонятного грядущего (именно в пьедестале Белого Сфинкса и прячут свирепые Морлоки украденный у Путешественника аппарат). Впервые в романе Уэллса возникли эсхатологические мотивы. Мрачную картину вырождающегося человечества писатель нарисовал не оригинальности ради и отнюдь не из каких-то мизантропических побуждений. Лично я подозреваю, что он намеренно хотел вызвать легкий шок, привести в смущение, поселить беспокойство, предупредить об опасности (какой? — он чувствовал ее, но еще смутно). Если принять во внимание кое-какие уроки истории, которые нам преподали гораздо позднее,

то окажется, что предвидение писателя о возможности превращений классовых конфликтов в биологические не столь абстрактно-химерично. Трагическое подтверждение тому, к примеру,— людоедские штучки нашего «вождя всех времён и народов», о которых вспоминать тягостно, а забывать преступно.

Спасибо Уэллсу — он честно предупредил нас о том, какие невесёлые неожиданности могут нас ожидать впереди. Кто хотел, тот понял.

После Уэллса изображение грядущего в мрачных тонах уже нередко становилось традицией. Возможно, не все знают, что знаменитый Клиффорд Саймак тоже отдал ей дань: его первый рассказ «Мир Красного Солнца» (1931) был создан как раз в этом ключе. Поскольку рассказ пока ещё на русском не публиковался, несколько слов о сюжете: двое путешественников в будущее обнаруживают человечество иных веков буквально «стенающим под игом» инопланетного диктатора. Парни вступают с ним в борьбу, рискуя жизнью, побеждают, но победа их освобожденному человечеству, увы, впрок не идёт: под диктатором оно настолько впало в ничтожность, что не смогло возродиться в дальнейшем и вымерло. Эх, парни, парни, где вы раньше были?.. В общем, отправившись вперед ещё на пару столетий, путешественники обнаруживают на пустой Земле только памятник в честь их подвига. По правде говоря, слабое утешение, верно?

Прошу правильно понять мою иронию. Читая «Мир Красного Солнца», я тоже жалел погубленное человечество, но меня порядком смущала та комическая серьезность, с которой Саймак-дебютант нагнетал ужасы, мне они казались несколько ненатуральными... К счастью, впоследствии Клиффорд Саймак замечательно нашел с вою тему и манеру и с ними навсегда останется в мировой фантастике к вящему удовольствию читателей.

Итак, возвращаясь к Уэллсу, повторю: его «Машина времени» — не мертвый экспонат в музее фантастики, а живое, неумирающее произведение, которое — и после того, что писалось на эту тему в дальнейшем, — можно с наслаждением перечитывать.

Уэллс открыл Путешествие во Времени.

Айзек Азимов показал, как Временем можно беззастенчиво манипулировать. Он лишил людей последних остатков покоя. Каково, по-вашему, жить, зная, что кто-то из туманного далека направляет развитие твоей цивилизации? Конечно, во имя нашего собственного блага.

С самыми благородными побуждениями. Просто душки эти ребята из Вечности! Только технику Харлану почему-то не слишком уютно исполнять свою Великую Миссию во имя Идеалов, и он предпочитает живое чувство мертвым и опасным догмам...

А ведь как соблазнительно было бы иметь такую Полицию Времени! Там подправить, здесь подчистить. Тут добавить, там убрать. Чистое дистиллированное человечество под конвоем... виноват, под мудрой опекой смело движется к Светлому Будущему. «Знаем, знаем, это мы уже проходили!» Уэллс наполнил четвертое измерение тайной, Азимов лишил его всякой таинственности, изобразив его обжитым и унылым, как рядовая казарма. Кapsула времени заурядна, как обычный лифт. 123-е столетие, 124-е, ах, чёрт, застяли между этажами. Ничего, починим. Починили? Ну, поехали.

Во время можно вмешиваться, утверждают идеологи Вечности. Во время н е л ь з я вмешиваться, это преступление, доказывает Азимов — причем доказывает убедительно, с демократических позиций, близких теперь и нам. Роман увидел свет в США в 1952 году. На другом полушарии до Конца Вечности оставался только год.

И наконец, Брэдбери.

Он показал Время как единый организм, где абсолютно все взаимосвязано, где мелочей не существует, где любая ничтожная чепухинка, ерундовинка в прошлом может резко поменять будущее. Все действительное, подчеркивал Брэдбери вопреки Канту, вовсе не разумно, все в большой степени зыбко, хаотично, и единственное существо, которое способно противостоять этому хаосу,— человек. Сумеешь им остаться — считай, победил; а поддашься, плонешь на всё,— мол, гори оно синим пламенем! — предашь и себя, и всё человечество. Без нудного морализаторства, просто и по-писательски изящно Брэдбери говорил в рассказе «И грянул гром» об ответственности за каждый поступок... Раздавили в юре бабочку — и президентом стал фашист. Совершил маленькую подлость — а последствия ее вырастут до масштабов Хиросимы. Бросил непогашенную спичку — запылало все человечество... Печальная фантастика Брэдбери, катарсис, который мы переживали над листом бумаги, заставляли нас что-то менять в собственной жизни.

И потому — спасибо фантастам.

Спасибо Уэллсу, который открыл перед нами бездну Времени.

Спасибо Азимову, который предупредил нас об опасности мерзавцев, дорвавшихся до Времени.

Спасибо Брэдбери, который прибавил к четвертому измерению еще необходимое пятое — совесть.

Спасибо Хайнлайну, который написал добрую, неагрессивную книгу, аккумулировавшую много хорошего из того, что выдумали «отцы-основатели» жанра.

Спасибо всем тем фантастам, которые честно писали о прошлом и будущем, помогая нам кое в чем разобраться в настоящем, в самих себе.

Кузнечик из взятого мною эпиграфа в самом деле не ведает, куда скакет. Не уподобимся же этому милому насекомому — право же, нам есть куда смотреть, двигаясь в будущее.

Читайте фантастику, и есть надежда, что вы не сломаете себе шею.

Роман Арбитман

С О Д Е Р Ж А Н И Е

ДВЕРЬ В ЛЕТО (фантастический роман)	3
Что может быть проще времени? Роман Арбитман . . .	233

Литературно-художественное издание

Роберт Хайнлайн

ДВЕРЬ В ЛЕТО

Фантастический роман

Редактор А. Гиутов

Художники Е. Савельев и О. Савельев

Художественный редактор В. Бутенко

Технический редактор Л. Борисова

Корректоры И. Дудуева и Е. Феоктистова

ИБ № 1832

Сдано в набор 10.10.89. Подписано в печать
16.02.90. Формат 70×108^{1/2}. Бумага писчая 66 г/см².
Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. Усл. печ.
л. 10,5. Усл. кр.-отт. 10,76. Уч.-изд. л. 11,63.
Тираж 25 000. Заказ 4602. Цена 4 руб.

**Приволжское книжное издательство,
410071, г. Саратов, пл. Революции, 15.**

Отпечатано в типографии «Коммунист». 410601,
Саратов, ул. Волжская, 28 с диапозитивов, из-
готовленных на Саратовском ордена Трудового
Красного Знамени полиграфическом комбинате
Государственного комитета РСФСР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли.
410004, Саратов, ул. Чернышевского, 59.

4 РУБ.

Роберт Ансон Хайнlein (1907-1988) родился в штате Миссури (США), учился в университете Миссури, затем в Военно-морской академии, служил на Флоте, снова учился в университете — на этот раз в Калифорнийском (изучая физику и математику). Первый его фантастический рассказ «Линии жизни» вышел в 1937 году, а уже два года спустя, на Всемирном конкурсе любительской фантастики в Денвере, Хайнlein был признан самым перспективным автором. Широкую известность в США получили его романы, созданные в 50-е и 60-е годы: «Двойные звезды», «Экзодия пехоты», «Чужостранцы в незнакомой стране», «Луна — сущая козырька», повести и рассказы. Р. Хайнlein — лауреат четырех премий «Хьюго», присуждаемых на Всемирных конвентах любителей фантастики. Советскому читателю знакомы известны романы «Письма из вселенной», повесть «если это будет продолжаться», рассказы «Дом, который построил Тиль», «Зеленые адамы Земли».